

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

6/2018

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н., доц. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

O. I. Andreeva (doctor of law, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **O. V. Boltinova** (doctor of law, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, prof.); **E. R. Ergashev** (doctor of law, prof.); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. A. Ignatieva** (doctor of law, prof.); **S. D. Khazanov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, prof.); **N. V. Kozlova** (doctor of law, prof.); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **P. I. Kononov** (doctor of law, prof.); **V. V. Komarova** (doctor of law, prof.); **E. V. Kudryavtseva** (doctor of law, prof.); **P. U. Kuznetsov** (doctor of law, prof.); **A. V. Lisachenko** (candidate of law, assoc. prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **S. Yu. Marochkin** (doctor of law, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **D. V. Osintsev** (doctor of law, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **T. V. Sakhnova** (doctor of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. M. Shafirov** (doctor of law, prof.); **E. V. Smakhtin** (doctor of law, prof.); **A. I. Stakhov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zаметина** (doctor of law, prof.); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375–54–20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к «Российскому юридическому журналу»», допускается только с разрешения редакции

© Уральский государственный юридический университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Лазутин Л. А. (Екатеринбург)* Статут Международного уголовного суда и Конституция Российской Федерации: грани несоответствия5
- Федоров И. В. (Екатеринбург)* Категория «интеграция» в международном образовательном праве10

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Прошляков А. Д., Казакова А. В. (Екатеринбург)* Пределы преюдициальной силы решений по уголовным делам при предъявлении виндикационных исков16

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Кудрявцева В. П. (Екатеринбург)* Изменение порядка исполнения исполнительного документа: варианты правовой регламентации23
- Дженакова Е. В. (Екатеринбург)* Распространение информации как объект права29

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Осинцев Д. В. (Екатеринбург)* Проблемы и перспективы административно-правовых исследований36

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Семякин М. Н. (Екатеринбург)* Экономический анализ частного права в России: проблемы и перспективы развития49

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Мотревич В. П. (Екатеринбург)* Учреждения для содержания военнопленных и интернированных в Узбекистане в 1943–1949 гг. (численность и дислокация)59
- Овчинникова О. А., Морева О. В. (Екатеринбург)* Научная библиотека Уральского государственного юридического университета в 1918–1934 гг.68
- Смыкалин А. С. (Екатеринбург)* Конституция РСФСР 1918 г.: первый опыт законодательного закрепления советского государственного строя81
- Жабреев М. В. (Екатеринбург)* Исторические основы формирования субъектного состава права Древнего Рима91

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Булатова С. В. (Тюмень)* Криминалистическая деятельность защитника в процессе собирания доказательств101

ХРОНИКА

- Давлетгильдеев Р. Ш., Яфизова Л. Д. (Казань)* О междисциплинарных исследованиях в рамках обеспечения европейской интеграции и взаимоотношений между ЕС, Россией и странами Евразийского региона: обзор мероприятий Центра превосходства Жана Монне в области европейских исследований VOICES+109

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

- Lazutin L. A. (Yekaterinburg)* The Rome Statute of the International Criminal Court and the Constitution of the Russian Federation: the edge of non-conformity5
- Fedorov I. V. (Yekaterinburg)* The category «integration» in international educational law10

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Proshlyakov A. D., Kazakova A. V. (Yekaterinburg)* The limits of the prejudicial force of decisions on criminal cases upon presentation of vindication suits16

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Kudryavtseva V. P. (Yekaterinburg)* Change of an enforcement order of the executive document: legal provision options23
- Dzhenakova E. V. (Yekaterinburg)* Dissemination of information as an object of law29

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- Osintsev D. V. (Yekaterinburg)* Problems and prospects of administrative legal research36

ECONOMICS AND LAW

- Semyakin M. N. (Yekaterinburg)* Economic analysis of private law in Russia: problems and prospects.....49

PAGES OF HISTORY

- Motrevich V. P. (Yekaterinburg)* Institutions for the detention of prisoners of war and internees in Uzbekistan in 1943–1949 (number and disposition)59
- Ovchinnikova O. A., Moreva O. V. (Yekaterinburg)* The scientific library of the Ural State Law University in 1918–193468
- Smykalin A. S. (Yekaterinburg)* The RSFSR Constitution of 1918: the first experience of the legalization of the Soviet state system of government81
- Zhabreev M. V. (Yekaterinburg)* Historical foundations of the formation of a subjective composition of the Ancient Rome law91

STUDENTS' BULLETIN

- Bulatova S. V. (Tyumen)* Forensic activities of a defender in the collection of evidence101

CHRONICLE

- Davletgil'deev R. Sh., Yafizova L. D. (Kazan)* On multidisciplinary research as part of ensuring European integration and relations between the EU, Russia and the Eurasian states: a review of the activities undertaken by the EU Center of Excellence VOICES+109

РИМСКИЙ СТАТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГРАНИ НЕСООТВЕТСТВИЯ

Лазутин Лев Александрович

Заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
e-mail: mp@usla.ru

В статье отмечаются причины отказа России от участия в Римском статуте Международного уголовного суда. Анализируются отдельные положения Статута и указывается на их противоречие нормам Конституции Российской Федерации. Дается отрицательная оценка перспектив изменения Конституции и принятия нового законодательства в связи с положениями Статута.

Ключевые слова: Римский статут Международного уголовного суда, Конституция РФ, законодательство, международное право

THE ROME STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE EDGE OF NON-CONFORMITY

Lazutin Lev

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: mp@usla.ru

The article notes the reasons of Russia's refusal to participate in the Rome Statute of the International Criminal Court. The certain provisions of the Statute are analyzed and their contradiction to the norms of the Constitution of the Russian Federation is mentioned. A negative assessment of the prospects for amending the Constitution and adopting new legislation in connection with the provisions of the Statute is given.

Key words: Rome Statute of the International Criminal Court, Constitution of the Russian Federation, legislation, international law

16 ноября 2016 г. было принято распоряжение Президента РФ № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». Россия отозвала свою подпись под этим документом. Вместе с тем Российская Федерация неоднократно демонстрировала свое позитивное отношение к созданию Международного уголовного суда (далее – МУС), активно участвуя в работе Подготовительного комитета и Подготовительной комиссии для Международного уголовного суда, а также дипломатической конференции в Риме. Что же стало причиной изменения позиции России, отказа от ратификации Римского статута (далее – Статут), а также отзыва подписи?

На наш взгляд, основные причины заключаются в следующем:

во-первых, неудовлетворительная работа самого МУС, о чем убедительно сказано в заявлении Министерства иностранных дел Российской Федерации, принятого по указанию Президента РФ: «К сожалению, Суд не оправдал возложенных на него

надежд и не стал подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия. В принципиальном плане на различных площадках, в том числе в Генеральной Ассамблее и Совете Безопасности ООН, отмечалась неэффективная и однобокая работа Суда в рамках расследуемых им дел. Показательный факт – за 14 лет своей работы МУС вынес всего 4 приговора, израсходовав при этом более 1 млрд долларов¹. Быть членом МУС в нынешних условиях – значит поощрять активность пристрастного и несправедливого суда и в какой-то мере быть соучастником его деятельности;

во-вторых, существенное несоответствие положений Статута Конституции и законодательству России. Об этом блоке причин поговорим подробнее.

Вопросы соотношения норм Статута и законодательства Российской Федерации рассматривались на многих международных научных конференциях, например «Международный уголовный суд и укрепление верховенства власти» (11–12 февраля 2002 г., Москва), «Римский статут Международного уголовного суда: имплементация на национальном уровне» (4–5 февраля 2004 г., Москва).

Несмотря на прошедшие дискуссии, спорным остается вопрос о соответствии норм Статута отдельным конституционным положениям. Конституция РФ позволяет найти приемлемое юридическое решение по применению отдельных положений Статута. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяется правило международного договора». Нормы Конституции закрепляют правила об общей инкорпорации международно-правовых норм, признанных Россией, в ее правовую систему; эти нормы могут непосредственно применяться государственными органами, в том числе судами.

В связи с тем что после ратификации Статут становится частью правовой системы Российской Федерации, неизбежно возникает проблема так называемых самоисполнимых и несамоисполнимых международно-правовых норм. Применительно к Статуту мы можем выделить как первые (например, ст. 16), так и вторые. Так, ст. 14 закрепляет, что государство-участник МУС может передать Прокурору материалы, характеризующие совершение преступления, подпадающее под юрисдикцию суда. Вопросы о том, какой федеральный государственный орган (Прокуратура РФ, Минюст РФ, Следственный комитет РФ, МВД РФ, Федеральная служба безопасности РФ, МИД РФ), по каким каналам и в соответствии с какой процедурой может обратиться в Суд, нуждаются в дополнительном правовом регулировании.

При подписании Статута в Российской Федерации понимали, что потребуются внесение изменений во многие законодательные акты и не только в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ. Не исключалась возможность принятия федеральных законов, в частности закона, регулирующего порядок сотрудничества с МУС, и закона о порядке реализации норм, закрепленных в Статуте, как части правовой системы Российской Федерации.

Однако не все противоречия могут быть разрешены через принятие специальных актов.

¹ URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/-/asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2523566.

Статья 79 Конституции РФ допускает возможность передачи отдельных функций государственной власти международным органам, и в этой части возложение определенных судебных полномочий на МУС само по себе не может представлять собой нарушение Конституции РФ. Вместе с тем последняя ограничивает эту возможность и устанавливает, что передача названных функций может осуществляться, «если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя».

МУС дополняет национальные органы уголовной юстиции (ст. 1 Статута). Данное положение Статута означает признание наряду с юрисдикцией национальных судебных органов Российской Федерации юрисдикцию иного (международного) судебного органа. Однако в ст. 11 Конституции РФ приведен исчерпывающий список органов, которые осуществляют государственную власть в РФ: «Президент, Федеральное Собрание, Правительство РФ, суды РФ». Более того, ст. 118 Конституции РФ конкретизирует положение ст. 11, а именно устанавливает порядок осуществления правосудия посредством суда. Судебная система в РФ регулируется Конституцией и федеральным конституционным законом. Создание судов в ином порядке, в том числе в порядке заключения международного договора, Конституцией РФ не предусмотрено.

Сложными представляются вопросы толкования и реализации ст. 27 Статута о привлечении к уголовной ответственности главы государства, главы правительства и иных высших должностных лиц государства. Статья 93 Конституции РФ предусматривает особый порядок отрешения от должности Президента РФ, в том числе, в случае совершения им тяжкого преступления. Только Государственная Дума может выдвинуть главе государства обвинение, которое должно быть подтверждено заключениями Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения. Возможна ситуация, при которой МУС потребует в соответствии со ст. 27 Статута передачи под свою юрисдикцию главы государства (Президента РФ), а Верховный Суд РФ не даст необходимого заключения или Государственная Дума не выдвинет обвинения. Таким образом, возможно возникновение коллизии: с одной стороны, наличие национальных процессуальных норм не должно служить препятствием для осуществления судом своей юрисдикции, а с другой – существует установленный законодательством специальный порядок привлечения к уголовной ответственности высших должностных лиц, которые вправе требовать его соблюдения.

Вопросы вызывает и соотношение ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, закрепляющей положение о запрете повторного осуждения за одно и то же преступление, с нормами ст. 20 Статута, которая устанавливает два исключения из правила *non bis in idem*: когда разбирательство в другом суде предназначалось для того, чтобы оградить лицо от уголовной ответственности, или когда разбирательство не было проведено независимо или беспристрастно и проводилось таким образом, что не отвечало цели передать соответствующее лицо правосудию.

Повторное осуждение за одно и то же деяние противоречит универсальным международно-правовым актам, закрепляющим права человека. Так, в п. 7 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 г. сказано, что «никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом

каждой страны». Данная норма представляет собой общепризнанную норму международного права, чего очевидно нельзя сказать о нормах Статута.

Кроме того, не урегулирован вопрос о соотношении понятий «передача лица в распоряжение Международного уголовного суда» и «выдача». Проблема возникает в связи со ст. 61 Конституции РФ, которая закрепляет принцип невыдачи своих граждан. Если исходить из буквального толкования нормы Конституции РФ, то гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству, не говоря уже о международной организации. В соответствии с п. 1 ст. 89 Статута «Суд может препроводить просьбу об аресте и предоставлении лица в его распоряжение вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами... любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращается к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и предоставлении такого лица в его распоряжение».

В ст. 102 Статута дается разъяснение употребляемых терминов. Под предоставлением в распоряжение понимается доставка лица государством в Суд в соответствии со Статутом. Выдача же означает доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства, что дает основание считать передачу в распоряжение суда и выдачу самостоятельными институтами международного права. Таким образом, реализация ст. 89 Статута не противоречит указанному положению Конституции РФ (ст. 61), ибо это не выдача в понимании международного договора.

Необходимо также остановиться на положениях ст. 105 Статута, по которой «приговор о назначении наказания в виде лишения свободы является обязательным для государств-участников, которые ни при каких обстоятельствах не могут изменять его... Только Суд имеет право принимать решения по любому ходатайству об освобождении и пересмотре. Государство исполнения приговора не препятствует лицу, которому вынесен приговор, обращаться с любым таким ходатайством».

Представляется, что данные положения противоречат нормам Конституции РФ, в частности ч. 3 ст. 50, которая предоставляет каждому осужденному право просить о помиловании или смягчении наказания, и ст. 89, которая фиксирует правило о том, что помилование осуществляет Президент РФ. Соответственно, положения ст. 105 Статута ограничивают права человека.

Таким образом, принятие Статута оказалось преждевременным, намного опередило действительность и имеющуюся нормативную базу. Данный документ содержит немало новелл, которые несовместимы с положениями универсальных, основополагающих актов, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах.

Принятие Статута было обусловлено необходимостью решения серьезных международных проблем. В уже упоминавшемся заявлении Министерства иностранных дел РФ отмечается: «С МУС – первым постоянно действующим органом международной уголовной юстиции – были тесно связаны ожидания международного сообщества в деле борьбы с безнаказанностью в контексте общих усилий по поддержанию международного мира и безопасности, урегулированию существующих конфликтов и предотвращению новых очагов напряженности». К сожалению, Международный уголовный суд за 18 лет своей работы не оправдал возложенных на него надежд и не стал подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия, что вызвало разочарование ряда государств, включая Российскую Федерацию.

Проблема и в том, что при выражении согласия на обязательность Статута необходимо проделать большую работу по изменению национального законодательства, в том числе Конституции РФ. Отмеченные нами противоречия в основном касаются тех статей, которые размещены в главах «Основы конституционного строя» или «Права и свободы человека и гражданина». А в соответствии со ст. 135 Конституции РФ положения, содержащиеся в указанных главах, могут быть изменены только путем принятия новой Конституции, что в настоящее время представляется неактуальным.

**КАТЕГОРИЯ «ИНТЕГРАЦИЯ»
В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ****Федоров Игорь Вадимович**

Доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент (Екатеринбург),
e-mail: ruzh@usla.ru

В статье представлен краткий обзор развития категории «интеграция» в доктрине. Отмечается сложившееся отождествление права интеграции и интеграции. Оценивается применение данной категории в отдельных областях международного взаимодействия, в частности в международном образовательном праве. Автор разделяет предложенное в научной периодике определение международной образовательной интеграции, приводит описанные в исследованиях особенности интеграционного взаимодействия государств и других субъектов в образовательной сфере.

Ключевые слова: интеграция, право интеграции, международное образовательное право, образовательная интеграция

**THE CATEGORY «INTEGRATION»
IN INTERNATIONAL EDUCATIONAL LAW****Fedorov Igor**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: ruzh@usla.ru

The article presents a brief overview of the development of the category «integration» in doctrine. The existing identification of law of integration with integration is noted. The application of the category in certain areas of international interaction, in particular, in international educational law is evaluated. The author shares the definition of international educational integration proposed in the scientific literature and considers the peculiarities of integrative interaction of states and other subjects in the educational sphere described in researches.

Key words: integration, law of integration, international educational law, educational integration

Первоначально термин «интеграция», как отмечал американский исследователь Фриц Махлуп, применялся европейскими экономистами в работах 1933 и 1939 гг., посвященных межгосударственному, преимущественно европейскому, торговому взаимодействию¹. Официальное же использование слова «интеграция» и производных от него связано с послевоенным экономическим устройством Европы. Впервые словосочетание «экономическая интеграция» публично прозвучало 31 октября 1949 г. в выступлении Пола Хоффмана (администратора Администрации экономического сотрудничества) перед Советом Организации европейского экономического сотрудничества. Хоффман призвал ускорить процесс «интеграции экономики Западной Европы», указав, что суть такой интеграции будет заключаться в формировании единого крупного рынка, в рамках которого количественные ограничения на движение товаров, денежные барьеры для потока платежей и в конечном итоге все тарифы будут полностью уничтожены².

¹ Machlup F. A history of thought on economic integration. L., 1977. P. 6–8.

² Ibid. P. 11.

Первое упоминание права интеграции обнаруживаем в работе Пьера Пескаторе «Право интеграции. Возникновение нового феномена в международных отношениях, основанное на опыте Европейских сообществ»¹. Небольшая по объему работа не просто привнесла новый термин в научный оборот, но и предложила несколько концептуальных положений, задавших вектор развития права Европейских сообществ.

Подход Пескаторе структурный. Интеграционный процесс базируется на том, что он называет «новыми структурными объединениями» – учреждениями, построенными на новых принципах представительства. В основе этой институциональной конструкции лежит идея порядка, определяемая наличием общих ценностей, которым участники готовы подчинить свои национальные интересы и свою национальную иерархию ценностей². В результате интеграция – это не только уникальный творческий процесс, это порядок, который определяет и развивает себя сам, в том числе, через усилия и при поддержке практиков, вовлеченных в создание и «работу» права интеграции. Право интеграции – практическая конструкция³.

Уолтер Халыштейн отмечал: «Европейское сообщество является замечательным юридическим явлением. Это творение права, это источник права и это правовая система»⁴. Верховенство права должно было заменить силу в европейской политике. Право выступало не только как инструмент, но и как культурная или символическая форма, как носитель нового духа сотрудничества и солидарности и как средство, способное сдерживать противоборствующие политические, экономические и социальные силы⁵.

По сути, право интеграции и было самой интеграцией. Политические факторы были важны для успеха этого предприятия, но роль права как эффективной и символической интегративной силы никем не оспаривалась⁶. В современных условиях правовая форма, которая долгое время ассоциировалась с успехом европейской интеграции, воспринимается лишь как дополнение к экономическим и межгосударственным механизмам⁷. Кризисные явления вызвали необходимость формирования новых подходов к пониманию и осмыслению права интеграции, но отнюдь не отказ от него. Речь идет, например, о теории справедливости, формирующей фундаментальные принципы права⁸, идее взаимосвязанности граждан, сообществ и государств на основе взаимного доверия⁹, концепции коллективной ответственности¹⁰.

¹ *Pescatore P.* Le droit de l'intégration: émergence d'un phénomène nouveau dans les relations Internationales selon l'expérience des Communautés Européennes. Leiden, 1972.

² *Integration Through Law. Europe and the American Federal Experience. Vol. 1: Methods, Tools and Institutions* / ed. by M. Cappelletti, M. Seccombe, J. H. Weiler. Berlin; N. Y., 1986. P. 50, 51.

³ *Azoulai L.* Integration through law and us // *International Journal of Constitutional Law*. 2016. Vol. 14. № 4. P. 452.

⁴ *Hallstein W.* Europe in the Making. L., 1972. P. 30.

⁵ *Azoulai L.* Op. cit. P. 450.

⁶ *Integration Through Law. Europe and the American Federal Experience. Vol. 1.* P. 46.

⁷ *Shaw J., Hunt J.* Fairy Tale of Luxembourg? Reflections on Law and Legal Scholarship in European Integration // *Reflections on European Integration: 50 Years of the Treaty of Rome* / ed. by D. Phinnemore, A. Warleigh. L., 2009. P. 93–108.

⁸ *Williams A. T.* Taking Values Seriously: Towards a Philosophy of EU Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2009. Vol. 29. № 3. P. 552.

⁹ *Klingemann H.-D., Weldon S.* A Crisis of Integration? The Development of Transnational Dyadic Trust in the European Union, 1954–2004 // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52. P. 457–482.

¹⁰ *Azoulai L.* Op. cit. P. 462–463.

Так или иначе, идея об интеграции, идущей через право, отождествление интеграции и права интеграции сохраняются в современной доктрине европейского права. Это принципиально важно, так как, по сути, наработки в области европейского права, европейской интеграции задействованы в других образованиях интеграционного типа, лежащих как в границах европейского континента, так и за его пределами. В известном смысле опыт Европейского союза – самый успешный пример реализации интеграционных усилий государств, и именно с ним сравниваются достижения других сообществ и союзов¹.

Обращаясь к категории «интеграция», следует отметить, что современные исследователи международного права применяют эту категорию либо исключительно инструментально, как, например, Ю. С. Безбородов, который определяет ее как «метод конвергенции правовых систем с помощью специальных международно-правовых средств с целью достижения единства правового регулирования, связанный с деятельностью правосоздающих субъектов в международном праве, проходящий на универсальном и региональном уровнях с использованием специфичных правовых методов и в разных формах... как процесс усиления взаимозависимости государств»²; либо весьма схоластически, как, например, А. В. Егоров, который понимает под интеграцией самостоятельный объективный процесс взаимопроникновения элементов сферы человеческого бытия, где право является одним из формально-структурных образований, обеспечивающих интегрирование³; либо в политологическом ключе, как, например, С. Ю. Кашкин, отмечающий, что «интеграция есть средство решения глобальных социальных задач государств, связанных историческим прошлым и экономическим настоящим, а ее правовое регулирование – юридический механизм, обеспечивающий их эффективное проведение в жизнь»⁴.

Неизменным, как нам кажется, остается межгосударственный и нормативистский контекст рассмотрения данного явления⁵. Но можно ли использовать категорию «интеграция» по отношению не только к жестким правовым регуляторам, но и к иным субъектам? И срабатывает ли интеграция исключительно в экономических межгосударственных отношениях и в рамках экономических интеграционных образований, как это изначально предполагалось в доктрине и практике, или эта категория предельно универсальна?

Для ответов на поставленные вопросы обратимся к международному образовательному сотрудничеству. Причин для такого выбора несколько: словосочетание «международная образовательная интеграция» весьма устойчиво в доктрине и практике⁶; в образовательном взаимодействии велика роль не только и не столько го-

¹ См., например: *Berry D. S. Caribbean Integration Law*. Oxford, 2014. P. 30–35.

² *Безбородов Ю. С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции* // *Lex Russica*. 2017. № 12. С. 129.

³ *Егоров А. В. Правовая интеграция и ее содержание* // *Государство и право*. 2004. № 6. С. 74.

⁴ *Основы правового регулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве: моногр.* / под ред. С. Ю. Кашкина. М., 2013. С. 10.

⁵ Подробнее о разнообразии подходов к определению интеграции и ее оценок см.: *Безбородов Ю. С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции: моногр.* М., 2018. С. 114–125.

⁶ См., например: *Kashkan G. V., Egorova M. S. Problems and Outlooks of International Integration of Higher Education* // *International Education Studies*. 2015. Vol. 8. № 7. P. 250–255; *Kupriyanov R. V., Zaripov R. N., Valeyeva N. S., Valeyeva E. R., Zaripova I. R., Nadeyeva M. I. The Main Directions of International Educational Integration: Potential Benefits and Risks of Reforming Professional Education* // *Review of European Studies*. 2015. Vol. 7. № 3. P. 305–312; *Бушмелева Д. Б. Международная образовательная интеграция* // *Рос. юрид. журн.* 2015. № 3. С. 130–136; *Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Международная образовательная интеграция*. М., 2018.

сударств и международных организаций, но и учащихся, их родителей, педагогов и образовательных учреждений – они и цель интеграции, и ее акторы. Регулирование образовательного сотрудничества опирается на нормы «мягкого права»: рекомендации ЮНЕСКО, Всемирную декларацию о высшем образовании для XXI века 1998 г., Всеобщую хартию университетов 1988 г., Декларацию о создании общеевропейского пространства высшего образования 1999 г. и множество других.

С. Ю. Кашкин и А. О. Четвериков предлагают следующие определения понятия «международная образовательная интеграция»: «новое состояние отношений между государствами, возникающее под влиянием процессов интеграции образования»¹; «совместная деятельность двух и более государств, направленная, с одной стороны, на устранение препятствий транснациональному (трансграничному) образованию, с другой стороны, на выработку общей образовательной политики»². Характеризуя основные направления образовательной интеграции, авторы рассматривают экономическую составляющую образования, указывают на конкурентный рынок образовательных услуг, развитие международной торговли такими услугами и связанную с ней либерализацию миграционного режима для учащихся и преподавателей.

Интеграция, безусловно, тяготеет к экономическому межгосударственному взаимодействию. Но в современных интеграционных образованиях отнюдь не экономический компонент выступает конституирующим элементом развития сообщества или союза. «На уровне индивидуального сознания интеграция призвана породить лояльность и приверженность новому объединению, а на структурном уровне – участие каждого в его поддержке и развитии»³. Кроме того, очевидно, что право на образование, лежащее в основе образовательной интеграции, нельзя сводить к услуге, что вытекает из положений международных актов в области образования. Аналогичное мнение неоднократно высказывал Специальный докладчик ООН по вопросу о праве на образование⁴. В целом категория «интеграция» активно применяется в работах, посвященных правам человека⁵. Правда, справедливости ради следует заметить, что в контексте международного права прав человека эта категория используется для обозначения неделимости, системности, комплексности прав человека.

В образовательной интеграции сильны горизонтальные и диагональные связи, в которых участвуют не только государства, но и образовательные учреждения, а также их объединения и сообщества студентов и преподавателей. При этом регулирование образовательной интеграции характеризуется большим количеством актов «мягкого права», ориентированных именно на таких акторов образовательного сотрудничества.

Полагаем, что более сбалансированный вариант определения образовательной интеграции, учитывающий особенности этой области международного права, пред-

¹ Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Указ. соч. С. 75.

² Там же. С. 78.

³ Gonidec P.-F., Charvin R. Relations Internationales. P., 1984. P. 435 (Цит. по: Безбородов Ю. С. Международно-правовая интеграция: подходы к пониманию феномена // Рос. юрид. журн. 2012. № 1. С. 65).

⁴ См., например: доклады Специального докладчика по вопросу о праве на образование А/69/402 от 24 сентября 2014 г. «Приватизация и право на образование», А/HRC/29/30 от 10 июня 2015 г. «Защита права на образование от коммерциализации».

⁵ См., например: Brems E. Should pluriform human rights become one? Exploring the benefits of human rights integration // European Journal of Human Rights. 2014. № 4. P. 447–470; Mayessa A. D. Overview on the notion of integration of human rights: giving pragmatic value to socio-economic rights rather than rim service // Nordic Journal of International Law. 2014. Vol. 83. P. 168–200.

ложен в исследовании Д. Б. Бердниковой: «Образовательная интеграция – процесс сближения национальных образовательных систем как путем взаимного согласования законодательств различных стран с целью формирования единого образовательного пространства, механизмов признания и идентификации документов об образовании, профессиональной квалификации в различных странах, так и путем сотрудничества между университетами и другими образовательными учреждениями»¹.

Сама же категория «интеграция» в межгосударственном взаимодействии носит безусловно универсальный характер, она всегда основана на праве, но набор регуляторов расширяется с течением времени, включая акты надгосударственных органов, акты «мягкого права»; деятельными участниками интеграции становятся не только государства, но и частные лица, чья поддержка и усилия принципиально важны для достижения целей интеграции.

Список литературы

- Azoulai L. Integration through law and us // International Journal of Constitutional Law. 2016. Vol. 14. № 4.
- Berry D. S. Caribbean Integration Law. Oxford, 2014.
- Brems E. Should pluriform human rights become one? Exploring the benefits of human rights integration // European Journal of Human Rights. 2014. № 4.
- Gonidec P.-F., Charvin R. Relations Internationales. P., 1984.
- Hallstein W. Europe in the Making. L., 1972.
- Integration Through Law. Europe and the American Federal Experience. Vol. 1: Methods, Tools and Institutions / ed. by M. Cappelletti, M. Secombe, J. H. Weiler. Berlin; N. Y., 1986.
- Kashkan G. V., Egorova M. S. Problems and Outlooks of International Integration of Higher Education // International Education Studies. 2015. Vol. 8. № 7.
- Klingemann H.-D., Weldon S. A Crisis of Integration? The Development of Transnational Dyadic Trust in the European Union, 1954–2004 // European Journal of Political Research. 2013. Vol. 52.
- Kupriyanov R. V., Zaripov R. N., Valeyeva N. S., Valeyeva E. R., Zaripova I. R., Nadeyeva M. I. The Main Directions of International Educational Integration: Potential Benefits and Risks of Reforming Professional Education // Review of European Studies. 2015. Vol. 7. № 3.
- Machlup F. A history of thought on economic integration. L., 1977.
- Mayessa A. D. Overview on the notion of integration of human rights: giving pragmatic value to socioeconomic rights rather than rim service // Nordic Journal of International Law. 2014. Vol. 83.
- Pescatore P. Le droit de l'intégration: émergence d'un phénomène nouveau dans les relations Internationales selon l'expérience des Communautés Européennes. Leiden, 1972.
- Shaw J., Hunt J. Fairy Tale of Luxembourg? Reflections on Law and Legal Scholarship in European Integration // Reflections on European Integration: 50 Years of the Treaty of Rome / ed. by D. Phinmore, A. Warleigh. L., 2009.
- Williams A. T. Taking Values Seriously: Towards a Philosophy of EU Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2009. Vol. 29. № 3.
- Безбородов Ю. С. Интеграция как международно-правовой метод правовой конвергенции // Lex Russica. 2017. № 12.
- Безбородов Ю. С. Международно-правовая интеграция: подходы к пониманию феномена // Рос. юрид. журн. 2012. № 1.
- Безбородов Ю. С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции: моногр. М., 2018.
- Бердникова Д. Б. Роль интеграции в механизме реализации права на образование // Евраз. юрид. журн. 2018. № 3.
- Бушмелева Д. Б. Международная образовательная интеграция // Рос. юрид. журн. 2015. № 3.
- Егоров А. В. Правовая интеграция и ее содержание // Государство и право. 2004. № 6.
- Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Международная образовательная интеграция. М., 2018.
- Основы правового регулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве: моногр. / под ред. С. Ю. Кашкина. М., 2013.

¹ Бердникова Д. Б. Роль интеграции в механизме реализации права на образование // Евраз. юрид. журн. 2018. № 3. С. 29.

References

- Azoulai L.* Integration through law and us // *International Journal of Constitutional Law*. 2016. Vol. 14. № 4.
- Berdnikova D. B.* Rol' integratsii v mekhanizme realizatsii prava na obrazovanie // *Evrash. yurid. zhurn.* 2018. № 3.
- Berry D. S.* *Caribbean Integration Law*. Oxford, 2014.
- Bezborodov Yu. S.* Integratsiya kak mezhdunarodno-pravovoi metod pravovoi konvergentsii // *Lex Russica*. 2017. № 12.
- Bezborodov Yu. S.* Mezhdunarodno-pravovaya integratsiya: podkhody k ponimaniyu fenomena // *Ros. yurid. zhurn.* 2012. № 1.
- Bezborodov Yu. S.* Mezhdunarodno-pravovye metody i formy pravovoi konvergentsii: monogr. M., 2018.
- Brems E.* Should pluriform human rights become one? Exploring the benefits of human rights integration // *European Journal of Human Rights*. 2014. № 4.
- Bushmeleva D. B.* Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya integratsiya // *Ros. yurid. zhurn.* 2015. № 3.
- Egorov A. V.* Pravovaya integratsiya i ee soderzhanie // *Gosudarstvo i pravo*. 2004. № 6.
- Gonidec P.-F., Charvin R.* *Relations Internationales*. P., 1984.
- Hallstein W.* *Europe in the Making*. L., 1972.
- Integration Through Law. Europe and the American Federal Experience*. Vol. 1: Methods, Tools and Institutions / ed. by M. Cappelletti, M. Secombe, J. H. Weiler. Berlin; N. Y., 1986.
- Kashkan G. V., Egorova M. S.* Problems and Outlooks of International Integration of Higher Education // *International Education Studies*. 2015. Vol. 8. № 7.
- Kashkin S. Yu., Chetverikov A. O.* Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya integratsiya. M., 2018.
- Klingemann H.-D., Weldon S.* A Crisis of Integration? The Development of Transnational Dyadic Trust in the European Union, 1954–2004 // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52.
- Kupriyanov R. V., Zaripov R. N., Valeyeva N. S., Valeyeva E. R., Zaripova I. R., Nadeyeva M. I.* The Main Directions of International Educational Integration: Potential Benefits and Risks of Reforming Professional Education // *Review of European Studies*. 2015. Vol. 7. № 3.
- Machlup F.* A history of thought on economic integration. L., 1977.
- Mayessa A. D.* Overview on the notion of integration of human rights: giving pragmatic value to socio-economic rights rather than rim service // *Nordic Journal of International Law*. 2014. Vol. 83.
- Osnovy pravovogo regulirovaniya integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve: monogr.* / pod red. S. Yu. Kashkina. M., 2013.
- Pescatore P.* Le droit de l'intégration: émergence d'un phénomène nouveau dans les relations Internationales selon l'expérience des Communautés Européennes. Leiden, 1972.
- Shaw J., Hunt J.* Fairy Tale of Luxembourg? Reflections on Law and Legal Scholarship in European Integration // *Reflections on European Integration: 50 Years of the Treaty of Rome* / ed. by D. Phinnemore, A. Warleigh. L., 2009.
- Williams A. T.* Taking Values Seriously: Towards a Philosophy of EU Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2009. Vol. 29. № 3.

**ПРЕДЕЛЫ ПРЕЮДИЦИАЛЬНОЙ СИЛЫ
РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ВИНДИКАЦИОННЫХ ИСКОВ****Прошляков Алексей Дмитриевич**

Заведующий кафедрой уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
e-mail: up@usla.ru

Казакова Александра Викторовна

Доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук (Екатеринбург),
e-mail: jiky@yandex.ru

В статье исследуется преюдициальное значение решений, выносимых в рамках уголовного процесса. Актуальность данного вопроса обуславливается возрастающим количеством гражданских и арбитражных дел, основывающихся на приговорах, постановлениях о возбуждении, прекращении уголовных дел и т. д. Преюдиция представляет собой сложное правовое явление, не урегулированное нормами ни одной из отраслей права. Исследуются правовой институт виндикационного иска, проблемы, связанные с материально-правовым основанием искового заявления виндикационного характера, и особенности похищенного имущества. Анализируются положения закона, на основании которых судьи, рассматривающие гражданские и арбитражные дела, разрешают виндикационные иски; приводится ряд дел, участники которых в обоснование своих требований ссылались на документы, выносимые следователями / дознавателями в рамках уголовного процесса. Делается вывод о том, что решение по конкретному гражданскому делу в большой степени зависит от усмотрения выносящего его судьи, что, как представляется, не способствует разумной защите прав как потерпевших, так и добросовестных приобретателей имущества.

Ключевые слова: преюдиция, виндикационный иск, возмещение стоимости, похищенное имущество

**THE LIMITS OF THE PREJUDICIAL FORCE
OF DECISIONS ON CRIMINAL CASES
UPON PRESENTATION OF VINDICATION SUITS****Proshlyakov Aleksei**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: up@usla.ru

Kazakova Aleksandra

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: jiky@yandex.ru

The article explores the prejudicial significance of decisions on criminal cases. This issue is urgent due to the growing number of civil and arbitration cases based on sentences, decisions on the initiation or termination of criminal cases, etc. Prejudice is a complex legal phenomenon, which is not regulated by any branches of law. The legal institute of the vindication lawsuit, the problems connected with the substantive basis of the vindication claim, and the peculiarities of the stolen property are investigated; the civil lawsuit in the criminal legal proceedings is compared with the

vindication lawsuit. The legal provisions, on the basis of which judges dealing with civil and arbitration cases resolve vindication claims, are analyzed; there are a number of cases, in support of which the participants in the proceedings cite the documents issued by the investigators / inquirers in the criminal process. It is concluded that the decision on a particular civil case largely depends on the discretion of the judge, and this does not seem to contribute to reasonable protection of both the rights of the victims and rights of bona fide purchasers of property.

Key words: prejudice, vindication lawsuit, compensation of value, stolen property

Конституция РФ (ст. 46 и 52) гарантирует защиту прав граждан и организаций, потерпевших от преступлений, обеспечивает их доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Статья 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., устанавливает, что жертвы преступлений имеют право на доступ к правосудию и скорейшую компенсацию нанесенного им ущерба в соответствии с национальным законодательством. Уголовно-процессуальный кодекс РФ называет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, главным назначением уголовного судопроизводства (ст. 6).

Восстановление нарушенных преступлением прав, как правило, связывают с институтом гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Иск, разрешающийся одновременно с вопросами о вине преступника, имеет ряд преимуществ:

- 1) не оплачивается государственной пошлиной;
- 2) бремя доказывания основания и размера материальных требований возлагается на органы предварительного расследования;
- 3) имеется процессуальная экономия, поскольку потерпевшему не требуется в дальнейшем тратить время и силы на гражданское судопроизводство;
- 4) уголовно-процессуальное законодательство предъявляет упрощенные требования к оформлению иска, в частности допускается устное заявление лица о возмещении имущественного или морального вреда, которое заносится в протокол. Возможны произвольная форма искового заявления, отсутствие в нем сведений о лице, несущем ответственность за вред, причиненный преступлением.

Потерпевший в уголовном деле вправе предъявить гражданско-правовые требования к виновнику или иному лицу (который несет гражданско-правовую ответственность) о возмещении имущественного вреда или компенсации морального вреда. Нормативно-правовым обоснованием удовлетворения исков является ст. 1064 Гражданского кодекса РФ: вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда.

Удовлетворение гражданского иска не тождественно восстановлению нарушенных прав. О последнем можно говорить лишь в случае реального получения потерпевшим (гражданским истцом) присужденных имущества или денежных средств. Практика показывает, что между выписанным на основании приговора исполнительным листом и реальной компенсацией порой пролегает пропасть. Причина кроется в материальном положении лиц, виновных в совершении преступления, и их нежелании возмещать ущерб, особенно когда в результате неправомерных действий добыто дорогостоящее имущество (виновники стремятся незамедлительно его подарить или

продать). Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2007–2015 гг. количество корыстных преступлений составляет более трети¹.

В случаях отчуждения похищенного имущества в пользу третьих лиц у потерпевшего возникает еще одна возможность для защиты нарушенных прав – виндикационный иск об истребовании имущества из чужого добросовестного или недобросовестного владения.

Особенность виндикационного иска состоит в предъявлении его лицу, которое не является ни виновником совершенного преступления, ни лицом, которое несет за действия преступника материально-правовую ответственность. В данном случае это лицо, которое приобрело похищенное у потерпевшего имущество на основании возмездной или безвозмездной сделки. Следовательно, рассмотрение виндикационного иска возможно только вне рамок уголовного дела. Как правило, приобретатель имущества не является стороной по уголовному делу. Скорее, данный субъект приобретает статус свидетеля, а зачастую и вовсе не имеет процессуального статуса и не участвует в уголовном судопроизводстве.

Поскольку приобретатель имущества может стать ответчиком по виндикационному иску потерпевшего, можно сделать однозначный вывод о наличии у него интереса в уголовном деле. В случае удовлетворения виндикационного иска последуют признание сделки по приобретению имущества недействительной и применение правил о двусторонней реституции на основании ч. 2 ст. 167 ГК РФ: при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре – возместить его стоимость; при этом у приобретателя имущества появится право на предъявление к лицу, виновному в совершении деяния, гражданско-правового требования о возврате денежных средств, уплаченных за имущество. Если продолжать эту мысль, то данный субъект имеет право не только участвовать в уголовном судопроизводстве, но и в последующем обжаловать приговор. Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» закрепляет право на подачу апелляционной жалобы всеми иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Аналогичное разъяснение содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

Сходством рассматриваемых требований является их обоснованность исключительно материалами уголовного дела. Последние имеют для виндикационного иска преюдициальное значение.

Следует согласиться с мнением Г. Я. Борисевич о том, что преюдиция представляет собой сложное правовое явление, определения которого нет ни в одной из отраслей российского права. В юридической литературе данное понятие трактуется как обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу решением или приговором по какому-либо другому делу².

¹ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

² Борисевич Г. Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестн. Пермского ун-та. Юрид. науки. 2014. № 1. С. 260–268.

Собирание доказательств в уголовном деле производится должностными лицами органов государственной власти и обеспечивается силой государственного принуждения, в связи с чем факты, установленные в порядке уголовного судопроизводства, имеют приоритет перед преюдицией, содержащейся в решениях по гражданским делам. Арбитражный процессуальный кодекс РФ содержит норму, согласно которой вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом (ч. 4 ст. 69). Частью 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ установлено, что вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

При рассмотрении гражданских дел, о которых идет речь в настоящей статье, первостепенное значение имеют два факта: а) незаконное изъятие имущества у потерпевшего; б) реализация виновником и приобретение данного имущества третьим лицом.

Виновник же в ходе уголовного судопроизводства может быть не установлен или не привлечен к уголовной ответственности, поэтому нормы ГПК РФ и АПК РФ подлежат расширительному толкованию, поскольку уголовное дело может закончиться не только приговором, но также постановлением о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, смертью лица, обвиняемого в совершении преступления, и по иным основаниям, закрепленным в ст. 24–28.1 УПК РФ. На практике суды исходят из указанного расширительного толкования и в качестве доказательств приобщают к гражданским делам не только приговоры, но и постановления о прекращении уголовного дела, а также постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о признании гражданским истцом и т. д. Главный критерий – наличие в документе сведений, необходимых для разрешения гражданского иска.

Следовательно, содержащаяся в решениях по уголовному делу информация о факте реализации виновником имущества конкретному физическому или юридическому лицу является основным условием для подачи потерпевшим виндикационного иска.

Однако даже при наличии указанной информации в материалах дела суды иногда неправомерно отказывают в удовлетворении виндикационного иска. Так, по уголовному делу № 25043433 было установлено, что груз стоимостью около 4 млн руб., принадлежащий на праве собственности ООО «Ч-И», во время перевозки был похищен, а затем реализован ООО «П»; последнее перепродало партию груза ООО «Ч-К», которое продало груз ООО «С». В последующем ООО «Ч-И» обратилось в Арбитражный суд Красноярского края с исковыми требованиями об истребовании из незаконного владения ООО «С» партии похищенного у него товара. В судебном заседании не только исследовались материалы уголовного дела, но и были допрошены в качестве свидетелей водитель автомобиля, перевозившего груз, а также экспедитор. Отказывая в удовлетворении исковых требований, арбитражный суд указал, что в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие, что ответчик приобрел у ООО «П» имущество истца, похищенное у него (имущество не определялось индивидуальными признаками). Кроме того, суд посчитал, что истец, предъявив иск, фактически пытается возложить на арбитражный суд обязанность установления фак-

та хищения неустановленными лицами имущества истца, а это не входит в компетенцию арбитражного суда.

Вместе с тем Арбитражный суд Красноярского края отметил, что выводы суда о недоказанности факта неосновательного обогащения являются преюдициально установленными обстоятельствами для уголовного судопроизводства в смысле ст. 90 УПК РФ, что не исключает возможности доказывания в порядке уголовного судопроизводства факта хищения имущества и не препятствует в случае признания лиц виновными в удовлетворении иска о возмещении вреда¹.

Согласно ст. 301 ГК РФ собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. В силу ч. 1 ст. 302 ГК РФ если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать (добросовестный приобретатель), то собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли. Нормы о неосновательном обогащении подлежат применению к правоотношениям, возникшим из виндикационного требования. В соответствии со ст. 1105 ГК РФ в случае невозможности возвратить в натуре неосновательно полученное имущество приобретатель должен возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент приобретения. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 24 июня 2008 г. № 3605/08 указал, что ст. 1103 ГК РФ устанавливает соотношение требований о возврате неосновательного обогащения с другими требованиями о защите гражданских прав и предусматривает применение института неосновательного обогащения также к требованиям об истребовании имущества собственником из чужого незаконного владения.

Следовательно, потерпевший вправе требовать не только возвращения имущества, но и возмещения стоимости имущества в случае невозможности вернуть его в натуре.

Так, Арбитражным судом Свердловской области были удовлетворены требования ТОО «С» к ООО «МПЗ-Э» о неосновательном обогащении. ТОО «С» продало партию лома ООО «А», которое перепродало эту же партию ООО «Н»; последнее в свою очередь перепродало лом ООО «МПЗ-Э». Таким образом, груженный автомобиль выехал с площадки ТОО «С» и был разгружен на базе ООО «МПЗ-Э». В последующем ООО «МПЗ-Э» осуществило оплату за приобретенный груз путем перечисления денежных средств на расчетный счет ООО «Н». Однако ООО «А» не произвело соответствующей оплаты в пользу ТОО «С», в связи с чем последнее названное юридическое лицо обратилось в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела. Через несколько месяцев органы полиции возбудили уголовное дело, признали ТОО «С» гражданским истцом, однако не установили виновных лиц.

Удовлетворяя исковые требования о неосновательном обогащении, суд сослался на постановление о возбуждении уголовного дела и постановление о признании гражданским истцом, проигнорировав факт оплаты ООО «МПЗ-Э» в пользу ООО «Н» полной стоимости партии лома, что, если рассуждать логически, является фактом, исключающим неосновательное обогащение, т. е. безвозмездный характер приобретения².

¹ Дело № А33-16502/2015 // Архив Арбитражного суда Красноярского края.

² Решение Арбитражного Суда Свердловской области от 26 мая 2016 г. по делу № А60-60852/2015 // Архив Арбитражного суда Свердловской области.

В деле защиты имущественных прав потерпевших одним из главных вопросов является вопрос о видах похищенного имущества. Логично предположить, что требование имущества у приобретателя возможно в отношении вещей, обладающих индивидуальными признаками. Например, при хищении предметов искусства, оборудования, имеющего заводской номер, и т. д. Именно в отношении индивидуально определенной вещи можно достоверно доказать и факт ее принадлежности потерпевшему, и факт владения ею приобретателем. Такой же позиции придерживался Арбитражный суд Красноярского края по ранее упомянутому делу № А33-16502/2015. Тем не менее Арбитражный суд Свердловской области пришел к противоположному выводу. В решении отражено, что лом цветных металлов определялся только родовыми признаками и в материалах уголовного дела фигурировал под наименованием «лом цветных металлов весом 19.916 кг». Данная судебная практика приводит к выводу о необязательности определения похищенного имущества индивидуальными признаками.

Следующий пример из практики красноречиво свидетельствует о том, что даже наличие нескольких вступивших в законную силу приговоров суда, содержащих полный объем предмета доказывания, не гарантирует обязательного удовлетворения виндикационного иска потерпевшего.

Приговором Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского от 29 марта 2016 г. по делу № 1-113/2016 Ш. был признан виновным в совершении хищения имущества (медных катодов), принадлежащего ООО «МПЗ», и осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ¹. Его соучастники также были признаны виновными в данном хищении: К. – приговором Синарского районного суда г. Каменска-Уральского от 28 марта 2016 г. по делу № 1-80/2016²; М. – приговором Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского от 2 ноября 2016 г. по делу № 1-264/2016³. Во всех трех приговорах было сказано, что Ш., К. и М. группой лиц по предварительному сговору путем обмана завладели принадлежащим ООО «МПЗ» имуществом стоимостью 7 млн руб. Похищенное имущество они через соучастника, объявленного в розыск, продали юридическому лицу – ООО «МИ» – за 5 млн руб. При этом в одном из приговоров были приведены выдержки из допроса работающего в ООО «МИ» весовщика-приемщика, который и принимал похищенное имущество у виновников преступления: «За время моей работы мне ни разу не завозился такой объем чистой меди, по этой причине описанную выше ситуацию я хорошо запомнил». Помимо весовщика-приемщика допрашивался коммерческий директор ООО «МИ», который показал, что объем меди был реализован ООО «МИ» по различным контрагентам.

После вступления приговоров в силу ООО «МПЗ» обратилось в Арбитражный суд Пензенской области с иском о взыскании с ООО «МИ» денежной суммы в размере 7 млн руб. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд указал следующее. Во-первых, в приговорах говорится, что Ш. продал похищенное имущество на территории промышленной площадки ООО «МИ»; информации о факте продажи медных катодов именно ООО «МИ» текст приговора, вынесенного в отношении Ш., не содержит. Во-вторых, лицами, обязанными возместить причиненный вред, являются Ш., К. и М. В-третьих, истцом не доказан факт реализации ООО «МИ» имуществ-

¹ Дело № 1-113/2016 // Архив Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского.

² Дело № 1-80/2016 // Архив Синарского районного суда г. Каменска-Уральского.

³ Дело № 1-264/2016 // Архив Красногорского районного суда г. Каменска-Уральского.

ва, полученного от Ш., К. и М.¹ Видимо, суд отказал в удовлетворении иска, опасаясь возможности «двойного» возмещения вреда: со стороны виновников и со стороны приобретателя имущества.

Возникает логичный теоретический вопрос: подлежит ли удовлетворению виндикационный иск к фактическому владельцу похищенного имущества, если виновник добровольно возместил ущерб? Анализ судебной практики приводит к выводу, что в данном случае суд откажет в изъятии вещи у фактического владельца в пользу законного собственника.

Подводя итоги, можно сформулировать условия рассмотрения виндикационного иска:

1) наличие в приговоре (постановлениях) доказательств, обосновывающих входящие в предмет доказывания факты:

принадлежности конкретного имущества потерпевшему;

передачи (возмездной или безвозмездной) похищенного имущества третьему лицу;

фактического владения третьим лицом спорным имуществом.

2) отсутствие возмещения причиненного вреда виновником;

3) отсутствие разрешения судьбы имущества посредством правового режима вещественных доказательств. Если вещь в результате следственных действий была обнаружена, то по правилам ст. 81 УПК РФ она приобщается к материалам уголовного дела, а при прекращении уголовного дела или вынесении приговора – передается законному собственнику.

Рассмотрение и разрешение поданного потерпевшим виндикационного иска, основанного на преюдициальном значении приговора (иного решения по уголовному делу), является эффективным способом восстановления нарушенных имущественных прав. Однако судопроизводство по такому заявлению представляет собой своеобразную «лотерею» как для потерпевшего, так и для приобретателя имущества. В данной статье приведены три случая из практики, которые роднит способ совершения преступления. Представляется, что решения судов по таким делам имеют противоречивый характер из-за широких границ судебного усмотрения.

Создается впечатление, что судьи, разрешающие гражданские дела, при анализе материалов уголовного дела в качестве обоснования виндикационного иска «теряются» и не могут правильно и всесторонне рассмотреть обстоятельства дела, что ведет к незаконным и необоснованным решениям. Последнее в свою очередь влечет отсутствие надлежащей защиты прав собственности, гарантированных ст. 35 Конституции РФ.

Список литературы

Борисевич Г. Я. О проблемах применения статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестн. Пермского ун-та. Юрид. науки. 2014. № 1.

References

Borisevich G. Ya. O problemakh primeneniya stat'i 90 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RF // Vestn. Permskogo un-ta. Yurid. nauki. 2014. № 1.

¹ Решение Арбитражного суда Пензенской области от 20 апреля 2017 г. по делу № А49-10083/2016 // Архив Арбитражного суда Пензенской области.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА: ВАРИАНТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Кудрявцева Вера Павловна

Старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук (Екатеринбург),
e-mail: kafedra.gp@gmail.com

В статье предлагается определение понятия «изменение порядка исполнения исполнительного документа». Показана значимость этой процессуальной правовой категории для достижения цели реальной защиты нарушенного права. Выявляется сущность института изменения порядка исполнения исполнительного документа и рассматриваются варианты его правовой регламентации. Выделяются основные варианты изменения порядка исполнения, предусмотренные Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Ключевые слова: исполнительное производство, порядок исполнения, способ исполнения, изменение порядка исполнения, изменение способа исполнения

CHANGE OF AN ENFORCEMENT ORDER OF THE EXECUTIVE DOCUMENT: LEGAL PROVISION OPTIONS

Kudryavtseva Vera

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: kafedra.gp@gmail.com

The article proposes a definition of the legal category «change of an enforcement order of the executive document». The significance of this procedural legal category for achievement of the goal of real protection of the violated right is illustrated. The entity of the institute of change of an enforcement order of the executive document and options of its legal regulation are highlighted. The main options of change of an enforcement order provided by the Federal Enforcement Law are revealed.

Key words: enforcement, enforcement order, enforcement method, change of an enforcement order, change of an enforcement method

Исполнительное производство как отрасль права имеет целью обеспечить реальное воплощение многих закрепленных в законодательстве России правовых гарантий, прежде всего гарантии судебной защиты прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции России). Именно на этапе принудительной реализации достигаются многие цели правосудия по гражданским делам, в первую очередь восстанавливаются права участников гражданских правоотношений. В этом аспекте исполнимость постановленных юрисдикционных актов влияет на всю правовую систему государства.

В случае, когда изначально постановленный юрисдикционный (в большинстве случаев судебный) акт не может быть исполнен в порядке, установленном законодателем либо судом, предусматриваются восполняющие институты права, одним из которых является изменение порядка исполнения исполнительного документа.

Несмотря на то что изменение порядка исполнения исполнительного документа представляет собой чисто процессуальную правовую категорию, реализуемую на этапе исполнительного производства, его применение непосредственно связано не только с процессуальной деятельностью в суде (взаимосвязь с предметом иска, понимаемым как требование истца к ответчику¹), но и с испрашиваемым способом защиты субъективного права (прежде всего ст. 12 ГК РФ). Возможность изменить порядок исполнения постановленного акта объективирует испрошенную истцом и полученную судебную защиту, когда достижение целей принудительной реализации при использовании установленного первоначально порядка становится невозможным.

В законодательстве не содержится определения указанного понятия. Под *порядком исполнения* исполнительного документа (судебного акта, иного юрисдикционного акта) следует понимать установленную законом или исполнительным документом (судебным или иным актом) либо обусловленную существом обязательства последовательность совершения определенных действий для исполнения требования, содержащегося в исполнительном документе. *Изменение порядка исполнения* означает внесение изменений в совокупность действий – путем добавления вспомогательных действий либо замены одних действий другими – или в последовательность совершения действий (перемена в очередности их совершения) при неизменности цели исполнения.

Правовая регламентация изменения порядка исполнения в системе права может быть различной.

Во-первых, институт изменения порядка исполнения исполнительного документа как автономное правовое образование закреплен в ст. 37 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), ст. 203, 434 ГПК РФ, ст. 324 АПК РФ, ст. 189, 358 КАС РФ. Он применяется при наличии обстоятельств, препятствующих исполнению при установленной последовательности действий. Изменение порядка исполнения возможно исключительно через судебное санкционирование. Инициировать его могут не только стороны исполнительного производства, но и судебный пристав-исполнитель, ведущий исполнение.

Во-вторых, возможность изменить последовательность или совокупность действий, составляющих порядок исполнения исполнительного документа, может быть конструктивно встроена в общий механизм принудительного исполнения.

Так, в случае, когда законом установлено несколько вариантов, судебный пристав-исполнитель вправе выбрать самостоятельно самую эффективную последовательность совершения действий и их совокупность в конкретной ситуации правоприменения, изменяя порядок исполнения для достижения правового результата. Например, при исполнении денежных требований возможно обращение взыскания на имущество должника; на периодические выплаты, получаемые должником в силу

¹ Вопрос об элементах иска и их значении является одной из фундаментальных теоретических проблем гражданского процессуального права СССР и современной России. В настоящее время точка зрения о том, что под предметом иска необходимо понимать требование истца, превалирует. См. об этом: *Добровольский А. А., Иванова С. А.* Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 33–34; *Клейнман А. Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967; *Гражданский процесс: хрестоматия* / под ред. М. К. Треушниковой. М., 2005. С. 467; *Осокина Г. Л.* Иск (теория и практика). М., 2000. С. 112–114, 118; *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. С. 296 и др.

трудовых, гражданско-правовых или социальных правоотношений; на имущественные права должника, в том числе на право получения платежей по исполнительному производству, в котором он выступает в качестве взыскателя, на право получения платежей по найму, аренде, а также на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, права требования по договорам об отчуждении или использовании исключительного права на результат интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, принадлежащее должнику как лицензиату (пп. 1–3 ч. 3 ст. 68 Закона об исполнительном производстве). Все перечисленные в Законе альтернативы мер принудительного исполнения предполагают разный порядок реализации денежных требований (в зависимости от вида имущества, на которое возможно обращение взыскания, различаются конкретные исполнительные действия) при единой цели – получение денежных средств от должника для передачи взыскателю.

Думается, что отдельное закрепление обращения взыскания на различные виды имущества должника в качестве самостоятельных мер принудительного исполнения нецелесообразно, поскольку обращение взыскания на имущество, принадлежащее должнику, представляет собой единую меру принуждения (принудительного исполнения), включающую в себя комплекс процедур в зависимости от вида имущества, на которое обращается взыскание. Перечисляя обращение взыскания на различные виды имущества как отдельные меры принудительного исполнения, законодатель, полагая, впадает в казуистику, что негативно сказывается на толковании и применении Закона об исполнительном производстве, поскольку юридическая техника в данном случае дает сбой. Изменение меры принудительного исполнения логически должно влечь смену способа исполнения, что не может иметь места, когда необходимо заменить одни действия другими для достижения единого и первоначально указанного в исполнительном документе правового результата – получения от должника денежных средств, достаточных для удовлетворения требований взыскателя.

Судебный пристав-исполнитель действует автономно, выбирая конкретное имущество, в отношении которого будет применена соответствующая мера принудительного исполнения, накладывает на него арест, в необходимых случаях извещает соответствующие регистрирующие органы о наложенных ограничениях. Обращаться в суд или другой орган (к должностному лицу), который выдал исполнительный документ, с просьбой изменить порядок исполнения в таких ситуациях нет нужды. Если же необходимо обратиться взыскание на имущество, являющееся предметом отдельного правового регулирования, порядок исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, должен быть изменен органом или лицом, выдавшим исполнительный документ.

В судебной практике имеются следующие примеры реализации денежных требований (в сущности, являющиеся примерами изменения порядка исполнения):

при отсутствии у должника имущества, достаточного для погашения требований взыскателя, может быть обращено взыскание на долю должника как участника общества в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью¹;

¹ Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 9 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью“».

при обращении взыскания на имущество, являющееся предметом залога, возможно изменение начальной продажной цены предмета залога¹;

обращение взыскания на имущество должника, находящееся у иных лиц, возможно на основании судебного акта (ст. 77 Закона об исполнительном производстве), а именно определения суда².

В-третьих, изменение последовательности или совокупности действий по исполнению может подпадать под специфическое правовое регулирование. Так, в судебной практике выработана позиция, согласно которой институт изменения порядка исполнения не может применяться при обращении взыскания на отдельные виды имущества, на которые распространяются специальные правовые режимы. В подобных случаях, по мнению судов, должен иметь место иной процессуальный институт – исковое производство. Назовем такие случаи:

обращение взыскания на долю должника в общем имуществе (в том числе совместно нажитом имуществе супругов);

обращение взыскания на предмет залога;

обращение взыскания на земельный участок, принадлежащий должнику;

обращение взыскания на жилое помещение, принадлежащее должнику.

Изменение способа исполнения исполнительного документа путем обращения взыскания на долю должника в уставном (складочном) капитале общества возможно и поддерживается судебной практикой³. Применение при обращении взыскания на имущество, находящееся в общей собственности должника и иных лиц, именно института изменения порядка исполнения, а не искового производства возможно, если доля должника в таком имуществе определена. Если собственность является совместной (т. е. доля должника не определена), возникает спорность правоотношения; следовательно, заинтересованное лицо (взыскатель) имеет право обратиться только с исковым заявлением об обращении взыскания на долю в таком имуществе с предварительным определением этой доли⁴.

Обращение взыскания на предмет залога возможно по требованиям как взыскателя-залогодержателя, так и взыскателя, залогодержателем не являющегося. Если взыскатель-залогодержатель обращается в суд с иском о взыскании долга без предъявления требования обратить взыскание на залог, то такое требование в ходе исполнительного производства может быть рассмотрено только в исковом порядке. Иными словами, если взыскатель-залогодержатель на этапе исполнения «вспоминает», что у него есть возможность потребовать исполнение за счет обращения взы-

¹ Пункт 6 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г.).

² Процессуалисты однозначно толкуют положения п. 1 ст. 77, который указывает на необходимость судебного санкционирования обращения взыскания на имущество должника, находящегося у иных лиц, в форме судебного акта. См., например: Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» и практике его применения / отв. ред. И. В. Решетникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012. С. 430 (автор комментария – М. А. Куликова); Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / под ред. В. В. Яркова. М., 2014. С. 362 (автор комментария – А. М. Безруков).

³ См., например: п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 9 декабря 1999 г. «О некоторых вопросах применения Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью“»; п. 64 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2017 г. № 14-КГ17-15.

⁴ Как исполнить решение суда? С. 163–165.

скания на залог без необходимости искать иное ликвидное имущество должника, он обязан второй раз пройти через исковое производство, чтобы получить присужденную ему сумму¹.

Если обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется для удовлетворения требований взыскателя, который не является залогодержателем, то действует стандартный правовой режим обращения взыскания на имущество должника с дополнительными обязанностями судебного пристава-исполнителя (например, известить приобретателя имущества о наличии существующем обременении)².

Обращение взыскания на участок земли, принадлежащий должнику, производится через призму ст. 278 ГК РФ, которая закрепляет, что обращение взыскания на земельный участок по обязательствам его собственника допускается только на основании решения суда. Суды трактуют указанную норму буквально, запрещая иные процессуальные порядки обращения взыскания на участки (например, не допускается применение ст. 203, 434 ГПК РФ)³. Однако представляется, что такая практика ошибочна. Нельзя не согласиться с А. В. Закарлюкой, утверждающим, что термин «решение суда» не должен пониматься буквально: законодатель имеет в виду судебное санкционирование обращения взыскания на недвижимость, но никак не использование искового производства для обеспечения возможности совершить указанные действия⁴. В упомянутых случаях конечной целью являются исполнение требований и защита прав взыскателя, но не лишение должника недвижимости; как следствие, такие вопросы должны решаться по правилам производства по исполнению судебных актов, но не искового производства. В подобных ситуациях вопрос о спорности права не может подниматься, поскольку правовой спор уже разрешен, должник обязан исполнить исполнительный документ, по которому взыскатель является выгодоприобретателем, а общий режим ответственности должника – всем принадлежащим ему имуществом за исключением прямо установленных имущественных иммунитетов.

Отдельно в судебной практике освещается вопрос обращения взыскания на жилое помещение, являющееся единственным пригодным для проживания должника и членов его семьи. В настоящее время возможность обратить взыскание на единственное жилище должника-гражданина, которое является дорогостоящим и может быть расценено как предмет роскоши, санкционирована Конституционным Судом РФ⁵, указавшим на необходимость вынесения судебного решения. Судебная практика исходит из буквального толкования предписания Конституционного Суда РФ, суды разрешают этот вопрос в исковом порядке⁶, хотя, по существу, обращение взы-

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 13 декабря 2005 г. № 8979/05 по делу № А35-3757/02-С5; п. 65 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

² Пункт 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».

³ См., например: определение Приморского краевого суда от 30 июня 2015 г. по делу № 33-5716/2015.

⁴ Как исполнить решение суда? Пособие для взыскателя / рук. авт. кол. И. В. Решетникова. М., 2013. С. 192–193.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова.

⁶ См., например: апелляционное определение Свердловского областного суда от 30 октября 2017 г. по делу № 33-18104/2017.

скания на жилое помещение производится по денежным обязательствам должника и цель исполнительного производства не меняется. В этом аспекте использование полноценной исковой формы защиты представляется нецелесообразным, поскольку решается вопрос исполнительного производства, санкция суда может быть дана и в форме судебного определения, что существенно сократит сроки судопроизводства по этим требованиям, а также облегчит использование многих других процессуальных институтов (например, взыскание судебных расходов, процедуру доказывания).

Иными словами, изменение порядка исполнения исполнительного документа в виде обращения взыскания на «режимное» имущество процессуально оформляется как типичный спор о праве и, как следствие, требует использования всей громоздкой гражданской процессуальной формы. Тем не менее пока в юридическом сообществе не будут уточнены правовая природа и сущность категории «порядок исполнения» и варианты его изменения, а также цели применения, подобные примеры судебной практики будут иметь место.

Таким образом, категория «изменение порядка исполнения» может толковаться в двух аспектах – широком и узком. В широком аспекте изменение порядка исполнения означает изменение совокупности или последовательности действий в сравнении с первоначальным порядком для достижения цели исполнительного производства. Последовательность или совокупность действий, направленных на исполнение требований, содержащихся в исполнительном документе, может быть структурно вписана в установленный механизм исполнения либо же требовать исковой формы защиты для легитимации ее использования. В узком аспекте изменение порядка исполнения представляет собой процессуальный институт, реализуемый органом (должностным лицом), выдавшим исполнительный документ, в порядке ст. 37 Закона об исполнительном производстве и соответствующих положений процессуального законодательства, связанных с решением вопросов исполнительного производства.

Список литературы

Гражданский процесс: хрестоматия / под ред. М. К. Треушникова. М., 2005.

Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979.

Как исполнить решение суда? Пособие для взыскателя / рук. авт. кол. И. В. Решетникова. М., 2013.

Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967.

Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» и практике его применения / отв. ред. И. В. Решетникова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / под ред. В. В. Яркова. М., 2014.

Осокина Г. Л. Иск (теория и практика). М., 2000.

Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008.

References

Dobrovol'skii A. A., Ivanova S. A. Osnovnye problemy iskovoi formy zashchity prava. M., 1979.

Grazhdanskii protsess: khrestomatiya / pod red. M. K. Treushnikova. M., 2005.

Kak ispolnit' reshenie suda? Posobie dlya vzyiskatelya / ruk. avt. kol. I. V. Reshetnikova. M., 2013.

Kleinman A. F. Noveishie techeniya v sovetskoi nauke grazhdanskogo protsessual'nogo prava. M., 1967.

Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» i praktike ego primeneniya / отв. ред. I. V. Reshetnikova. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2012.

Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» / pod red. V. V. Yarkova. M., 2014.

Osokina G. L. Isk (teoriya i praktika). M., 2000.

Sakhnova T. V. Kurs grazhdanskogo protsessa: teoreticheskie nachala i osnovnye instituty. M., 2008.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВА

Дженакова Екатерина Всеволодовна

Старший преподаватель кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: djencath@mail.ru

На основе анализа теоретико-правовых концепций понимания категории «объект правоотношения» определяются объекты информационных правоотношений. Последние предлагается трактовать как структурно сложные объекты, состоящие из одного или нескольких самостоятельных элементов. В связи с этим распространение информации необходимо рассматривать в одних случаях как простое правоотношение, объектом которого является сама деятельность по распространению, в других – как сложное правоотношение, объект которого представляет собой единство интересов распространителя и получателя информации, охватывающих содержание информации, технико-технологический ресурс и действия по распространению и получению информации. Соответственно, под распространением информации понимается структурно сложное информационное правоотношение, что позволяет точнее определить пределы распространения информации, а также уточнить круг субъектов распространения, их функциональную роль и правовой статус.

Ключевые слова: объект правоотношения, объект информационного правоотношения, распространение информации, объект правоотношения распространения информации, ограничение распространения информации

DISSEMINATION OF INFORMATION AS AN OBJECT OF LAW

Dzhenakova Ekaterina

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: djencath@mail.ru

Based on the analysis of legal conceptions of an object of legal relationship, objects of information relationships are determined. The latter are considered as structural objects consisting of one or several substantive elements. Consequently, dissemination of information is presented in two respects: as a simple legal relation, object of which is the dissemination activity itself, and as a complex legal relation, object of which consists of disseminator's and recipient's interests covering the actions for disseminating and receiving information, the information and telecommunication resources, and the contents of information. Thus, dissemination of information is defined as a legal relationship with a complicated structure, and this allows to specify the limits of information dissemination, to define the list of subjects of dissemination, their capacities and legal nature.

Key words: object of legal relationship, object of information relationship, information dissemination, object of information dissemination, abridgement of information dissemination

Исследование вопроса об объекте правоотношений по распространению информации невозможно без анализа теоретико-правовых концепций понимания самой категории «объект правоотношения».

По мнению О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского, определение объекта правоотношения должно быть основано на общеправовом понимании объекта как внеш-

него, противостоящего субъекту предмета, на который направляются сознание и деятельность субъекта¹. Они также считали, что юридическая наука самостоятельно общую категорию объекта не разрабатывает, а использует именно философское понимание объекта определенного явления как того, на что данное явление оказывает или может оказать воздействие².

В отечественной дореволюционной науке проблема объекта права исследовалась достаточно глубоко. Наиболее подробно она разрабатывалась в гражданском праве, однако и общетеоретическая значимость изучения категории объекта права осознавалась учеными предельно ясно.

Так, Р. О. Халфина отмечает, что «прежде всего необходимо уточнить применение термина „объект“. В литературе он употребляется, как „объект права“, „объект правового регулирования“, „объект правоотношения“. В действительности здесь имеются в виду различные понятия, которые следует обозначать различными терминами... Применение одного и того же термина к понятиям, находящимся в различных плоскостях, имеющих отличное содержание, всегда является источником теоретических и практических затруднений»³. Она считает понятия «объект права» и «объект правоотношения» тождественными и определяет объекты правоотношения как реальные предметы материального мира, продукты духовного творчества в объективированной форме: вещи, рукописи, изобретения, исполнительское искусство, закрепленное в фильме, на пленке и т. п.⁴

С. С. Алексеев, напротив, полагает, что объект права и объект правоотношения являются связанными, но не сводимыми друг к другу юридическими категориями⁵. Сложившиеся «многие недоразумения по пониманию объекта права» С. С. Алексеев предлагает разрешить, прояснив в первую очередь значение термина «право», а затем установив соответствующую его природе трактовку объекта⁶. По его мнению, специфика объектов субъективных прав позволяет выделить категорию «благо», поскольку она уточняет общее понимание объектов внешнего мира через субъективный аспект – интерес управомоченного.

В. А. Лапач, рассматривая систему гражданских прав, отмечает, что требуется последовательное различение понятий объекта права, объектов прав и объектов правоотношений. Объект права, как утверждает ученый, един и универсален, и это есть общественные отношения, требующие правового урегулирования, в то время как объекты прав и правоотношений множественны, что обусловлено природой и разнообразием соответствующих внеюридических социальных и индивидуальных благ⁷.

Следовательно, объект правоотношения представляет собой все существующие и будущие объекты реальной действительности (материальные или нематериальные), обладающие признаками блага или способные их приобрести в определенных социальных, экономических, политических условиях.

¹ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 230.

² Там же. С. 229.

³ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 212.

⁴ Там же. С. 212–213.

⁵ Алексеев С. С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / под ред. С. Н. Братуся. М., 1960. С. 285.

⁶ Там же. С. 286.

⁷ Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 68–71.

Вопрос о том, что является объектом информационных правоотношений, дискуссионный и поэтому остается предметом исследований, а сложная природа информационных объектов требует использования комплексных методов изучения¹.

Объектами информационных правоотношений считаются собственно информация², документы, информационные ресурсы³, различные виды тайн⁴, массовая информация, реклама⁵ и т. д., процессы создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и потребления информации⁶ и связанные с информационными процессами определенные действия, поступки и поведение сторон⁷.

А. В. Минбалеев в качестве объектов информационных правоотношений предлагает рассматривать виды информации: открытая информация (массовая информация, информация, являющаяся общественным достоянием, правовая информация, реклама и т. п.) и информация, ограниченная в доступе и / или использовании (пропаганда войны, различных видов ненависти, посягательства на честь, доброе имя и т. п.)⁸.

Универсальное определение объекта информационного права дает П. У. Кузнецов. Он понимает под ним «обусловленное нормами права структурно сложное нематериальное благо информационного содержания или информационный интерес участников информационных правоотношений»⁹. Информационный интерес трактуется не только как интерес к сведениям об обстоятельствах жизни (нематериальное благо), но и как потребность в технических средствах (материальное благо) и интерес к действиям и процессам по обработке сведений для реализации информационных потребностей (организационное благо)¹⁰.

Целевая направленность реализации информационной потребности возникает по поводу того или иного информационного блага, например официальной информации государственных органов (основной информационный объект – нематериальное благо) или обеспечения каждому возможности ознакомления с документами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (основной информационный объект – организационное благо).

¹ Кузнецов П. У. Теоретические основания информационного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 50.

² См., например: Рассолов М. М. Информационное право: учеб. пособие. М., 1999. С. 47; Тиновицкая И. Д. Институты административного права (Третьи «Лазаревские чтения» В. П. Антонова) // Государство и право. 1999. № 10. С. 16; Снытников А. А. Информация как объект гражданских правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 7; Семилетов С. И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 5. С. 67; Огородов Д. В. Правовые отношения в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 99; Тюрина Е. Н. Объекты правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 8, 16.

³ Ковалева Н. Н. Информационное право России: учеб. пособие. М., 2007. С. 45.

⁴ См., например: Богославская О. В. Медицинская тайна в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; Викулин А. Ю. Банковская тайна как объект правового регулирования // Государство и право. 1998. № 7.

⁵ Минбалеев А. В. Понятие и виды рекламы как объекта информационных правоотношений // Информ. право. 2009. № 2. С. 9–12.

⁶ Копылов В. А. Об основных теоретических положениях информационного права // НТИ. Сер. 1. 1998. № 8. С. 2.

⁷ Иванов Д. Е. Информационные правоотношения в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 66–67; Огородов Д. В. Указ. соч. С. 86, 99.

⁸ Минбалеев А. В. Система информации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 72, 126, 161.

⁹ Кузнецов П. У. Информационное право: учеб. М., 2017. С. 143.

¹⁰ Там же. С. 144.

В отношениях, складывающихся по поводу реализации потребностей субъекта в поиске, обработке, хранении, распространении сведений, интерес может представлять именно деятельность. Например, применительно к официальному опубликованию законов (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ) объектом таких отношений является только организационное благо. Вместе с тем удовлетворение информационной потребности связано с деятельностью, предметной составляющей которой выступает информация. При этом информационный объект содержит следующие самостоятельные элементы: деятельность (действие, последовательность связанных действий – процесс); сведения или иной информационный объект, составляющий предмет этой деятельности; в определенных случаях – технико-технологические объекты, используемые для осуществления информационной деятельности.

Распространение информации представляет собой деятельность, связанную с доведением содержания информации до сведения многих. При реализации субъективного права на распространение информации формируются отношения, из всего многообразия которых наиболее важные и социально значимые регулируются нормами права. Соответственно, распространение информации следует рассматривать как правоотношение, обязательными участниками которого являются распространитель и получатели информации.

Исходя из наиболее общего понимания объекта информационного правоотношения, объект распространения информации складывается из объектов, составляющих информационный интерес участников коммуникации. В связи с этим правоотношение по распространению информации и соответственно объект распространения можно рассматривать в двух аспектах.

В первом случае речь идет об информационном правоотношении, объектом которого является сама деятельность по распространению. Будучи внешним выражением свободы информации, распространение как деятельность представляет собой самостоятельное социальное благо. Здесь интерес составляют конституционно закрепленные возможность распространения субъектом информации, свобода слова, массовой информации, запрет цензуры, а также запрет на нарушение прав и свобод других лиц. Правовое регулирование направлено на обеспечение информационной потребности – реализации права на свободу информации. В этом случае распространение информации является благом только для одной стороны – распространителя (отправителя).

Во втором случае распространение информации рассматривается как деятельность, направленная на доведение содержания информации до сведения многих. Распространение информации как форма информационного поведения, выраженная в информационном отношении, существует тогда и только тогда, когда есть предполагаемый окончательный абонент-получатель информации. Здесь определяется уже два непосредственных участника процесса распространения: субъект, осуществляющий распространение информации, – распространитель (отправитель) – и субъект, заинтересованный в получении информации, – пользователь информации.

Реализация субъектом права распространять информацию подразумевает осознанные и целенаправленные действия распространителя, в то время как субъект, получающий информацию, не во всех случаях заинтересован и стремится приобрести эти сведения. Яркие примеры – распространение операторами сотовой связи и получение абонентами рекламной информации в форме СМС-оповещений о предлагаемых

услугах, рассылка электронных сообщений пользователям без их предварительного согласия, не позволяющая установить отправителя сообщения (спам).

Неопределенность волеизъявления получателя в отношении распространения информации должна компенсироваться возможностью выбора: получить информацию или отказаться от ее получения. Вместе с этим реализация информационной потребности получателем информации является обязательным условием его жизнедеятельности, необходимым элементом личностного становления и развития, и в этом случае распространение информации становится благом для ее получателя. Следовательно, интерес распространителя информации находится в диалектическом единстве с интересом ее потенциальных получателей в соблюдении и защите их информационных прав. Соответственно, право распространять информацию существует в неразрывном единстве с правом отказаться от ее получения. При этом субъект, распространяющий информацию, должен создать условия, обеспечивающие возможность не получать информацию или отказаться от ее получения. Исключение составляет информация, которая должна быть доведена до сведения многих в силу объективной значимости ее содержания.

Основной объект правоотношения по распространению информации – нематериальное благо информационного характера – складывается из информационного интереса распространителя информации и взаимосвязанного с ним информационного интереса получателя информации. Информационный интерес распространителя – это распространение как последовательность действий, предметная составляющая которой – собственно информация и обеспечивающий возможность распространения технико-технологический ресурс; информационный интерес пользователя – получаемая информация, а также обеспечивающий возможность ее получения технико-технологический ресурс.

Таким образом, в зависимости от сложности структуры объекта информационных отношений распространение информации необходимо рассматривать как простое (однообъектное) правоотношение, объектом которого является сама деятельность по распространению, и как сложное (многообъектное) правоотношение, объект которого состоит из единства интересов распространителя и получателя информации (содержание информации, технико-технологический ресурс и связанная с ним деятельность субъекта по распространению и получению информации, которые представляют собой самостоятельные объекты правового воздействия).

Информация, включаемая в социальный оборот, является благом в силу своего содержания, имеющего существенное значение для субъектов информационных отношений. При этом содержание информации опосредует виды и формы информационной деятельности, определяет правила, порядок и границы ее реализации.

Законодатель, регулируя отношения по поводу распространения информации, для уточнения границ дозволенного поведения также исходит из содержания информации. Так, Федеральным законом от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» предъявляются общие требования к содержанию рекламы: реклама признается недостоверной, если она содержит не соответствующие действительности сведения; не допускается реклама, формирующая у несовершеннолетних комплекс неполноценности, дискредитирующая родителей и воспитателей, подрывающая доверие к ним у несовершеннолетних, и др. Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» определяются виды социально вредной информации.

Нормами права устанавливается законность оборота информации, закрепляется круг субъектов распространения информации, пределы допустимого информационного взаимодействия, обеспечивается механизм регулирования информационных отношений.

Рассмотрение правоотношения по распространению информации как структурно сложного информационного блага позволяет точнее определять пределы распространения информации, особенно в части его ограничения (ограничения могут быть направлены на содержание, информационно-телекоммуникационный ресурс или действия субъекта распространения); формировать систему норм, гарантирующих комплексную защиту прав и интересов получателей информации, механизм обеспечения информационной неприкосновенности; детализировать круг субъектов распространения, устанавливать их правосубъектность, права, обязанности, ответственность, функциональную роль.

Список литературы

Алексеев С. С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права: сб. ст. / под ред. С. Н. Братуся. М., 1960.

Богославская О. В. Медицинская тайна в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006.

Викулин А. Ю. Банковская тайна как объект правового регулирования // Государство и право. 1998. № 7.

Иванов Д. Е. Информационные правоотношения в производстве по делам об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961.

Ковалева Н. Н. Информационное право России: учеб. пособие. М., 2007.

Копылов В. А. Об основных теоретических положениях информационного права // НТИ. Сер. 1. 1998. № 8.

Кузнецов П. У. Информационное право: учеб. М., 2017.

Кузнецов П. У. Теоретические основания информационного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002.

Минбалева А. В. Понятие и виды рекламы как объекта информационных правоотношений // Информ. право. 2009. № 2.

Минбалева А. В. Система информации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

Огородов Д. В. Правовые отношения в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Рассолов М. М. Информационное право: учеб. пособие. М., 1999.

Семилетов С. И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 5.

Снытников А. А. Информация как объект гражданских правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.

Тиновская И. Д. Институты административного права (Третьи «Лазаревские чтения» В. П. Антонова) // Государство и право. 1999. № 10.

Тюрина Е. Н. Объекты правоотношений, возникающих в деятельности органов внутренних дел: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.

References

Alekseev S. S. Ob ob'ekte prava i pravootnosheniya // Voprosy obshchei teorii sovetskogo prava: sb. st. / pod red. S. N. Bratusya. M., 1960.

Bogoslavskaya O. V. Meditsinskaya taina v rossiiskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2006.

Ioffe O. S., Shargorodskii M. D. Voprosy teorii prava. M., 1961.

Ivanov D. E. Informatsionnye pravootnosheniya v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.

Khalfina R. O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii. M., 1974.

Kopylov V. A. Ob osnovnykh teoreticheskikh polozheniyakh informatsionnogo prava // NTI. Ser. 1. 1998. № 8.

Kovaleva N. N. Informatsionnoe pravo Rossii: ucheb. posobie. M., 2007.

Kuznetsov P. U. Informatsionnoe pravo: ucheb. M., 2017.

Kuznetsov P. U. Teoreticheskie osnovaniya informatsionnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2005.

Lapach V. A. Sistema ob"ektov grazhdanskikh prav: teoriya i sudebnaya praktika. SPb., 2002.

Minbaleev A. V. Ponyatie i vidy reklamy kak ob"ekta informatsionnykh pravootnoshenii // Inform. pravo. 2009. № 2.

Minbaleev A. V. Sistema informatsii: teoretiko-pravovoi analiz: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2006.

Ogorodov D. V. Pravovye otnosheniya v informatsionnoi sfere: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2002.

Rassolov M. M. Informatsionnoe pravo: ucheb. posobie. M., 1999.

Semiletov S. I. Informatsiya kak osobyi nematerial'nyi ob"ekt prava // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 5.

Snytnikov A. A. Informatsiya kak ob"ekt grazhdanskikh pravovykh otnoshenii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2000.

Tinovitskaya I. D. Instituty administrativnogo prava (Tret'i «Lazarevskie chteniya» V. P. Antonova) // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 10.

Tyurina E. N. Ob"ekty pravootnoshenii, vznikayushchikh v deyatelnosti organov vnutrennikh del: voprosy teorii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.

Vikulin A. Yu. Bankovskaya taina kak ob"ekt pravovogo regulirovaniya // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 7.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Осинцев Дмитрий Владимирович

Главный научный сотрудник Уральского государственного юридического университета,
доктор юридических наук, доцент (Екатеринбург),
e-mail: dimios@mail.ru

Консервативные тенденции, которые прослеживаются в отраслевом регулировании государственного управления, сыграли положительную роль в стабилизации и развитии многих общественных отношений. Реформаторские попытки заимствовать методы иных отраслевых дисциплин в административно-правовых отношениях показали во многом свою несостоятельность, не смогли стать действенным инструментом поддержания порядка управления и, более того, привели к разбалансировке многих ранее устойчивых общественных институтов, поставили под угрозу безопасность государства и благополучие граждан. Неизменное понимание на протяжении 25 лет методической модели административно-правового воздействия, по сути, привело к остановке исследований и переходу к отработке практических приемов взаимодействия представителей исполнительной власти и иных лиц. Но метаморфозы государственного управления представляют куда более широкую схему и предметную область исследований, в которую входят также административная политика (в том числе стратегическое планирование), ее взаимосвязь с административно-правовым воздействием и последующей реализацией посредством механизмов государственного регулирования.

Ключевые слова: административно-правовое воздействие, государственное управление, государственное регулирование, формы управления

PROBLEMS AND PROSPECTS OF ADMINISTRATIVE-LAW RESEARCH

Osintsev Dmitry

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: dimios@mail.ru

Conservative tendencies, which are traced in the sectoral regulation of public administration, have played a positive role in the stabilization and development of many social relations. Reform attempts to borrow the methods of other sectoral disciplines in administrative and legal relations have shown, in many ways, their inconsistency, they could not become effective tools for maintaining order of governance, moreover, led to the imbalance of many previously stable public institutions, endangered state security and welfare of citizens. Sustainable understanding of a methodological model of administrative and legal influence for over 25 years has, in fact, led to a halt in research and the transition to the development of practical methods of interaction between representatives of the executive branch and other persons. However, the metamorphoses of government represent a much broader scheme and subject area of research, namely administrative policy (including strategic planning), its linkage directly with the administrative and legal impact and subsequent implementation by government regulation.

Key words: administrative and legal influence, state administration, state regulation, forms of management

В современной управленческой науке вопросам государственного администрирования посвящено наибольшее количество публикаций, начиная с тематических обзоров и заканчивая обширными монографиями. Последние два года ознаменовались почти синхронным появлением значительного количества статей, имеющих сходное содержание: они рассматривают предмет и систему государственного администрирования, критерии построения схем организации деятельности исполнительной власти, а также обеспечение защиты от неправомерной реализации представителями государственной администрации вверенных ей полномочий посредством административного судопроизводства¹. Можно утверждать, что впервые в истории административной науки сложился единообразный догматический подход к определению предмета государственного администрирования: административно-исполнительная и административно-охранительные подотрасли (с добавлением сфер и средств воздействия), соответствующие им административные производства как предмет административно-процессуального права, а также административное судопроизводство как модель обеспечения законности деятельности исполнительной власти. Данная конструкция логически устойчива и теоретически неопровержима.

В связи с этим достаточно интересным (можно сказать, диссонансным) является подход к структурированию предмета, в который также включаются отношения, связанные с предоставлением государственных услуг, стратегическим планированием, закупкой товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, государственно-частное партнерство, деятельность муниципальных образований в рамках делегированных полномочий, активность негосударственных организаций публичного права (корпорации, саморегулируемые организации, добровольные народные дружины и т. п.), международные управленческие отношения². Все перечисленное не может быть отнесено к догматической модели государственного администрирования, так как предполагает иные методы реализации, поэтому онтология такого подхода требует серьезного уточнения.

Экскурс в недалекую историю. Государственно-управленческий подход после принятия Конституции РФ 1993 г. был признан неприемлем для административно-правовых исследований. Такое мнение превалировало на протяжении почти 25 лет. При этом утверждалось, что переход к государственному регулированию является наиболее верным методологическим подходом к построению модели современного администрирования.

Действительно, государственно-управленческий подход был неприемлем, потому что он и не был известен в дореформенных исследованиях (до начала 90-х гг. прошлого века), так как, несмотря на декларирование в советских конституциях номинации «органы государственного управления», вместо них существовала схема государственного централизованного руководства, именуемая административно-командной системой³.

¹ Воронов А. М. К предмету административного права современной России // Адм. право и процесс. 2017. № 8. С. 6–12; Попов Л. Л. О предмете и методе административно-процессуального права // Там же. 2017. № 9. С. 13–16; Гоголев А. М. Некоторые тенденции и закономерности становления и развития государственного администрирования // Там же. 2018. № 2. С. 19–25; Кононов П. И. Современное административное право России: опыт системно-правовой характеристики // Рос. юрид. журн. 2018. № 1. С. 122–136; Стахов А. И. Функциональные сферы административных правоотношений в Российской Федерации // Там же. 2018. № 2. С. 110–115.

² Зубарев С. М. К вопросу о взаимосвязи предмета и системы отечественного административного права // Адм. право и процесс. 2017. № 9. С. 8–12.

³ Попов Г. Х. Блеск и нищета административной системы. М., 1990.

Подход, называемый «государственное регулирование», не имел и не имеет четкой парадигматики, неясно, какие инструменты должны сопровождать его внедрение в различных сферах и отраслях социальной деятельности. Он основан на соединении всех доступных государству средств влияния на общественные отношения и до сих пор не содержит правил разработки и реализации; все инструменты воздействия применяются от случая к случаю независимо от их пригодности и эффективности. Опора на зарубежный опыт оказалась фиктивной и непродуктивной, так как он относился к совершенно иным ситуациям и социально-культурной парадигме¹.

К проблематике государственно-управленческого подхода пришлось вернуться в начале 2000-х гг., в преддверии административной реформы. И тому было две причины:

во-первых, плеяде ученых-административистов, чье творчество пришлось, в том числе, на советский период развития нашей страны, государственное управление было содержательно более понятно, чем государственное регулирование с его размытыми смыслами. Но напрямую об этом говорить было не принято, поэтому управление свели к администрированию, где-то приравнивая его содержание к форме простого технико-распределительного действия (налоговое, бюджетное, таможенное и прочее администрирование), где-то описывая лишь данную всеобщую эквивалентную форму государственного управления (процедуры, производства, акты, средства воздействия и пр.);

во-вторых, ряд потрясших российское общество инцидентов (аварии, катастрофы, пожары, разрушения крупных объектов, террористические атаки, недружественные действия иностранных государств и пр.), число которых год от года возрастало, вызвали неподдельный интерес к созданию защиты более надежной, чем лихорадочное государственное регулирование. По этим причинам все чаще в литературе стало фигурировать сочетание «государственное управление». При этом изначально необходимо было решить вопрос о конституционализации данного термина, так как ст. 10 Конституции РФ говорила об исполнительной власти. В связи с этим появился ряд крупных исследований о соотношении государственного управления и исполнительной власти², которые, впрочем, лишь сделали используемую терминологию общепризнанной, выдвинули тезис о реализации исполнительной власти посредством государственного управления, а также провели сравнение объемов данных понятий.

¹ Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1970; Ansoff I. Corporate Strategy. N. Y., 1965; Акофф Р., Сасиени М. Основы исследования операций / пер. с англ. под ред. И. А. Ушакова. М., 1971; Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 317–346; Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью (переведенные главы из Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N. J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963) // Социологический форум. 2001; Гараедаги Дж. Как управлять хаосом и сложными процессами. Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск, 2010; Абучакра Р., Хури М. Эффективное Правительство для нового века. Реформирование государственного управления в современном мире. М., 2018.

² Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / под ред. Л. Л. Попова. М., 2011; Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть: учеб. для магистров / Э. П. Андрюхина, И. В. Ахрем, Н. Н. Бакурова и др.; под ред. С. А. Старостина. М., 2017; Борисов А. М. Реформирование системы органов исполнительной власти и новая схема государственного территориального управления // Адм. и муницип. право. 2012. № 9. С. 33–37; Студеникина М. С. Нормативные правовые акты управления как форма реализации исполнительной власти // Адм. право и процесс. 2014. № 2. С. 6–11; Остроушко А. В. Анализ опыта ведения и применения классификаторов в области управления органами исполнительной власти // Адм. и муницип. право. 2016. № 3. С. 253–258.

Предложим оригинальную схему категориальной организации государственного администрирования, где в качества базовой **методологии** потребуется соотношение диалектических категорий формы и содержания, а также организационно-деятельностная развертка управления в зависимости от иерархии уровней социальной активности субъектов права.

Во-первых, исполнительная власть и государственное управление соотносятся, как бы сказали физики, как потенциальная и кинетическая энергия. **Исполнительная власть** – это штат сотрудников (как правило, государственных служащих и иных должностных лиц публичных организаций), объединенных по некоторым правилам в структурные формирования – органы исполнительной власти, подведомственные и взаимодействующие с ними организации, которым позволено реализовывать предписания правовых актов, прежде всего законодательных, не в собственных, а в публичных интересах, предъявляя требования к иным лицам, зачастую специально не поименованным и количественно не определенным (индивидуально и персонально). В свою очередь **государственное управление** – это деятельность, которая может быть кратко определена как *обеспечивающая конституционный правопорядок в стране и устанавливающая посредством доступных ей способов и организационно-правовых форм порядок управления*.

Функциональное рассмотрение предмета администрирования предполагает наличие своеобразного институционального образования – *исполнительной власти*, которая не лишена общеуправленческих практик, постоянно включается в государственно-управленческую деятельность, но как *властный феномен проявляется, когда необходимы разграничение и удовлетворение интересов различных социальных групп, конфликтующих между собой и с государством*. Такие ситуации должны носить антагонистический характер, когда деятельность одной из социальных групп может привести к умалению, унижению или уничтожению другой сосуществующей или конкурирующей с ней группы. Поэтому, очевидно, *не требуют вмешательства со стороны представителей исполнительной власти* разногласия и любые расхождения во мнениях относительно путей реализации одной и той же потребности, которые порой выносятся на суд общественности (дебаты на выборах, достижение лидерства в коллективе, бытовая ссора и т. п.).

Не секрет, что могут возникнуть противоречия между семейными интересами и приоритетами государственной демографической политики народосбережения, экстремистски настроенными общественными объединениями и национальными диаспорами, профессиональными объединениями, монополистическими собственниками и представителями малого бизнеса, потребителями, наконец, между организованными преступными группами и законопослушными гражданами. В этих и других подобных социально-конфликтных ситуациях требуется вмешательство исполнительной власти, которая может действовать по ситуации (оперативной обстановке) или по регламенту.

Государственная администрация может принимать участие не только в отношениях, направленных на *обеспечение безопасности* социума, но и в функционировании *институтов развития* отдельных сфер и отраслей деятельности. При этом такое участие для нее должно быть не самоцелью, а вспомоществованием тем экономическим, социальным, культурным и другим группам, которые самостоятельно не в силах создать или реализовать соответствующие механизмы развития (по многим причинам: недостаток финансового и ресурсного обеспечения, «кадровый голод»,

противодействие конкурентов, неразвитость инфраструктуры и т. д.). Однако такого рода поддержка и содействие не могут быть направлены на удовлетворение частных потребительских интересов, а должны способствовать достижению национальных интересов и приоритетов (вряд ли следует создавать бизнес-инкубаторы ради поддержки отдельных индивидуальных предпринимателей, которые будут производить продукцию на свалку; другое дело – если они будут ликвидировать свалки).

Исполнительная власть должна заботиться о том, чтобы конфликты интересов социальных групп своевременно отслеживались, предотвращались, нивелировались, направлялись в приемлемое, относительно безопасное русло или вообще устранялись. Перед ней поставлена нелегкая задача – реализовать основную функцию государства по обеспечению жизни и самосохранения общества как единого целого¹.

Если управление представляет собой деятельность над деятельностью по поводу ее развития, задания ей новых способов функционирования наряду с собственным развитием, то государственное административное управление не предназначено для того, чтобы содействовать развитию той или иной деятельности (это преимущественно задача гражданского общества). Наоборот, *его функционирование всецело связано с обеспечением противодействия негативным процессам, влияющим на социальную стабильность и культурное развитие, т. е. сокращения и (или) полного упразднения факторов ненормального существования социальных институтов.*

Сказанное свидетельствует об обеспечительном характере функционирования государственной администрации исходя из имеющихся приоритетов и ценностей, выраженных в государственной политике, которыми, согласно Конституции РФ, являются права и свободы человека и гражданина (ст. 2, 17–19).

Во-вторых, государственное управление выступает в трех **формах**:

административная политика (стратегическое планирование);

государственное администрирование;

государственное регулирование.

Эти формы хотя и представляют собой метаморфозы государственного управления, но сохраняют его обеспечительную сущность, лишь изменяя средства реализации в различных условиях и обстоятельствах (состояниях правопорядка).

Исследованию подлежат все три формы государственного управления. Увлечение исключительно вопросами «чистого» администрирования рано или поздно приводит к бюрократическому фетишизму, где преувеличение роли и значимости административных актов и сопровождающих их принятие процедур, основанных на усмотрении административных инстанций, сводит усилия исследователей к установлению формальных требований к полномочиям, процедурам и реквизитам того или иного административного документа, удобных для их последующего обжалования и оспаривания (хотя правильно заполненный бланк протокола еще не свидетельство эффективности государственного управления).

В связи с этим следует отметить имеющую место тенденцию (идеологически крайне негативную) к появлению массива правовых актов, посвященных разнообразным механизмам опровержения законности действий и (или) решений представителей государственной администрации, а также к внедрению презумпции необоснованности реализации ею вверенных полномочий. Исполнительная власть существует не для того, чтобы постоянно вступать с ней в конфликты, а для правообеспечительной

¹ Зиновьев А. А. Запад. М., 2008. С. 427.

и правоохранительной деятельности. Соответственно, ее требования должны восприниматься как крайне необходимые, а не как повод для склок и сутяжничества, бесконечного обжалования и оспаривания ее действий и решений.

Безусловно, сведение к **административному акту** всех или большинства форм государственного управления упрощает коммуникативную схему взаимодействия в рамках публичных правоотношений, так как этот акт обладает юридическими признаками *официальности, легальности и процессуальности* (т. е. является общепризнанным, неоспоримым и позволяет вступать в разнообразные правоотношения). Однако такое упрощенчество приводит лишь к тому, что под маской административного акта скрываются документы совсем иного плана, непригодные для использования в том же качестве, что и административный акт. Например, не существует приемов оспаривания прогнозов социально-экономического развития, так как отсутствуют соответствующие стандарты доказывания и опровержения содержащейся в них информации, а профилактика и консультирование носят не общепризнанный, а ориентирующий характер и т. д.

Систематизация стратегических направлений развития административного законодательства напрямую зависит от содержания документов стратегического планирования, определяющих административную политику в различных сферах и отраслях деятельности.

С появлением документов стратегического планирования впервые в социальной практике возникли *административно-процессуальные отношения*. Это не просто набор производств, а строгая логическая последовательность, во-первых, административно-политических решений; во-вторых, методов административно-правового воздействия и основанных на них специальных административно-правовых режимов, также имеющих собственную логику последовательного правоприменения; в-третьих, административных процедур, сопровождающих механизмы государственного регулирования, связанные с внедрением системы стимулирования и сдерживания правовой активности субъектов.

Не секрет, что документов стратегического планирования достаточно много и они не имеют правил построения и взаимной увязки. Есть стратегии прорывные¹, есть обеспечительные²; могут быть концепции инновационные³ и по текущим вопросам⁴; разрабатываются программы как развития⁵, так и сдерживания⁶. Первые носят управленческий характер и реализуются в менеджерской практике компаний с государственным участием; документы второго плана требуют государственного администрирования, поэтому содержат полный цикл разработки документов стратегического планирования, а в дальнейшем – административных стандартов и регламентов.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1877-р «Об утверждении Стратегии развития экспорта продукции автомобильной промышленности в Российской Федерации до 2025 года».

² Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики в области защиты прав потребителей до 2030 года».

³ Приказ Росалкогольрегулирования от 8 декабря 2016 г. № 429 «Об утверждении Концепции развития системы управления рисками Росалкогольрегулирования на период до 2020 года».

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»».

⁵ Постановление Правительства РФ от 25 августа 2017 г. № 996 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы».

⁶ Приказ Россельхознадзора от 15 мая 2017 г. № 442 «Об утверждении Программы профилактики нарушений обязательных требований в сфере государственного надзора за качеством и безопасностью зерна и продуктов его переработки на 2017 год».

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» регулирует отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе: 1) **целеполагания**; 2) **прогнозирования**; 3) **планирования**; 4) **программирования** социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления; 5) обеспечения национальной **безопасности** РФ; 6) **мониторинга и контроля** реализации документов стратегического планирования.

В любом варианте организационно-технической схемы элементов куда больше, чем предложено в представленном понимании стратегического планирования. Причем как часть нормотворческого процесса они должны будут последовать в оптимальном порядке, а не как набор инструментов на выбор и усмотрение правоприменителя.

Изначально должно быть организовано **прогнозирование**, под которым понимается *определение для управляемой системы такого состояния в будущем, в котором она окажется, если ею не управлять (не планировать операции по достижению нужного состояния)*. Возникающий при этом разрыв между желаемым и прогнозируемым состоянием обуславливает само управление.

Далее следует построение **сценариев**, так как должен быть реализован принцип *соответствия способа деятельности и динамической ситуации*. «Поскольку деятельность задается нормами исключительно и исчерпывающе, то не только цели и действия, но и ситуации нормированы. Вместе с тем, очевидно, что осуществление одной и той же деятельности в разное время или в разных местах происходит, как правило, в разных ситуациях. Очевидно также, что для достижения поставленной цели изменение ситуации требует соответствующего изменения способа деятельности – способ и ситуация должны соответствовать друг другу»¹.

Планирование будет включать в себя: «а) развернутую структуру ситуаций, целей, тем, проблем, задач и логически необходимых работ; б) структуру обеспечения необходимых работ наличными ресурсами и, наконец, в) временную развертку работ и представление итога в схемах, объединяющих логические структуры со структурами реализации их на материале и во времени»².

Основные результаты и продукты **программирования** выступают в четырех формах: 1) иерархизированной структуры целей; 2) иерархизированной структуры проблем; 3) иерархизированной структуры задач; 4) иерархизированной структуры работ.

Обращение к программам как средству организации возобновляется в истории организационно-управленческой деятельности всякий раз, когда в силу неопределенности ситуации управления и (или) наличия в ней одновременно нескольких автономных фокусов организации не удастся осуществлять эту деятельность в директивах, жестко установленных формах.

В отличие от проекта, программа ориентирована прежде всего на задание представления о самом процессе деятельности³.

¹ Дубровский В. Я. Введение в общую теорию деятельности // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmknk/67>.

² Щедровицкий Г. П. Концепция программирования // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xiii/texts/4>.

³ Наумов С. В. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы. М., 2005.

Проектирование – универсальный и самостоятельный в интеллектуальном и социокультурном отношении тип деятельности, направленный на создание реальных объектов (и эффектов) с заданными функциональными, технико-экономическими, экологическими и потребительскими качествами¹. **Организационное проектирование** нацелено: а) на коллективы и отдельных людей; б) подразделения учреждений; в) материальное закрепление процессов мыследеятельности. Во всех случаях оргпроектирование решает задачу распределения и организации тех ресурсов, которые могут находиться в распоряжении исполнителей.

Уточним, что следует понимать под административной деятельностью и каковы критерии ее отграничения от иных видов работ, где так или иначе участвуют представители государственной администрации.

Во избежание смешения сходных видов влияния на социальные объекты приведем следующий терминологический экскурс: «Сравним руководство и менеджмент. Руководитель, помимо функций планирования, выполнения, контроля, идет вперед и ведет за собой, направляет, определяет границы деятельности, словом, активно воздействует на подчиненных. Менеджер действует в установленных границах своей области, данных ему полномочий»². «Администрирование предполагает, что администратор разработал подробные инструкции для каждого исполнителя, поставившись предусмотреть в них все типовые ситуации, способные возникнуть в практике деятельности. Таким образом, администратор создает правила, которые... регламентируют деятельность управляемых без непосредственного вмешательства и контроля»³.

Под **администрированием (административной деятельностью, административным воздействием)** следует понимать *закрепление за субъектом определенной области деятельности, распределение обязанностей, спущенный сверху и потому не подлежащий изменению порядок*. Управленец-администратор следит за соблюдением этих норм и правил в ходе производственной и иной деятельности⁴. Администрирование конкретно, циклично (конвейер = процессный подход) и направлено на воспроизводство; у администратора нет свободы воли. Если управление предлагает разные типы оргструктур, схемы процессов, потоков «как должно быть», декомпозицию целей, сбалансированные показатели, то администратор работает с функциональной организационной схемой, процессами, потоками и данными «как есть», схемами жизненного цикла («библиотеками моделей»)⁵.

Администрировать можно все, что угодно, любые действия (операции) в любой сфере и отрасли деятельности; главное, чтобы была задана представленная выше схема работы. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что перед нами публичная административная деятельность, лишь в силу того, что некоторое лицо работает по регламенту, наполненному жесткими алгоритмами допустимых и (или) разрешенных поступков. Последнее означает только, что задана некая абстрактная схема фун-

¹ Генисаретский О. И. Деятельность проектирования и проектная культура // Центр корпоративного предпринимательства. 1996. 12 марта. URL: http://www.ckp.ru/biblio/g/gen/gen_project_culture.htm.

² Голубкова Л. Г., Розин В. М. Философия управления: моногр. Йошкар-Ола, 2010. С. 20.

³ Едина И. Е. Един А. В. Управление: философские аспекты. М., 2009. С. 39.

⁴ Голубкова Л. Н. Международные стандарты ISO на системы менеджмента как институт: российская практика освоения западных управленческих технологий // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2009-2010/institut/4>.

⁵ Голубкова Л. Н. Схемы в управлении организаций // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2009-2010/scheme/3>.

кционирования. Кроме того, создание таких механизмов, когда нормы административного права подменяют естественный порядок вещей, не только нецелесообразно, но и противоестественно и небезопасно.

Субъект административной деятельности – это лицо, участвующее в реализации функций публичного управления – внешнего нормативного влияния на социальные системы и процессы. Такой персонифицированный или групповой носитель управленческих воздействий не просто привлекается к осуществлению соответствующих функций (как МФЦ к приему документов или ополченец к фортификационным работам), но непосредственно участвует в реализации определенных методов воздействия на управляемую среду (деятельность): командует, отдает распоряжения, регистрирует, признает законность действий, разрешает, спасает в опасной ситуации, применяет меры оперативного реагирования на правонарушения и т. д. В противном случае невозможно будет отличить корпоративного менеджера от государственного служащего, а канцеляриста от должностных лиц дежурной части и т. д.

Как управленец-администратор влияет на деятельность? Ответ прост: меняет ее нормы, так как «деятельность задается нормами исключительно и исчерпывающе»¹. Иначе говоря, нормы административного права заменяют нормы управляемой деятельности в соответствии со стратегией управления путем ограниченного, но вполне достаточного и эффективного арсенала методов воздействия (регистрация, легализация, разрешение, содействие, распорядительство или принуждение).

Если представитель государства совершает какие-либо действия, это не всегда означает, что он занят административной деятельностью: дипломатический представитель на официальной встрече с главой иностранного государства не управляет; сотрудник Минспорта России на открытии соревнований выступает с речью, воодушевляющей спортсменов на победу; сотрудники Росгидромета, обрабатывая информацию о погоде, не управляют окружающей средой. Управление «в чистом виде» может при таких условиях отсутствовать, так как оно возможно при наличии двух функционально дифференцированных систем, одна из которых задает способы функционирования второй. Мы же говорим об одной и той же системе, сталкиваясь с феноменом **регулирования, но не управления**.

Реализация отдельных функций прежде, чем органы регулирования начнут действовать, обусловлена относительно устойчивыми макропоказателями. При этом для сохранения самой системы орган регулирования занимается поиском оптимальных вариантов внутрисистемного поведения субъектов, так как эти внешние условия деятельности обязательны и для него. Орган регулирования институционально не выделен из функциональной среды и действует по тем же правилам, что и софункциональные ему субъекты. При этом цели регулирующего воздействия (поддержание устойчивого состояния, вывод из нежелательного состояния, развитие, совершенствование системы, процессов, форм и методов хозяйственной организации) не совпадают с целями управления. В свою очередь средства регулирования (учетно-статистические средства, владение, распоряжение собственностью, управление ходом производства, обращения, потребления, инвестиционная политика, поддержка науки, культуры, образования, здравоохранения, проведение структурной политики и т. д.) имманентны управляемой, а не управляющей системе².

¹ Дубровский В. Я. Указ. соч.

² Райзберг Б. А. Государственное управление и администрирование в экономической и социальной сфере. М., 2007. С. 40.

Термин «регулирование» в последние годы приобрел не научно-методологическое, а сугубо идеологическое содержание и трактуется как вариант гибкого влияния на социально-экономические процессы, противопоставленный административно-командной системе воздействия¹. Это привело к смещению воздействия: там, где нужно управлять, а не руководить, привычным стало употребление термина «регулирование», и наоборот.

Арсенал средств государственного регулирования достаточно широк. В него входят правовое просвещение и информирование², антикоррупционное просвещение и пропаганда³; предоставление сведений о своей деятельности СМИ; мониторинг общественного мнения и мониторинг взаимодействия органа исполнительной власти с институтами гражданского общества; организация и осуществление образовательной, методической и научной (научно-исследовательской) деятельности; внедрение достижений науки, техники и положительного опыта, развитие систем связи и автоматизированного управления; предложения по формированию федерального бюджета; государственное страхование жизни и здоровья сотрудников; профилактические, лечебно-оздоровительные, реабилитационные и санаторно-курортные мероприятия; решения об изъятии для федеральных нужд земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества⁴; представительство и защита интересов РФ в судах иностранных государств и международных судебных органах; мониторинг правоприменения; методическая помощь в систематизации законодательства; обмен правовой информацией; установление требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса; проведение государственной религиоведческой экспертизы; направление представителей для участия в мероприятиях, проводимых некоммерческими организациями; проставление апостиля на официальных документах, подлежащих вывозу за границу; обеспечение функционирования и развития государственной системы бесплатной юридической помощи; учреждение именных стипендий и др.⁵

К средствам администрирования подобные меры отнести нельзя хотя бы потому, что на первый взгляд в их содержании нет императивности, строгости, однозначности требований, порой они применяются *ad hoc*, их выбор сопровождают хаотичность и непредсказуемость. Утверждается, что администрирование является наиболее жестким, прямолинейным, формальным набором методов воздействия (хотя оно подразумевает альтернативы, усмотрение и учет интересов), а государственное регулирование (по отношению к административно-командным методам воздействия) характеризуется как достаточно гибкий, мягкий и податливый механизм, максимально зависящий от воли и интересов управляемой среды. Однако можно возразить и признать такое воззрение ошибочным.

¹ Купреев С. С. Современные тенденции организации российского государственного управления // Адм. и муницип. право. 2009. № 3. С. 25.

² Приказ Генпрокуратуры России от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию».

³ Кучнев А. В. Антикоррупционное просвещение и пропаганда как условие реализации антикоррупционной политики // Адм. право и процесс. 2017. № 8. С. 77–80.

⁴ Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 18 июля 2018 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации».

⁵ Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 (ред. от 28 мая 2018 г.) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации».

Наиболее мягким методом на самом деле является стратегическое планирование, так как обладает ориентирующим, вариативным, предположительным характером воздействия. Администрирование занимает среднюю позицию по «жесткости» воздействия (директивы с альтернативами). А государственное регулирование выступает самым жестким, одномерным и прессинговым набором методов воздействия. Почему такой поворот, если всегда утверждалось обратное?¹

Причина тому кроется в онтологии государственного регулирования. Если первые две схемы являются искусственной и искусственно-естественной, то государственное регулирование основано исключительно на естественных закономерностях. Тарифная практика, пенсионная реформа, идеологическая пропаганда и т. д. не имеют альтернатив не потому, что их проведение кому-то невыгодно или не нравится, а потому, что иное является нарушением естественного хода вещей, разрушительно и губительно для общественных институтов.

Если сфера администрирования достаточно хорошо исследована (лицензирование, технологический надзор, применение мер принуждения и пр. требуют лишь оптимизации практики и приемов реализации указанных методов, но не построения новых теорий), вопросы стратегического планирования также достаточно изучены, но требуют теоретического осмысления (исследовательская часть здесь явно запаздывает по сравнению с практикой административной политики), то вопросы государственного регулирования как особой формы государственного управления не получили такого внимания и развития в публично-правовых исследованиях, не изучены должным образом.

Список литературы

Ansoff I. Corporate Strategy. N. Y., 1965.

Абучакра Р., Хури М. Эффективное Правительство для нового века. Реформирование государственного управления в современном мире. М., 2018.

Аверичев И. Л. Унификация правовых основ экономических инструментов государственного регулирования внешнеторговой деятельности в государствах-членах Таможенного союза ЕврАзЭС: моногр. / И. Л. Аверичева, А. В. Богданова, О. В. Гутарина и др.; под ред. Т. Н. Трошкиной. М., 2014.

Акофф Р., Сасиени М. Основы исследования операций / пер. с англ. под ред. И. А. Ушакова. М., 1971.

Андреев В. К. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: моногр. / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М., 2017.

Борисов А. М. Реформирование системы органов исполнительной власти и новая схема государственного территориального управления // Адм. и муницип. право. 2012. № 9.

Воронов А. М. К предмету административного права современной России // Адм. право и процесс. 2017. № 8.

Гараедаги Дж. Как управлять хаосом и сложными процессами. Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск, 2010.

Генисаретский О. И. Деятельность проектирования и проектная культура // Центр корпоративного предпринимательства. 1996. 12 марта. URL: http://www.ckp.ru/biblio/g/gen/gen_project_culture.htm.

¹ Шишкин С. Н. Предпринимательно-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: моногр. М., 2011; Аверичев И. Л. Унификация правовых основ экономических инструментов государственного регулирования внешнеторговой деятельности в государствах-членах Таможенного союза ЕврАзЭС: моногр. / И. Л. Аверичева, А. В. Богданова, О. В. Гутарина и др.; под ред. Т. Н. Трошкиной. М., 2014; Андреев В. К. Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: моногр. / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М., 2017; Джигкаева Ф. З. Средства и методы государственного регулирования предпринимательства // Общество и право. 2011. № 2. С. 109–113.

Гоголев А. М. Некоторые тенденции и закономерности становления и развития государственного администрирования // Адм. право и процесс. 2018. № 2.

Голубкова Л. Г., Розин В. М. Философия управления: моногр. Йошкар-Ола, 2010.

Голубкова Л. Н. Международные стандарты ISO на системы менеджмента как институт: российская практика освоения западных управленческих технологий // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2009-2010/institut/4>.

Голубкова Л. Н. Схемы в управлении организаций // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2009-2010/scheme/3>.

Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью (переведенные главы из Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N. J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963) // Социологический форум. 2001.

Джигкаева Ф. З. Средства и методы государственного регулирования предпринимательства // Общество и право. 2011. № 2.

Дубровский В. Я. Введение в общую теорию деятельности // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/67>.

Едина И. Е. Един А. В. Управление: философские аспекты. М., 2009.

Зиновьев А. А. Запад. М., 2008.

Зубарев С. М. К вопросу о взаимосвязи предмета и системы отечественного административного права // Адм. право и процесс. 2017. № 9.

Кононов П. И. Современное административное право России: опыт системно-правовой характеристики // Рос. юрид. журн. 2018. № 1.

Купреев С. С. Современные тенденции организации российского государственного управления // Адм. и муницип. право. 2009. № 3.

Кученев А. В. Антикоррупционное просвещение и пропаганда как условие реализации антикоррупционной политики // Адм. право и процесс. 2017. № 8.

Наумов С. В. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы. М., 2005.

Остроушко А. В. Анализ опыта ведения и применения классификаторов в области управления органами исполнительной власти // Адм. и муницип. право. 2016. № 3.

Попов Г. Х. Блеск и нищета административной системы. М., 1990.

Попов Л. Л. О предмете и методе административно-процессуального права // Адм. право и процесс. 2017. № 9.

Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Государственное управление и исполнительная власть: содержание и соотношение / под ред. Л. Л. Попова. М., 2011.

Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть: учеб. для магистров / Э. П. Андрюхина, И. В. Ахрем, Н. Н. Бакурова и др.; под ред. С. А. Старостина. М., 2017.

Райзберг Б. А. Государственное управление и администрирование в экономической и социальной сфере. М., 2007.

Стахов А. И. Функциональные сферы административных правоотношений в Российской Федерации // Рос. юрид. журн. 2018. № 2.

Студеникина М. С. Нормативные правовые акты управления как форма реализации исполнительной власти // Адм. право и процесс. 2014. № 2.

Шишкин С. Н. Предпринимательно-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: моногр. М., 2011.

Щедровицкий Г. П. Концепция программирования // Науч. фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xiii/texts/4>.

Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.

Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1970.

References

Abuchakra R., Khuri M. Effektivnoe Pravitel'stvo dlya novogo veka. Reformirovanie gosudarstvennogo upravleniya v sovremennom mire. M., 2018.

Akoff R., Sasieni M. Osnovy issledovaniya operatsii / per. s angl. pod red. I. A. Ushakova. M., 1971.

Andreev V. K. Pravo i ekonomicheskoe razvitie: problemy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki: monogr. / V. K. Andreev, L. V. Andreeva, K. M. Arslanov i dr.; otv. red. V. A. Vaipan, M. A. Egorova. M., 2017.

Ansoff I. Corporate Strategy. N. Y., 1965.

Averichev I. L. Unifikatsiya pravovykh osnov ekonomicheskikh instrumentov gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoi deyatel'nosti v gosudarstvakh-chlenakh Tamozhennogo soyuza EvrAzES: monogr. / I. L. Avericheva, A. V. Bogdanova, O. V. Gutarina i dr.; pod red. T. N. Troshkinoi. M., 2014.

Borisov A. M. Reformirovanie sistemy organov ispolnitel'noi vlasti i novaya skhema gosudarstvennogo territorial'nogo upravleniya // Adm. i munitsip. pravo. 2012. № 9.

Dubrovskii V. Ya. Vvedenie v obshchuyu teoriyu deyatel'nosti // Nauch. fond im. G. P. Shchedrovitskogo. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mm67>.

Dzhigkaeva F. Z. Sredstva i metody gosudarstvennogo regulirovaniya predprinimatel'stva // Obshchestvo i pravo. 2011. № 2.

Edina I. E., Edin A. V. Upravlenie: filosofskie aspekty. M., 2009.

Garaedagi Dzh. Kak upravlyat' khaosom i slozhnymi protsessami. Platforma dlya modelirovaniya arkhitektury biznesa. Minsk, 2010.

Genisaretskii O. I. Deyatel'nost' proektirovaniya i proektnaya kul'tura // Tsentr korporativnogo predprinimatel'stva. 1996. 12 marta. URL: http://www.ckp.ru/biblio/g/gen/gen_project_culture.htm.

Goffman E. Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoi identichnost'yu (perevedennye glavy iz Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N. J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963) // Sotsiologicheskii forum. 2001.

Gogolev A. M. Nekotorye tendentsii i zakonomernosti stanovleniya i razvitiya gosudarstvennogo administrirovaniya // Adm. pravo i protsess. 2018. № 2.

Golubkova L. G., Rozin V. M. Filosofiya upravleniya: monogr. Ioshkar-Ola, 2010.

Golubkova L. N. Mezhdunarodnye standarty ISO na sistemy menedzhmenta kak institut: rossiiskaya praktika osvoeniya zapadnykh upravlencheskikh tekhnologii // Nauch. fond im. G. P. Shchedrovitskogo. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2009-2010/institut/4>.

Golubkova L. N. Skhemy v upravlenii organizatsii // Nauch. fond im. G. P. Shchedrovitskogo. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2009-2010/scheme/3>.

Kononov P. I. Sovremennoe administrativnoe pravo Rossii: opyt sistemno-pravovoi kharakteristiki // Ros. yurid. zhurn. 2018. № 1.

Kuchenev A. V. Antikorrupsionnoe prosveshchenie i propaganda kak uslovie realizatsii antikorrupsionnoi politiki // Adm. pravo i protsess. 2017. № 8.

Kupreev S. S. Sovremennye tendentsii organizatsii rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya // Adm. i munitsip. pravo. 2009. № 3.

Naumov S. V. Predstavleniya o programmakh i programmirovanii v kontekste metodologicheskoi raboty. M., 2005.

Ostroushko A. V. Analiz opyta vedeniya i primeneniya klassifikatorov v oblasti upravleniya organami ispolnitel'noi vlasti // Adm. i munitsip. pravo. 2016. № 3.

Popov G. Kh. Blesk i nishcheta administrativnoi sistemy. M., 1990.

Popov L. L. O predmete i metode administrativno-protsessual'nogo prava // Adm. pravo i protsess. 2017. № 9.

Popov L. L., Migachev Yu. I., Tikhomirov S. V. Gosudarstvennoe upravlenie i ispolnitel'naya vlast': sodержanie i sootnoshenie / pod red. L. L. Popova. M., 2011.

Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo upravleniya i ispolnitel'naya vlast': ucheb. dlya magistrrov / E. P. Andryukhina, I. V. Akhrem, N. N. Bakurova i dr.; pod red. S. A. Starostina. M., 2017.

Raizberg B. A. Gosudarstvennoe upravlenie i administrirovanie v ekonomicheskoi i sotsial'noi sfere. M., 2007.

Shchedrovitskii G. P. Kontseptsiya programmirovaniya // Nauch. fond im. G. P. Shchedrovitskogo. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xiii/texts/4>.

Shishkin S. N. Predprinimatel'sko-pravovye (khozyaistvenno-pravovye) osnovy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomiki: monogr. M., 2011.

Stakhov A. I. Funktsional'nye sfery administrativnykh pravootnoshenii v Rossiiskoi Federatsii // Ros. yurid. zhurn. 2018. № 2.

Studenikina M. S. Normativnye pravovye akty upravleniya kak forma realizatsii ispolnitel'noi vlasti // Adm. pravo i protsess. 2014. № 2.

Voronov A. M. K predmetu administrativnogo prava sovremennoi Rossii // Adm. pravo i protsess. 2017. № 8.

Yanch E. Prognozirovanie nauchno-tekhnicheskogo progressa. M., 1970.

Yang M. Vozvyshenie meritokratii // Utopiya i utopicheskoe myshlenie. M., 1991.

Zinov'ev A. A. Zapad. M., 2008.

Zubarev S. M. K voprosu o vzaimosvyazi predmeta i sistemy otechestvennogo administrativnogo prava // Adm. pravo i protsess. 2017. № 9.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧАСТНОГО ПРАВА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Семякин Михаил Николаевич

Профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета,
доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
e-mail: misha2008@uralweb.ru

В статье рассматриваются становление, основные этапы развития экономического анализа частного права в России, наиболее важные аспекты соотношения экономики и права. Показаны связанные с этим проблемы и высказаны соображения по их решению.

Ключевые слова: экономический анализ права, частное право, формально-догматическая методология, экономическая методология

ECONOMIC ANALYSIS OF PRIVATE LAW IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Semyakin Michail

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: misha2008@uralweb.ru

The author considers the main stages of development of economic analysis of private law in Russia, the most important aspects of correlation between economics and law, shows the problems related, and submits proposals for solving them.

Key words: economic analysis of law, private law, dogmatic methodology, economic methodology

Экономика и частное (в основе своей гражданское) право – две тесно взаимосвязанные социальные сферы. Цивилисту, как теоретику, так и практику, нередко представляется, что он действует исключительно в рамках логики права, не апеллируя к каким-либо иным областям знания. Однако на самом деле он (часто неосознанно) выражает те или иные экономические взгляды. В связи с этим уместно привести мысль Ф. Энгельса: «Юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это лишь отражение экономических отношений»¹. Позднее ту же мысль высказал Дж. М. Кейнс, обратив внимание на то, что многие люди практического толка, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, зачастую сами того не замечая, являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого². Это обстоятельство отмечают и некоторые современные исследователи³.

Говоря о становлении и развитии экономического анализа права, нельзя не отметить, что «первопроходцами» здесь являются западные экономисты и правоведы. Достаточно упомянуть имена таких американских ученых, как Р. Коуз, Г. Беккер, Р. Познер, Г. Калабрези, благодаря трудам которых в 1960–1970-е гг. прошлого столетия экономический анализ права стал доминирующим направлением в исследова-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418.

² Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 458.

³ См., например: Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 24.

нии права¹. Однако некоторые прообразы, «ростки» экономического анализа права в США появились гораздо раньше. Так, уже в 1907 г. федеральный судья Луис Бранденс, приобретший в дальнейшем большую известность, представил Верховному суду записку по делу «*Muller v. Oregon*», содержащую обширный экономический и сравнительно-правовой анализ. С тех пор подобного рода документы, известные под названием «письма Бранденса», прочно вошли в практику².

Значительно позже труды по экономике и праву, экономическому анализу права стали появляться в ряде стран Западной Европы³.

Что касается становления экономико-правовой мысли в России, то некоторые прототипы такого мышления можно обнаружить уже в XVII–XIX вв. в научных трудах И. Т. Посошкова (1652–1726), А. Н. Радищева (1749–1802), Н. Г. Чернышевского (1828–1889), И. В. Вернадского (1821–1884) и др. Так, И. Т. Посошков в работе «Книга о скудости и богатстве», законченной в феврале 1724 г., свои суждения разделил на триады: первую составили его размышления «о неисправности и поправе духовенства, воинства и правосудия», вторую – «о неисправности и поправе купечества...», третью – «о неисправности и поправе, как во крестьянах, так и во владении земли безобидном, и о собрании царского интереса многоизобильного»⁴.

Особую заботу И. Т. Посошков проявлял о купечестве, без которого «никакое, не токмо великое, но и малое царство стоять не может»⁵. Улучшение состояния торговли в России и «поправу» купечества автор связывал главным образом с активным вмешательством государственной власти в регулирование торговли. Отводя царской власти важнейшую роль в исправлении общественных пороков, И. Т. Посошков полагал, что главным ее инструментом может быть только праведный суд: «Мне думается, более всякого дела надлежит стараться о правом суде, и, ежели правосудие у нас установится, то все люди будут бояться неправды. Всему добру основание праведный и нелицеприятный суд»⁶.

В контексте становления экономического анализа права в России особого внимания заслуживает выпущенный в свет в 1911 г. Ю. С. Гамбаровым «Курс гражданского права», где один из параграфов обозначен как «Экономическое направление в юриспруденции». По мысли автора, экономическое направление в юриспруденции оказало большие услуги правоведению, обратив внимание на зависимость права от экономических отношений, а также на необходимость изучения правовых явлений во взаимосвязи с экономическими⁷. Основные выводы, к которым пришел Ю. С. Гамбаров, заключаются в том, что между правом и экономикой вместо отношения подчиненности существует отношение взаимозависимости и солидарности; взаимное отношение права и экономики обуславливается различиями не в их пред-

¹ Подробнее см.: *Coase K. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3; Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, 1976; Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. / под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб., 2004.*

² *Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. / пер. с нем. М., 1998. Т. 1. С. 371.*

³ См., например: *Kirstein R. Law and Economics in Germany // Encyclopedia of Law and Economics / ed. by B. Bouckaert, G. de Geest. Cheltenham, 2000. Vol. I. P. 160–227; Mackady E. Law and Economics for Civil Law Systems. Cheltenham, 2013. P. 17–27; Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. 2. С. 8–31.*

⁴ Цит. по: *Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века. М., 2003. С. 201.*

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ *Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 162.*

мете, а в точке зрения на этот предмет, и отсюда вытекает признание как правоведения, так и экономики различными отделами одной и той же социальной науки. Главная задача экономического направления состоит в прочном утверждении связи права с другими общественными явлениями, что исключает изолированность права и делает необходимым изучение его вместе со всей человеческой культурой, часть которой оно составляет¹.

Значительный интерес к экономике проявляли и советские правоведы. Начиная с 1920-х гг. они постоянно обращались к работе «Капитал» К. Маркса при исследовании кардинальных проблем учения о государстве и праве, соотношения экономического базиса и политико-юридической надстройки, социально-классового характера законодательства, его экономической значимости и т. д. Так, Л. И. Петражицкий в качестве основной цели своей научной деятельности ставил необходимость разработки (как минимум, применительно к частному праву) в дополнение к историко-догматической юриспруденции такой методологии, которая позволяла бы на научной основе исследовать пути совершенствования позитивного права исходя из его конечной цели. Данную исследовательскую программу автор называл политикой гражданского права².

Другой известный правовед рассматриваемого периода Е. Б. Пашуканис исходя из методологии, используемой К. Марксом в книге «Капитал», где исходной «клеточкой» научного исследования капиталистических производственных отношений признается «товар» как экономическая категория, призывал к поиску в «правовой материи» аналогичной первичной «клеточки», в качестве которой, по его мнению, выступает правоотношение³.

В последующие годы ряд специальных юридических исследований был посвящен проблемам диалектической связи права с экономикой, правовых отношений с отношениями производственными, правовой формы с обуславливающим ее материальным (экономическим) содержанием.

Углубление теоретического анализа правовых явлений начиная со второй половины 50-х гг. и особенно в 60–70-е гг. XX в., расширение сфер правового исследования, усиление внимания к проблемам методологии правоведения и т. д. стимулировали интерес ученых-юристов к комплексному экономико-правовому исследованию явлений социальной действительности. В связи с этим можно отметить труды таких известных юристов и экономистов, как Р. О. Халфина, В. В. Лаптев, О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков, С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев, В. С. Якушев, Е. А. Суханов, Л. И. Абалкин, В. П. Шкредов и др.

Так, В. П. Шкредов отмечал: «В свое время принцип анализа социалистической экономики исходя из собственности пришел на смену объяснению экономического развития действиями государства диктатуры пролетариата. Это было определенным прогрессом, поскольку благодаря этому политико-экономы переместились из сферы политической надстройки в сферу экономического базиса»⁴. По мысли автора, собственность – не экономическая, а юридическая категория⁵. В качестве общего

¹ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 164.

² Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010. С. 3 и след.

³ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1929. С. 194–195.

⁴ Шкредов В. П. Экономика и право. Опыт экономико-юридического исследования общественного производства. Изд. 2-е. М., 1990. С. 236.

⁵ Там же. С. 12.

вывода В. П. Шкредовым сформулировано положение о том, что экономические явления не изолированы от других социальных отношений и так или иначе отражают их воздействие; даже сфера непосредственного производства не ограничивается исключительно экономическими отношениями, здесь также существуют правовые отношения¹.

Однако в целом в советский период доминировал подход, согласно которому право занимает подчиненное место по отношению к экономике и следует за ней в общем русле экономического развития.

В 1990-е гг. вышел в свет ряд посвященных экономико-правовой проблематике работ², в которых особое внимание уделялось экономическому анализу права, использованию экономических инструментов в регулировании правовых отношений.

В начале 2000-х гг. и в настоящее время к проблемам соотношения экономики и права, экономическому анализу права интерес также не ослабевает, о чем свидетельствуют многочисленные труды таких авторов, как А. Г. Карапетов, Г. А. Гаджиев, В. С. Белых, В. А. Вайпан, А. В. Габов, М. А. Егорова, В. В. Тамбовцев, М. Н. Семякин и др.³ Они рассматривают не только вопросы практического характера, но и проблемы философии права в контексте экономического анализа права, особый интерес проявляют к цивилистическим и прикладным аспектам применения экономического инструментария к изучению правовых феноменов.

В настоящее время в научной литературе обсуждаются не только отраслевые и институциональные вопросы экономики и права, но и методология взаимодействия указанных феноменов⁴, а также высказываются соображения о научно-исследовательской программе экономической теории права⁵.

Вместе с тем имеется ряд проблем организационного, методологического и иного характера, которые затрудняют использование потенциала экономического анализа права как в науке, так и в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что если на Западе в учебных программах ряда университетов давно и достаточно хорошо представлен курс «Law and Economics» («Экономический анализ права»), то в российской системе высшего образования, в особенности юридического, в этом направлении сделаны лишь первые шаги. Так, только в отдельных российских вузах (Московский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений и Уральский государственный экономический университет) учебные программы включают в себя дисциплину «Экономический анализ права», при этом исключи-

¹ Шкредов В. П. Указ. соч. С. 236.

² См., например: Шкредов В. П. Указ. соч.; Пугинский Б. И., Сафиулин Д. Н. Правовая экономика. М., 1991; Экономика и право: учеб. пособие для вузов / под ред. Н. Д. Эриашвили. М., 1999.

³ Карапетов А. Г. Указ. соч.; Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология): учеб. для магистрантов. М., 2016; Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. М., 2017; Вайпан В. А., Габов А. В., Егорова М. А., Кинев А. Ю., Петров Д. А. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: моногр. / отв. ред. М. А. Егорова. М., 2016; Тамбовцев В. В. Методы экономического анализа права в проектировании нормативно-правовых актов // Рос. журн. правовых исслед. 2014. № 4. С. 101–107; Семякин М. Н. Методология цивилистического правоведения. М., 2018. С. 213–227.

⁴ См., например: Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журн. рос. права. 2010. № 12. С. 5–26; Семякин М. Н. Указ. соч. С. 213–227.

⁵ Третьякова С. В. Формирование исследовательской программы экономической теории права // Трансграничный торговый оборот и право: Liber amicorum в честь 50-летия А. Н. Жильцова / сост. и науч. ред. А. И. Муранов, В. В. Плеханов. М., 2013. С. 222–252.

тельно для студентов экономических факультетов. И лишь в двух высших учебных заведениях – Высшая школа экономики и Санкт-Петербургский государственный экономический университет – на юридических факультетах читается специальный курс под названием «Экономический анализ права» и «Право и экономика» соответственно. В связи с этим возникает вопрос: почему в российское образовательное пространство так слабо внедряется экономический анализ права?

Как известно, на первых этапах становления гражданского права в России в основе его осмысления лежала естественно-правовая концепция, вытесненная затем идеями исторической школы права, которая к середине XIX в. уступила место формально-догматической концепции права (аналитической юриспруденции), занимающей и сегодня господствующие позиции в отраслевом, в том числе цивилистическом, правоведении и особенно в правоприменительной сфере. Многие современные юристы, к сожалению, считают, что исследовать экономическую целесообразность, экономическую разумность и иные подобные аспекты правовых решений – не дело юриспруденции, ибо главными для нее являются анализ позитивного нормативного материала; формулирование на основе индуктивных умозаключений из разрозненных частных норм общих правоположений, понятий; осуществление различного рода формально-логических классификаций и т. д., что выступает решающим критерием оценки научности того или иного труда по правоведению.

Между тем именно экономический анализ права может помочь выявить, например, был ли причинен экономический ущерб государству либо иным субъектам, без чего невозможно дать юридическую оценку тех или иных действий (бездействия) лица и, следовательно, решить вопрос об основании его гражданско-правовой ответственности. Не случайно на Западе все более пристальное внимание в правоведении уделяется политике права, в том числе его экономическим, социокультурным, политологическим и иным основаниям, и выработке на базе этого необходимой стратегии по оптимизации законодательства.

Догматическая методология, основывающаяся на комментариях норм закона, отождествлении права и закона, формальной логике силлогизмов, выведении права из самого себя путем дедуктивных и индуктивных обобщений и т. п., конечно, не испытывает особой нужды в изучении политики права, использовании экономического анализа права, поскольку все это остается за рамками формальной догматики. Здесь нужна новая парадигма правового мышления, базирующаяся на гуманистических началах российского законодательства, цели и принципах права, учитывающая диалектику взаимодействия права с экономикой и иными явлениями социальной действительности.

Однако нельзя не обратить внимание на некоторые положительные интенции в этой области. Так, Конституционный Суд РФ по жалобе предпринимателя В. Жукова на действия КУГИ Саратовской области, пытавшегося взыскать с него долг по аренде земельного участка и пени, причем с применением повышенного коэффициента, установленного актом местного органа власти, противоречащего закону, сформулировал правоположение, в соответствии с которым арбитражный суд, рассматривая гражданское дело, обязан проверить подлежащий применению нормативный правовой акт на предмет его соответствия закону, в том числе, с позиции экономической обоснованности, в данном случае – методики расчета арендной платы¹. Это

¹ Голубкова М. Арбитражные суды обязали учитывать соотношение нормативных актов по ранжиру // Рос. газ. 2017. 8 дек.

обстоятельство должно стимулировать судебные органы к использованию в соответствующих случаях метода экономического анализа права.

Другим препятствием в применении экономического анализа в праве выступает то, что выход за пределы формально-догматической методологии сопряжен для юристов с рядом серьезных трудностей эпистемологического характера. Более широкий методологический ракурс при рассмотрении правовых явлений требует обращения к иным (неюридическим) отраслям научного познания (экономике, социологии, философии, культурологии, психологии, политологии и т. д.), о которых у юристов нередко отсутствуют необходимые знания.

Кроме того, в экономической и цивилистической методологии имеются серьезные различия, а часто и совершенно противоположные подходы. Так, многие экономические категории и конструкции в системе цивилистического методологического инструментария используются, как правило, не «напрямую», а лишь в преобразованном виде. Например, категория «предприятие» в экономической науке применяется для обозначения самостоятельного, организационно обособленного хозяйствующего субъекта, который производит и реализует продукцию, выполняет работы промышленного характера или предоставляет платные услуги¹. Однако в цивилистической науке и законодательстве категория «предприятие» используется главным образом в преобразованном виде – как сложный имущественный комплекс, объект гражданского права. Именно в таком значении данная категория «консолидируется» в понятийную систему цивилистического правоведения.

С учетом характера и особенностей экономических феноменов, а также их связи с предметом цивилистической науки определим способы использования экономического методологического инструментария в системе цивилистического правоведения.

Одним из таких способов выступает *консолидация* экономических понятий в категориальный строй цивилистической науки, когда соответствующие экономические феномены находят свое «бытие» (юридическую «жизнь») в частноправовой сфере, приобретая правовую форму выражения, и таким образом включаются в систему цивилистического методологического инструментария.

Другим способом «адаптации» экономических феноменов к частноправовой сфере выступает *ассоциирование*. При этом те или иные экономические категории хотя и используются в исследовательской и другой практике, однако не приобретают полного «статуса» цивилистических понятий в силу того, что их цивилистическое содержание еще недостаточно определено. В частности, к «ассоциированным» можно отнести такие экономические по своему содержанию конструкции, как торговые свопы, бинарные опционы и др. Так, бинарные опционы экономисты интерпретируют как движение торговых инструментов, однако для цивилистического познания такого понимания недостаточно; в то же время в цивилистике пока не выработано определения указанного феномена.

Ряд экономических категорий не относятся к категориальной системе цивилистической науки ни в качестве «консолидированных», ни в качестве «ассоциированных», поскольку имеют сугубо экономическое содержание, которое не способно «трансформироваться», приобрести какое-либо иное значение в силу своей «укорененности», неразрывной связи с предметом экономической области познания. Вместе с тем такие понятия часто представляют для цивилистики значительный интерес,

¹ См., например: Фролова Т. А. Экономика предприятия: конспект лекций. Таганрог, 2005. С. 8.

поскольку отдельные практические либо научные задачи не могут быть эффективно решены только путем использования цивилистического методологического инструментария.

Так, в экономических исследованиях нередко фигурирует такая конструктивная модель, как принцип (критерий) эффективность по Парето (*Pareto efficiency*), согласно которому общее экономическое благосостояние возрастает всякий раз, когда происходят изменения, связанные, в частности, с совершением сделок, установлением тех или иных правовых институтов и т. д., в результате чего гражданин или группа лиц увеличивают свое личное благосостояние при условии, что никто другой не несет потерь. При наступлении такого состояния, когда улучшение экономического благосостояния одних лиц становится невозможно без причинения экономического ущерба другим, экономисты говорят об оптимальном по Парето результате (*Pareto optimality*)¹.

Конечно, модель Парето-оптимальности носит идеальный характер, и на практике можно лишь стремиться к ее достижению, в том числе посредством использования цивилистического методологического инструментария. Однако для этого необходимо глубокое осмысление данной конструктивной модели и возможности ее применения при анализе частноправовой действительности, в особенности договорного права. Использование модели Парето-оптимальности в цивилистическом исследовании как экономического метода познания позволяет выйти за рамки формально-догматического цивилистического анализа и проникнуть в иное (экономическое) знаниевое пространство с тем, чтобы более глубоко познать частноправовую действительность.

В экономическом анализе достаточно широко используются модели экономической эффективности, целесообразности, однако для правового регулирования важны не только они, но и такие категории, как справедливость, добросовестность, что также порождает некоторые методологические трудности при использовании экономического анализа в праве, в том числе в частноправовой сфере.

Так, в одном деле авиакомпания оспаривала в суде законность строительства высотного жилого дома в непосредственной близости от тюменского аэропорта Плеханово. Причем девелопером строительной компании был получен полный пакет разрешительных документов от администрации Тюмени, что объяснялось тем, что аэропорт подлежит передислокации и на последней карте-схеме генерального плана развития территории он не значился. Однако в 2013 г. земельный участок под имущественным комплексом аэропорта был передан авиапредприятию в аренду на 49 лет. Арбитражный суд, рассматривавший дело по первой инстанции, в иске аэропорта о признании разрешения на строительство жилого дома незаконным отказал, мотивируя это тем, что в противном случае могут пострадать интересы дольщиков. Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, рассматривавшая дело по жалобе истца, заключила, что арбитражный суд подошел к рассмотрению иска формально, без учета потенциальной угрозы для жизни и здоровья дольщиков, а также особых условий землепользования «в охранной зоне полосы воздушных подходов», и направил дело на новое рассмотрение².

В контексте проблемы экономического анализа права приведенное дело обращает на себя внимание как минимум в двух отношениях.

¹ Подробнее см.: Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 122–123.

² Меньшиков А. «Москва» не сразу строилась? // Рос. газ. 2017. 14 сент.

Во-первых, если расценивать действия застройщика сугубо с позиций формально-догматического подхода (догмы права, аналитической юриспруденции), то можно прийти к выводу об отсутствии противоправности в его поведении, ибо все необходимые разрешения и согласования с органами власти на осуществление строительства дома им были в установленном порядке получены и эти акты не были судом признаны недействительными как противоречащие закону. С экономической позиции также имеются аргументы в пользу того, что поведение застройщика было эффективным (экономически выгодным): быстрое привлечение инвестиций застройщиков, сравнительно низкая себестоимость строительства, что позволило продавать часть квартир по низкой цене, и др.

Однако с точки зрения методологии, выходящей за рамки формальной догматики, поведение застройщика необходимо оценивать как недобросовестное и несправедливое, а следовательно, противоправное, ибо строительная компания в данном случае явно пренебрегла правами и законными интересами дольщиков в контексте необходимости обеспечения безопасности их жизни и здоровья. То обстоятельство, что имущественный комплекс аэропорта не значился в схеме генерального плана (который, в сущности, представляет собой не более как общую стратегию развития определенной территории), отнюдь не давало застройщику оснований полагать, что к моменту окончания строительства жилого дома не будет угрозы безопасности для жизни и здоровья жильцов, что и было подтверждено, в частности, тем, что договор аренды земельного участка под аэропортом был пролонгирован на длительный срок.

Во-вторых, вряд ли можно согласиться с решением арбитражного суда, первоначально отказавшего в иске аэропорту на том основании, что в случае удовлетворения заявленных требований дольщикам будет причинен экономический ущерб. Подобное решение, обоснованное сугубо экономически, не учитывает такие начала гражданского законодательства, как добросовестность и справедливость.

В последнее время, как свидетельствуют западные научные источники и судебная практика, все более отчетливо наблюдается тенденция к ограничению доктрины встречного предоставления (*consideration*) в пользу теории недобросовестности (*unconscionability*). По свидетельству П. Элсеса, доктрина встречного предоставления не предъявляет требования к равноценности обмениваемых благ, а теория недобросовестности учитывает это требование и в случае, когда суд обнаруживает значительную непропорциональность в имущественных предоставлениях сторон при отсутствии их намерения совершить дарение, это может быть квалифицировано как недобросовестное поведение стороны¹. Как отмечают К. Цвайгерт и Х. Кетц, в судебной практике и доктрине эквивалентность обязательств сторон рассматривается как общее требование взаимной справедливости².

Необходимость учета, в том числе, при совершении различных экономических трансакций таких феноменов, как добросовестность и справедливость, отмечается и в отечественной литературе, в частности по экономическому анализу права³.

Однако, думается, что само по себе отступление от эквивалентности во взаимных предоставлениях сторон договора можно рассматривать как экономическую

¹ Alces P. A. A Theory of Contract Law: Empirical Insights and Moral Psychology. Oxford, 2011. P. 162–163.

² Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право. М., 2011. С. 325, 326.

³ См., например: Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 197 и след.; Одинцова М. И. Экономика права. М., 2007. С. 362 и след.

некорректность в их отношениях. Но это обстоятельство отнюдь не дает оснований для однозначного вывода о том, что во всех таких случаях непременно нарушается принцип справедливости и тем более добросовестности, ибо подобный неэквивалентный обмен может происходить в силу самых разных побуждений, в том числе благородного, морально-нравственного характера. Так, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» обратил внимание на недопустимость применения несправедливых договорных условий, а также на то, что признание договора несправедливым может быть осуществлено с учетом конкретных обстоятельств заключения договора, его условий в целом и т. д.

Таким образом, использование различных экономических инструментов при анализе права способствует значительному расширению методологических границ познания частноправовой действительности, синергетическому приращению знаний о сложных (многогранных) правовых явлениях. Однако при этом необходимо учитывать важнейшие начала гражданского законодательства, в том числе добросовестность и справедливость, не только определяющие сущностные характеристики частного права, но и имеющие принципиальное значение в его взаимодействии с неправовыми, в том числе экономическими, феноменами. Обращение к экономическому анализу права позволяет поднять правовое исследование на более высокий методологический уровень, интегрировать российскую юридическую науку в глобальные процессы научного познания.

Список литературы

- Alces P. A. A Theory of Contract Law: Empirical Insights and Moral Psychology. Oxford, 2011.*
Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, 1976.
Coase K. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3.
Kirstein R. Law and Economics in Germany // Encyclopedia of Law and Economics / ed. by B. Bouckaert, G. de Geest. Cheltenham, 2000. Vol. I.
Mackady E. Law and Economics for Civil Law Systems. Cheltenham, 2013.
Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: моногр. М., 2017.
Вайпан В. А., Габов А. В., Егорова М. А., Кинев А. Ю., Петров Д. А. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: моногр. / отв. ред. М. А. Егорова. М., 2016.
Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология): учеб. для магистрантов. М., 2016.
Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003.
Голубкова М. Арбитражные суды обязали учитывать соотношение нормативных актов по ранжиру // Рос. газ. 2017. 8 дек.
Карпетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016.
Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37.
Меньшиков А. «Москва» не сразу строилась? // Рос. газ. 2017. 14 сент.
Одинцова М. И. Экономика права. М., 2007.
Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1929.
Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010.
Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. / под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб., 2004.
Пугинский Б. И., Сафиулин Д. Н. Правовая экономика. М., 1991.
Семякин М. Н. Методология цивилистического правоведения. М., 2018.
Тамбовцев В. В. Методы экономического анализа права в проектировании нормативно-правовых актов // Рос. журн. правовых исслед. 2014. № 4.
Томсинов В. А. История русской политической и правовой мысли X–XVIII века. М., 2003.

Третьякова С. В. Формирование исследовательской программы экономической теории права // Трансграничный торговый оборот и право: Liber amicorum в честь 50-летия А. Н. Жильцова / сост. и науч. ред. А. И. Муранов, В. В. Плеханов. М., 2013.

Фролова Т. А. Экономика предприятия: конспект лекций. Таганрог, 2005.

Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журн. рос. права. 2010. № 12.

Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. / пер. с нем. М., 1998. Т. 1; 2000. Т. 2.

Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право. М., 2011.

Шкредов В. П. Экономика и право. Опыт экономико-юридического исследования общественного производства. Изд. 2-е. М., 1990.

Экономика и право: учеб. пособие для вузов / под ред. Н. Д. Эриашвили. М., 1999.

References

Alces P. A. A Theory of Contract Law: Empirical Insights and Moral Psychology. Oxford, 2011.

Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, 1976.

Belykh V. S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii: monogr. M., 2017.

Coase K. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3.

Ekonomika i pravo: ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. N. D. Eriashvili. M., 1999.

Frolova T. A. Ekonomika predpriyatiya: konspekt lektsii. Taganrog, 2005.

Gadzhiev G. A. Pravo i ekonomika (metodologiya): ucheb. dlya magistrantov. M., 2016.

Gambarov Yu. S. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' / pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. M., 2003.

Golubkova M. Arbitrazhnye sudy obyazali uchityvat' sootnoshenie normativnykh aktov po ranzhiru // Ros. gaz. 2017. 8 dek.

Karapetov A. G. Ekonomicheskii analiz prava. M., 2016.

Keins Dzh. M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. M., 1978.

Khabrieva T. Ya. Ekonomiko-pravovoi analiz: metodologicheskii podkhod // Zhurn. ros. prava. 2010. № 12.

Kirstein R. Law and Economics in Germany // Encyclopedia of Law and Economics / ed. by B. Bouckaert, G. de Geest. Cheltenham, 2000. Vol. I.

Mackady E. Law and Economics for Civil Law Systems. Cheltenham, 2013.

Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 37.

Men'shikov A. «Moskva» ne srazu stroilas'? // Ros. gaz. 2017. 14 sent.

Odintsova M. I. Ekonomika prava. M., 2007.

Pashukanis E. B. Obshchaya teoriya prava i marksizm. M., 1929.

Petrzhitskii L. I. Vvedenie v nauku politiki prava // Petrzhitskii L. I. Teoriya i politika prava. Izbrannye trudy. SPb., 2010.

Pozner R. Ekonomicheskii analiz prava: v 2 t. / pod red. V. L. Tambovtseva. SPb., 2004.

Puginskii B. I., Safulin D. N. Pravovaya ekonomika. M., 1991.

Semyakin M. N. Metodologiya tsivilisticheskogo pravovedeniya. M., 2018.

Shkredov V. P. Ekonomika i pravo. Opyt ekonomiko-yuridicheskogo issledovaniya obshchestvennogo proizvodstva. Izd. 2-e. M., 1990.

Tambovtsev V. V. Metody ekonomicheskogo analiza prava v proektirovanii normativno-pravovykh aktov // Ros. zhurn. pravovykh issled. 2014. № 4.

Tomsinov V. A. Istoriya russkoi politicheskoi i pravovoi mysli X–XVIII veka. M., 2003.

Tret'yakova S. V. Formirovanie issledovatel'skoi programmy ekonomicheskoi teorii prava // Transgranichnyi torgovyi oborot i pravo: Liber amicorum v chest' 50-letiya A. N. Zhil'tsova / sost. i nauch. red. A. I. Muranov, V. V. Plekhanov. M., 2013.

Tsvaigert K., Ketts Kh. Sravnitel'noe chastnoe pravo. M., 2011.

Tsvaigert K., Ketts Kh. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2 t. / per. s nem. M., 1998. T. 1; 2000. T. 2.

Vaipan V. A., Gabov A. V., Egorova M. A., Kinev A. Yu., Petrov D. A. Ekonomicheskaya kontsentratsiya: opyt ekonomiko-pravovogo issledovaniya rynochnykh i yuridicheskikh konstruktssii: monogr. / otv. red. M. A. Egorova. M., 2016.

**УЧРЕЖДЕНИЯ
ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ
В УЗБЕКИСТАНЕ В 1943–1949 гг.
(численность и дислокация)****Мотревич Владимир Павлович**

Профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор исторических наук, профессор (Екатеринбург),
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Приводятся данные о находившихся в Узбекской ССР лагерях Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. Определена численность и дислокация лагерей для военнопленных, указаны даты начала и завершения их функционирования.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Узбекистан, военнопленные, лагерь, лагерное отделение, репатриация

**INSTITUTIONS
FOR THE DETENTION OF PRISONERS OF WAR AND INTERNEES
IN UZBEKISTAN IN 1943–1949
(number and disposition)****Motrevich Vladimir**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

The article summarizes information about the camps of the Main Directorate for POWs and internees of the USSR NKVD situated in the Uzbek SSR. The number and disposition of camps, the start and the end of their activities are determined.

Key words: Second World War, Uzbekistan, prisoners of war, camp, camp office, repatriation

Военнопленные – это лица, принадлежащие к вооруженным силам воюющих стран, включая добровольческие отряды партизан, участников движения сопротивления и др.¹ В годы Великой Отечественной войны Красной армией в ходе военных действий были взяты в плен 4377,3 тыс. человек. После победы над Японией численность военнопленных возросла еще на 639,6 тыс. человек. В плен попали и более 200 тыс. советских граждан, принимавших участие в войне на стороне Германии и ее союзников. Из стран Восточной Европы в СССР были также интернированы 208,2 тыс. лиц немецкой национальности, а также 61,6 тыс. функционеров низовых партийных и административных органов². В силу закрытости информации об иностранных гражданах на территории Советского Союза данная проблема многие годы оставалась вне поля зрения историков. Интерес исследователей к судьбам иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР стал реализовываться только в начале 1990-х гг.

¹ Мотревич В. П. Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 120, 121.

² Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000. С. 11, 12.

Нахождению иностранных военнопленных и интернированных граждан в лагерях системы ГУПВИ НКВД (МВД) СССР на территории Советского Союза в последние два десятилетия были посвящены многие работы авторов из различных стран¹. В целом в них представлена достоверная картина нахождения иностранных граждан в советском плену. В последние годы в Германии, Италии и России опубликована часть ранее секретных материалов ГУПВИ НКВД СССР бывшего «Особого архива», хранящихся в настоящее время в Российском государственном военном архиве (РГВА)². Это серьезно расширило возможности исследователей.

В военные и первые послевоенные годы значительное число иностранных военнопленных и интернированных пребывали на территории Узбекской ССР. Информация о нахождении на территории Республики японских военнопленных приводится в ряде публикаций, выполненных на материалах Узбекистана³. Однако они не затрагивают вопрос о существовавших в те годы в Узбекистане учреждениях, в которых размещались военнопленные и интернированные.

По состоянию на начало 1942 г. на территории СССР действовало семь лагерей для иностранных военнопленных. Два из них находились в Казахской ССР, остальные размещались на территории РСФСР. На протяжении 1942 г. в Союзе ССР были сформированы еще ряд лагерей; в результате к началу 1943 г. их численность достигла 31⁴. Большинство лагерей для иностранных военнопленных имели лагерные отделения с численностью контингента в среднем от одной до двух тысяч человек. В 1943–1944 гг. в связи с успешными действиями Красной армии на фронтах система ГУПВИ НКВД СССР продолжала расширяться, и к концу 1944 г. в стране насчитывалось уже 156 лагерей для военнопленных.

В феврале 1943 г. в Узбекистане был создан Фархадский лагерь № 26 ГУПВИ НКВД СССР (начальник лагеря – подполковник госбезопасности П. А. Кириллов). Вскоре в лагерь № 26 в соответствии с приказом НКВД СССР от 1 марта 1943 г. № 00398 ста-

¹ Бекмагамбетов Р. К. Военнопленные на территории Казахстана. Костанай, 2014; Джустини М. Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954. СПб., 2010; Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien; München, 1995; Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996; Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997; Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949). Вологда, 2004; Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные, интернированные, владовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942–1956 гг. М., 2011; Мотревич В. П. Эксгумация останков умерших на Урале военнопленных Второй мировой войны: методика проведения и основные результаты // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 4. С. 125–132; Его же. Захоронения иностранных военнопленных Великой Отечественной войны в Кировской области: результаты поисковых и благоустроительных работ // Там же. 2017. № 3. С. 119–130; Потильчак О. В. Рядяньські табори військовополонених в Україні (1939–1954). Київ, 2004 и др.

² Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941–1953 годов. М., 2005; Военнопленные в СССР, 1939–1956; Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). Путеводитель. М.; Дрезден; Бонн; Кассель, 2008; Ministero della Difesa – Commissariato di Onorcaduti, CSIR – ARMIR. Campi di Prigionia e fosse comuni. Gaeta, 1996; Orte des Gewahrsans von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). Finbuch; Dresden; Kassel; Moskau; München, 2010 и др.

³ Волосевич А. В земле Узбекистана осталось лежать 817 японцев – военнопленных времен Второй мировой войны // Фергана: информ. агентство. 2006. 28 авг. URL: <https://www.fergananews.com/articles/4559> (дата обращения: 15.01.2018); Тутов А. В. Японские военнопленные в Узбекистане. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka71_Tutov_Yapan_War.html (дата обращения: 15.01.2018); Узбекистан: «Главный архитектор» страны Ислам Каримов стирает память // Фергана: информ. агентство. 2015. 27 окт. URL: <https://www.fergananews.com/articles/8747> (дата обращения: 15.01.2018).

⁴ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 1038.

ли поступать многочисленные контингенты, оказавшиеся в плену в результате Сталинградской битвы. В течение марта в лагеря для военнопленных, расположенные на территории Казахской и Узбекской ССР, Удмуртской АССР, Ивановской, Карагандинской, Молотовской, Омской, Саратовской, Свердловской и Челябинской областей, планировалось вывезти 110,6 тыс. человек; из них 20 тыс. военнопленных рядового состава должны были поступить в Фархадский лагерь¹.

Осенью 1945 г. еще не завершилась транспортировка в СССР военнопленных из состава европейских армий, а через восточные границы СССР уже стали поступать военнопленные японской армии. Лагеря для них в срочном порядке разворачивались на территории Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Южно-Казахстанской и Джамбульской областей, Бурят-Монгольской АССР и Узбекской ССР². По-видимому, с этим связано и создание в лагере № 26 двух отделений. Его первое отделение (01.09.1945–01.04.1947) дислоцировалось в пос. Южный Аламышик Жалакундукского района³, второе отделение (11.10.1946–25.11.1946) – в г. Андижан⁴. Изменилось и название лагеря: в ноябре 1944 г. он уже именовался Андижанским. Это было вызвано, по нашему мнению, передислокацией его управления в г. Андижан.

Находившихся в лагере военнопленных активно привлекали к строительству Фархадской ГЭС. Строительство велось в тяжелых условиях, с широким использованием ручного труда. В апреле 1947 г. в связи с завершением основных работ и заполнением Фархадского водохранилища лагерь № 26 был закрыт. К строительству Фархадской ГЭС привлекались и военнопленные из других лагерей ГУПВИ. В том же пос. Южный Аламышик с 8 по 30 декабря 1945 г. находились два отделения лагеря № 446. Однако существовал он недолго и был расформирован, а его контингент пополнил соседние лагеря.

В начале 1945 г. Великая Отечественная война шла к завершению, поток военнопленных усиливался, в результате число лагерей для их содержания продолжало возрастать. Для улучшения руководства ими в январе 1945 г. в ряде республик, краев и областей Союза ССР в составе НКВД были созданы отделения и отделы по делам о военнопленных и интернированных. Отделение по делам о военнопленных и интернированных было организовано и в составе НКВД Узбекской ССР. 1 сентября 1945 г. в Узбекистане открылись 9 лагерей ГУПВИ НКВД СССР: лагеря № 44, 45, 46, 288, 360, 372, 385, 387 и 438 (см. таблицу). Лагеря № 44 в г. Коканд, № 45 в г. Беговат и № 46 в г. Ташкент находились в Республике недолго – до 19 октября 1945 г. История этих лагерей нуждается в дальнейшем изучении. Однако если судить по номерам и названиям, то они были не закрыты, а передислоцированы в другие республики и края Союза ССР. Так, лагерь № 44, по-видимому, был перемещен в Туркменскую ССР и стал называться Красноводским; лагерь № 45 передислоцировали в Казахскую ССР, и он стал именоваться Усть-Каменогорским; лагерь № 46 отправили в Хабаровский край, и он стал называться Биробиджанским⁵.

Организованный в мае 1945 г. лагерь № 288 (14.05.1945–16.11.1948) в составе восьми отделений также получил наименование «Фархадский». Первое (14.05.1945–

¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 100–103.

² Там же. С. 34.

³ Названия населенных пунктов приведены в соответствии с административно-территориальным делением Узбекской ССР в исследуемый период.

⁴ Orte des Gewahrsans von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 195.

⁵ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 121, 1030.

16.11.1948) и второе (15.06.1945–23.01.1948) отделения лагеря находились в пос. Фархад, шестое (15.06.1945–04.09.1948), седьмое (15.06.1945–04.09.1948) и восьмое (21.09.1945–04.09.1948) отделения – в г. Беговат. В Ташкентской области также размещались третье (14.05.1945–16.11.1948), четвертое (14.05.1945–01.07.1948) и пятое (14.05.1945–01.07.1948) лагерные отделения. В июне 1945 г. в Узбекистане были открыты Чирчикский лагерь № 360 и Ангренский лагерь № 372. Первые два отделения Чирчикского лагеря (15.06.1945–19.03.1946) дислоцировались в г. Чирчик, третье и шестое (15.06.1945–07.07.1945) – в г. Ташкент, четвертое (15.06.1945–07.07.1945) – в г. Фергана и пятое (07.07.1945–21.09.1945) – на ст. Чинас. Ангренский лагерь также имел в своем составе шесть отделений. Первое (01.09.1945–13.12.1947), второе (01.09.1945–01.07.1948), третье (01.09.1945–16.11.1948), четвертое (19.03.1946–16.11.1948) и шестое (07.06.1946–16.11.1948) отделения находились в г. Ангрен, пятое (07.06.1946–04.11.1948) – в г. Янгиюль¹.

Лагеря ГУПВИ НКВД СССР в Узбекской ССР в 1943–1949 гг.²

Номер лагеря	Годы существования	Название лагеря	Лагерные отделения
26	1943–1947	Фархадский (Андижанский)	–
44	1945	Нет сведений	–
45	1945	Нет сведений	1, 2
46	1945	Нет сведений	1–3
288	1945–1948	Фархадский	1–8
360	1945–1947	Чирчикский	1–6
372	1945–1948	Ангренский	1–6
385	1945–1946	Нет сведений	–
386	1945–1949	Ташкентский	1–15
387	1945–1948	Ферганский	1, 2
438	1945–1946	Нет сведений	1–4
446	1945	Нет сведений	1, 2

В июле 1945 г. были организованы лагерь № 385 в г. Ахангаран и лагерь № 386 в г. Ташкент. Лагерь № 385 существовал недолго – в марте 1946 г. он был закрыт. А вот лагерь № 386 оказался «долгожителем» и завершил свою работу только в октябре 1949 г. Ташкентский лагерь № 386 был самым крупным среди размещенных в Узбекистане лагерей ГУПВИ НКВД СССР. В его составе насчитывалось 15 отделений. Первое (28.07.1945–24.09.1948), второе (28.07.1945–01.07.1948), третье (21.09.1945–24.10.1949), четвертое (21.09.1945–04.09.1948), пятое (21.09.1945–03.11.1948), шестое (21.09.1945–24.10.1949), седьмое (21.09.1945–02.02.1949), восьмое (21.09.1945–01.07.1948), десятое (21.09.1945–13.10.1947), одиннадцатое (11.10.1946–03.04.1949), двенадцатое (11.10.1946–01.07.1948), тринадцатое (11.10.1946–01.07.1948) и четырнадцатое (11.10.1946–01.06.1949)

¹ Orte des Gewahrsans von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 195–198.

² Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 1028–1037; Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). С. 365, 366; Orte des Gewahrsans von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 195–198.

отделения дислоцировались в г. Ташкент. Его девятое отделение (21.09.1945–24.10.1949) размещалось в г. Ангрен, пятнадцатое отделение (17.09.1947–01.08.1948) – в г. Чирчик. В сентябре был организован Ферганский лагерь № 387 в составе двух отделений. Первое находилось в г. Фергана (21.09.1945–19.03.1946), второе (21.09.1945–16.11.1948) – в г. Коканд. 21 сентября 1945 г. был открыт лагерь № 438 в г. Ангрен в составе четырех отделений. Существовал он недолго, и 19 марта 1946 г. все его отделения были закрыты.

Лагеря № 385, 438 и 446 просуществовали менее года, и сведения о них отсутствуют в опубликованном РГВА списке лагерей ГУПВИ НКВД – МВД СССР. Не отражен в списке и «узбекский период» работы лагерей № 44, 45 и 46. Однако информация о них содержится в вышедшем в ФРГ фундаментальном справочнике, подготовленном германской и российской сторонами также на основе материалов РГВА¹.

В 1946 г. в связи с репатриацией численность иностранных военнопленных стала сокращаться, одновременно происходило и постепенное расформирование лагерей ГУПВИ МВД. По состоянию на начало 1946 г. в Союзе ССР было 267 лагерей для военнопленных, на начало 1947 г. – 213, на начало 1948 г. – 172, на начало 1949 г. – 85, а на начало 1950 г. – всего 10. Сокращалась лагерная сеть и в Узбекистане. Последним 24 октября 1949 г. прекратил свое существование Ташкентский лагерь № 386. Таким образом, всего с 1943 по 1949 г. на территории Узбекистана дислоцировались 11 лагерей ГУПВИ НКВД СССР. В их составе насчитывалось 48 отделений, каждое из которых являлось фактически отдельным лагерем².

Помимо лагерей ГУПВИ НКВД СССР, часть иностранных военнопленных и интернированных находились в составе отдельных рабочих батальонов (ОРБ) НКО СССР. Государственный комитет обороны постановлением от 16 декабря 1944 г. № 7161 сс обязал НКВД СССР мобилизовать и интернировать с направлением на работы в СССР всех трудоспособных немцев, находившихся на освобожденной Красной армией территории Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии. Мобилизации подлежали немцы – граждане как Германии, так и перечисленных стран. В 1945 г. часть военнопленных из системы ГУПВИ НКВД СССР были переданы в ведение НКО СССР для использования на хозяйственных работах. На начало 1946 г. в строительстве и на хозяйственных работах были заняты контингенты 146 ОРБ, в которых содержалось 142,6 тыс. военнопленных западных национальностей, и 54 ОРБ, в которых находилось 67,8 тыс. военнопленных японцев. В сентябре 1945 г. в Ташкентской области сформировалось три отдельных рабочих батальона. ОРБ № 400 располагался в пос. Азадбаш, ОРБ № 401 – в районе разъезда № 54, ОРБ № 402 – на окраине г. Ташкент³.

Размещались на территории Узбекской ССР и спецгоспитали для лечения больных и раненых военнопленных и интернированных. Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. № 1798-800 с было принято Положение о военнопленных. Для обслуживания нуждающихся в госпитализации больных и раненых военнопленных Наркомздраву СССР и Главному военно-санитарному управлению Красной армии

¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 34, 1028–1039; Orte des Gewahrsans von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 195–198.

² Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 1028–1039; Ministero della Difesa – Commissariato di Onorcaduti, CSIR – ARMIR. Campi di Prigionia e fosse comuni. S. 195–198.

³ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 33, 34, 48; Orte des Gewahrsans von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 276.

поручалось выделить сеть госпиталей¹. В начале 1943 г., после завершения Сталинградской битвы, в связи с массовым поступлением эшелонов с больными, ранеными и истощенными военнопленными встал вопрос о создании в тыловых районах дополнительной сети госпиталей Наркомздрава СССР. В результате на северной окраине г. Коканд был развернут спецгоспиталь № 3670 (1943–1948). Кроме того, в сентябре 1945 г. в условиях массового поступления в Узбекистан военнопленных из состава германской и японской армий в г. Каган был открыт спецгоспиталь № 1529 (21.09.1945–23.05.1949)².

Сложно определить численность находившихся в Узбекистане иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Это связано с перемещением лагерей по территории Республики и за ее пределы, смертностью и репатриацией их контингентов, состоянием делопроизводства в учреждениях для содержания иностранных граждан. Из докладной записки наркома внутренних дел СССР С. Н. Крутлова от 26 февраля 1946 г. следует, что основную часть находившихся в Узбекистане военнопленных составляли японцы. В докладной записке отмечается, что на территории Узбекской ССР было размещено 16 046 пленных из состава японской армии. Немцев по состоянию на 20 февраля 1946 г. было 1455, а венгров – всего 5 человек. Размещались в Узбекистане и пленные из состава итальянской армии. Их численность определить не удалось, однако из опубликованных Министерством обороны Италии данных следует, что итальянские военнопленные содержались в лагерях № 26 и 288. К окончанию Второй мировой войны находившиеся в Андижанском лагере № 26 итальянцы и румыны в основном уже были освобождены. Одновременно на смену убывающим по репатриации военнопленным из состава европейских армий в Узбекистан поступали военнопленные японцы. По состоянию на 20 февраля 1947 г. в Республике насчитывалось уже 23 682 японских военнопленных. Из них в лагерях МВД СССР было учтено 22 530, в госпиталях Минздрава СССР – 546 и в ОРБ МВС СССР – 606. Кроме того, в Узбекской ССР находились еще 443 интернированных японских гражданина³.

Иностранные военнопленные и интернированные в основном были заняты на производстве. Военнопленные работали на строительных и хозяйственных объектах в городах Ангрен, Беговат, Каган, Коканд, Ташкент. Они строили административные здания, жилые дома, заводы, дороги, возводили плотины, протягивали линии электропередач, трудились на предприятиях. С помощью военнопленных в г. Ташкент были сооружены текстильный комбинат, здания Центрального телеграфа и Министерства культуры, театры им. Навои, им. Мукими, а в г. Чирчик – заводы химического и сельскохозяйственного машиностроения. Ими была протянута высоковольтная линия электропередач между городами Беговат и Ташкент, которая и в настоящее время обеспечивает электричеством значительную часть столицы. Крупнейшая в Узбекистане Фархадская ГЭС (как уже отмечалось) также строилась при участии тысяч иностранных военнопленных⁴.

Однако далеко не все военнопленные трудились добросовестно. Судя по документам, нередко были случаи саботажа и даже диверсий. В июле 1946 г. в четвертом

¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 66, 443.

² Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). С. 365; Orte des Gewahrsans von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). S. 362.

³ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 240, 261, 292, 294, 654, 806; Ministero della Difesa – Commissariato di Onorcaduti, CSIR – ARMIR. Campi di Prigionia e fosse comuni. S. 3–10.

⁴ Узбекистан: «Главный архитектор» страны Ислам Каримов стирает память.

отделении лагеря № 288 была раскрыта группа военнопленных японцев в составе 14 человек. Под видом проведения вечеров самодеятельности они устраивали в лагерьном клубе совещания, на которых обсуждали способы борьбы с антифашистским активом. Организатором группы являлся Вкамаото Ясуо. Он использовал свое положение старшего по кухне и готовил для посетителей «вечеров самодеятельности» обеды с целью вовлечения в группу других военнопленных¹. По нашему мнению, сведения о вредительской деятельности военнопленных требуют дополнительного исследования.

Источники содержат и информация о смертности военнопленных и интернированных, хотя эти данные сохранились не по всем лагерям. В настоящее время установлено, что в спецгоспитале № 3670 умерло 709 человек из числа военнопленных и интернированных, в спецгоспитале № 1529 – 222, лагере № 26 – 109, в лагере № 288 – 252, в лагере № 386 – 98, в лагере № 387 – 302².

Кладбище японских интернированных лиц в г. Ташкент

¹ Военнопленные в СССР, 1939–1956. С. 743.

² Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). С. 365, 366.

Установить число, время существования и дислокацию учреждений, в которых содержались в те годы иностранные граждане, достаточно сложно. Причина заключается в плохой сохранности документации, ведомственной разобщенности учреждений, в которых находились иностранные граждане, и недолговечности функционирования многих из них, а также частой смене их места нахождения. Сегодня можно считать установленным, что иностранные военнопленные и интернированные находились в Узбекистане с февраля 1943 г. по май 1949 г., их максимальная численность в начале 1947 г. составляла приблизительно 25 тыс. человек. На территории Республики было развернуто 11 лагерей для военнопленных, в которых насчитывалось 48 лагерных отделений, два спецгоспиталя и три отдельных рабочих батальона. Лагерь для военнопленных и ОРБ размещались прежде всего в промышленных центрах (которые испытывали в те годы высокую потребность в рабочей силе), а также в районе строительства Фархадской ГЭС.

Создание лагерей ГУПВИ НКВД СССР на территории Республики проходило в несколько этапов. С 1943 по 1944 г. прибывали первые эшелоны с военнопленными, и для их содержания был сформирован лагерь № 26. В 1945 г. расширилась и окончательно сложилась система лагерей ГУПВИ НКВД СССР на территории Республики. С середины 1946 до конца 1949 г. лагерная система в Узбекистане постепенно свертывалась, а затем была ликвидирована. За время нахождения в плену на территории Узбекской ССР, по неполным данным, умерло 1692 иностранных военнопленных и интернированных гражданина.

Список литературы

Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien; Munchen, 1995.

Ministero della Difesa – Commissariato di Onorcaduti, CSIR – ARMIR. Campi di Prigionia e fosse comuni. Gaeta, 1996.

Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). Finbuch; Dresden; Kassel; Moskau; Munchen, 2010.

Бекмагамбетов Р. К. Военнопленные на территории Казахстана. Костанай, 2014.

Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941–1953 годов. М., 2005.

Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000.

Волосевич А. В земле Узбекистана осталось лежать 817 японцев – военнопленных времен Второй мировой войны // Фергана: информ. агентство. 2006. 28 авг. URL: <https://www.fergananews.com/articles/4559>.

Джусти М. Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954. СПб., 2010.

Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996.

Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.). Иркутск, 1997.

Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949). Вологда, 2004.

Маркдорф Н. М. Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942–1956 гг. М., 2011.

Места содержания военнопленных вермахта на территории бывшего Советского Союза (1941–1956 гг.). Путеводитель. М.; Дрезден; Бонн; Кассель, 2008.

Мотревич В. П. Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Мотревич В. П. Захоронения иностранных военнопленных Великой Отечественной войны в Кировской области: результаты поисковых и благоустроительных работ // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3.

Мотревич В. П. Эксгумация останков умерших на Урале военнопленных Второй мировой войны: методика проведения и основные результаты // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 4.

Потильчак О. В. Рядянські табори військовополонених в Україні (1939–1954). Київ, 2004.

Тутов А. В. Японские военнопленные в Узбекистане. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka71_Tutov_Yapan_War.html.

Узбекистан: «Главный архитектор» страны Ислам Каримов стирает память // Фергана: информ. агентство. 2015. 27 окт. URL: <https://www.fergananews.com/articles/8747>.

References

Bekmagambetov R. K. Voennoplennyye na territorii Kazakhstana. Kostanai, 2014.

Dzhusti M. T. Ital'yanskii voennoplennyye v SSSR. 1941–1954. SPb., 2010.

Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien; Munchen, 1995.

Konasov V. B. Sud'by nemetskikh voennoplennykh v SSSR. Diplomaticheskie, pravovye i politicheskie aspekty problemy. Ocherki i dokumenty. Vologda, 1996.

Kuz'minykh A. L. Inostrannyye voennoplennyye Vtoroi mirovoi voiny na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949). Vologda, 2004.

Kuznetsov S. I. Yapontsy v sibirskom plenu (1945–1956 gg.). Irkutsk, 1997.

Markdorf N. M. Inostrannyye voennoplennyye, internirovannyye, vlasovtsy, beloemigranty v Zapadnoi Sibiri: 1942–1956 gg. M., 2011.

Mesta sodержaniya voennoplennykh vermakhta na territorii byvshego Sovetskogo Soyuzha (1941–1956 gg.). Putevoditel'. M.; Drezden; Bonn; Kassel', 2008.

Ministero della Difesa – Commissariato di Onorcaduti, CSIR – ARMIR. Campi di Prigionia e fosse comuni. Gaeta, 1996.

Motrevich V. P. Ekskumatsiya ostankov umershikh na Urale voennoplennykh Vtoroi mirovoi voiny: metodika provedeniya i osnovnye rezul'taty // Elektron. pril. k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu». 2016. № 4.

Motrevich V. P. Voennoplennyye // Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya. Ekaterinburg, 1998.

Motrevich V. P. Zakhoroneniya inostrannykh voennoplennykh Velikoi Otechestvennoi voiny v Kirovskoi oblasti: rezul'taty poiskovykh i blagoustroitel'nykh rabot // Elektron. pril. k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu». 2017. № 3.

Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956). Finbuch; Dresden; Kassel; Moskau; Munchen, 2010.

Potil'chak O. V. Ryadyan'ski tabori viiskopolonenikh v Ukraini (1939–1954). Kiiv, 2004.

Tutov A. V. Yaponskie voennoplennyye v Uzbekistane. URL: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka71_Tutov_Yapan_War.html.

Uzbekistan: «Glavnyi arkhitektors» strany Islam Karimov stiraet pamyat' // Fergana: inform. agentstvo. 2015. 27 okt. URL: <https://www.fergananews.com/articles/8747>.

Vengerskie voennoplennyye v SSSR. Dokumenty 1941–1953 godov. M., 2005.

Voennoplennyye v SSSR, 1939–1956. Dokumenty i materialy. M., 2000.

Volosevich A. V zemle Uzbekistana ostalos' lezhat' 817 yaponsev – voennoplennykh vremen Vtoroi mirovoi voiny // Fergana: inform. agentstvo. 2006. 28 avg. URL: <https://www.fergananews.com/articles/4559>.

**НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1918–1934 гг.****Овчинникова Ольга Анатольевна**

Доцент кафедры философии и социологии, директор научной библиотеки
Уральского государственного юридического университета, кандидат философских наук
(Екатеринбург), e-mail: olga-2011_11@mail.ru

Морева Ольга Викторовна

Заведующий сектором «Региональный центр „Книжные памятники Свердловской области“»
отдела редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского,
кандидат исторических наук (Екатеринбург),
e-mail: moreva.o.v@yandex.ru

На основании опубликованных материалов и делопроизводственной документации (кадровые приказы, протоколы, отчетная документация) представлена история становления научной библиотеки Уральского государственного юридического университета в 1918–1934 гг. Авторы рассматривают, как шло формирование фондов библиотеки, решался кадровый вопрос, какую заработную плату получали библиотекари, с какими трудностями им приходилось сталкиваться и как они участвовали в первом социалистическом соревновании среди высших технических учебных заведений и высших учебных заведений в 1933 г.

Ключевые слова: вузовская библиотека, Иркутский государственный университет, Иркутский институт советского права, библиотечные фонды, библиотечные кадры, доходы библиотекарей в 1920–1930-х гг., социалистическое соревнование высших учебных заведений в 1930-х гг.

**THE SCIENTIFIC LIBRARY OF THE URAL STATE LAW UNIVERSITY
IN 1918–1934****Ovchinnikova Ol'ga**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: olga-2011_11@mail.ru

Moreva Ol'ga

Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V. G. Belinsky (Yekaterinburg),
e-mail: moreva.o.v@yandex.ru

Based on the published materials and clerical documents (staff orders, protocols, reports), the article presents the history of formation of the scientific library of the Ural State Law University in 1918–1934. The authors examine how the library stocks were forming, how the staffing matter was being resolved, how much money librarians earned, what challenges they faced and how they participate in the first socialistic competition among higher education institutions in 1933.

Key words: institute scientific library, Irkutsk State University, Irkutsk Institute of Soviet Law, library stocks, library staff, librarians' income in 1920–1930s, socialistic competition among higher education institutions in 1930s

В 2018 г. Уральский государственный юридический университет отметил 100 лет со дня своего основания. Вместе с вузом праздновала эту дату и научная библиотека. Несмотря на то что история крупнейшего юридического высшего учебного заведения изложена в многочисленных монографиях, сборниках и статьях¹, в рассказе о библиотеке есть еще белые пятна. На основании опубликованных материалов и делопроизводственной документации (кадровые приказы, протоколы, отчетная документация и т. п.) попытаемся осветить этап становления библиотеки как структурного подразделения сначала Иркутского государственного университета (в 1918–1920 гг. – юридического факультета, в 1920–1921 гг. – гуманитарного факультета, в 1921–1924 гг. – факультета общественных наук, в 1924–1930 гг. – факультета права и местного хозяйства, в 1930–1931 гг. – факультета советского строительства и права²), а затем Иркутского института советского права (1931–1935), переименованного в августе 1935 г. в Свердловский правовой институт.

Формирование фондов библиотеки Иркутского государственного университета проходило в годы революций, гражданской войны и становления советской власти. С 1918 по 1922 г. работой библиотеки руководила библиотечная комиссия, в которую входили профессора Г. Ю. Маннс, Л. И. Пономарев, А. А. Муравьев. В год организации вуза в различные учебные и культурные заведения Иркутска были направлены письма за подписью первого ректора М. М. Рубинштейна (1878–1953) с просьбой о пожертвовании университету книг³. В условиях «книжного голода» – почти полного отсутствия учебного и научного книгоиздания, книжной торговли – библиотека формировалась благодаря сначала дарам и пожертвованиям частных лиц и общественных организаций, а затем реквизициям и национализированным фондам упраздненных учебных учреждений: мужской гимназии, девичьего института, духовной семинарии и др.

С учетом важности наличия в вузе хорошо укомплектованной библиотеки ее судьба решалась на самом высоком уровне. Так, благодаря руководству Иркутского университета с 1923 г. вузовское книжное собрание стало получать «всесоюзный обязательный экземпляр всех изданий, выходящих на территории всего Союза ССР», приобрело статус фундаментальной библиотеки и по праву считалось «крупнейшим государственным книгохранилищем Союза»⁴.

В 1925 г. библиотечная комиссия прекратила свое существование и передала «бразды правления» первому директору. С 1925 по 1930 г. фундаментальную библиотеку возглавлял Владимир Сергеевич Манассеин (1878–1938), юрист, выпускник Казанского университета, «страстный любитель книг и истории». Эту должность он получил,

¹ См., например: Позан Ю., Мошкович Т. За кадры советских юристов: к пятилетию Свердловского правового института. Свердловск, 1936; Позан Ю., Мошкович Т. Свердловский юридический институт: к приему студентов 1937–38 уч. года. Свердловск, 1937; Казарин В. Н. Становление юридического образования и формирование традиций правовой школы в Иркутском университете, 1918–1931 гг. // Сибир. юрид. вестн. 1999. № 1. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1118066> (дата обращения: 10.07.2018); Зипунникова Н. Н., Кошкина Ю. В., Петрова А. А. Судьба вуза – судьба страны: по страницам архивных документов // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2012. № 4. С. 35–56; Зипунникова Н. Н. Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Там же. 2017. № 5. С. 151–176; Хроника университетского века // Уральский государственный юридический университет: сайт. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=9512> (дата обращения: 10.07.2018) и др.

² Позан Ю., Мошкович Т. За кадры советских юристов. С. 5.

³ История библиотеки // Иркутский государственный университет, Научная библиотека им. В. Г. Распутина: сайт. URL: <http://library.isu.ru/ru/about/history.html> (дата обращения: 10.07.2018).

⁴ ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 21. Л. 23.

выиграв всероссийский (!) конкурс. Значительную роль в победе сыграл тот факт, что В. С. Манассеин занимался краеведческой деятельностью¹, уже опубликовал труды, посвященные образованию университета в Сибири², землетрясениям в Восточной Сибири в XVII и начале XVIII столетий и др.³

Новый период в жизни библиотеки наступил в начале 1930-х гг., когда на основе факультетов университета организовывались самостоятельные институты: медицинский, педагогический, финансово-экономический, горный и т. д. Для каждого института выделялась соответствующая его профилю литература. С этого времени у научной библиотеки Уральского государственного юридического университета началась самостоятельная история.

2 июня 1931 г. на заседании межинститутской комиссии по реорганизации факультета советского строительства и права были приняты следующие решения: провести инвентаризацию библиотеки факультета отдельно по каждому институту; финансирование библиотеки производить пополам; временно все книги оставить в одной библиотеке (общей); для раздела и инвентаризации создать комиссию в составе Т. С. Мошковица, С. В. Шостаковича, Б. Б. Черепяхина; увеличить штат библиотечных работников на два человека⁴.

Согласно приказу от 1 июня 1931 г. после расформирования Иркутского государственного университета на его основе было организовано три самостоятельных вуза: Педагогический институт, Институт советского строительства и Институт советского права; в штат последнего ассистентом был зачислен Т. С. Мошкович⁵. Товий Семенович с 1 марта 1931 г. был назначен заведующим библиотекой факультета советского строительства и права Иркутского государственного университета⁶ и после реорганизации вуза – с 15 сентября 1931 г. – стал заведовать библиотекой Института советского права⁷. Так началась традиция совмещения должности преподавателя вуза и заведующего одним из важнейших его структурных подразделений – научной библиотекой.

О личности и судьбе Т. С. Мошковица (1898–?)⁸ не удалось найти сведений, кроме скудных строк в кадровых приказах. О его профессионализме свидетельствует то, что именно он вместе с Ю. М. Позаном был соавтором двух брошюр, посвященных первым годам деятельности вуза, а также то, что его задачник по криминалистике несколько раз переиздавался и до сих пор востребован преподавателями⁹.

¹ Заметим, что не только краеведением. В фонде Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского хранится брошюра «Общие руководящие указания по устройству современных укрепленных позиций» (Казань, 1917), составителем которой значится «и. д. начальника Штаба инспектора инженерной части Казанского военного округа, капитан В. С. Манассеин». Понятно, что это издание для конкурса на получение должности в советской России указывать не нужно было.

² Манассеин В. С. Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия: проект Магницкого об основании в Сибири отделения Казанского университета // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Иркутск, 1924. Вып. 8: Науки общественно-исторические и педагогические. С. 59–86.

³ Подробнее см.: Соломон Е. III. Владимир Сергеевич Манассеин: награда за работу, «...которая была для меня всего дороже на свете»: моногр. Иркутск, 2013.

⁴ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 21. Л. 26, 26об.

⁵ Там же. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 1об.

⁶ Там же. Д. 2. Л. 12.

⁷ Там же. Д. 1. Л. 15об.

⁸ Год рождения установлен по электронному каталогу Российской национальной библиотеки.

⁹ Мошкович Т. С. Сборник задач по криминалистике. М., 1965; *Его же*. Сборник задач по криминалистике. М., 1973; Методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. пособие по курсу «Основы крими-

Сведения о том, как складывалась карьера Товия Семеновича, можно восстановить по делопроизводственной документации. Так, в протоколе заседания «треугольника института Совправа» от 17 декабря 1931 г. указано, что был заслушан доклад Т. С. Мошковича о работе библиотеки. Текста выступления нет, но, судя по решению, можно реконструировать проблемы, с которыми сталкивался заведующий библиотекой. Так, было решено «принять меры к оборудованию библиотеки и кабинетов мебелью (стеллажи, столы), приборами (физический кабинет Рабфака) и литературой, признав эти работы первоочередными после оборудования столовой»; «обязать заведующих кафедрами и преподавателей два раза в месяц посещать библиотеку, просматривать журнал „Книжная летопись“¹, делать заявки на необходимую литературу для учебных целей»; «увеличить штат библиотеки на одну единицу»; «принимая все необходимые меры для поддержания дисциплины в смысле бережного отношения к книге, своевременной сдачи и т. д., допустить выдачу книг на дом студентам, живущим вне общежитий; студентам, имеющим большую общественную нагрузку, а также на время понижения температуры в читальном зале»; «обеспечить ежедневную связь библиотеки с книжным рынком»; «обязать научных работников извещать библиотеку о необходимой для преподавания литературе»².

Как преподаватель криминалистики Товий Семенович заведовал кабинетом криминалистики, за эту дополнительную нагрузку он получил в июле 1933 г. «оплату в размере 25 % ставки доцента, начиная с 1 января»³. В конце июля того же года доценту Т. С. Мошковичу было предоставлено право на очередной двухмесячный отпуск и еще один месяц отдыха «за неиспользованием путевки, выданной ему... как проработавшему в вузе свыше 3-х лет». Уходил в отпуск Т. С. Мошкович с выплатами «по должности доцента за весь период», а по должности заведующего библиотекой – только за два месяца⁴.

В июле 1933 г. Т. С. Мошкович подал заявление с просьбой «освободить его от работы в институте в связи с нахождением семьи в Москве, а также ввиду расстроенного здоровья и необходимости перемены климата». Заявление было отклонено «ввиду недостаточной укомплектованности преподавательского состава института»⁵ и принято решение удовлетворить просьбу Товия Семеновича «по окончании 1933/1934 учебного года»⁶. По приказу от 25 июля 1933 г. Т. С. Мошкович был освобожден «от должности заведующим библиотекой института по его заявлению с 1 августа 1933 года». В 1933/1934 учебном году Товий Семенович, оставаясь доцентом на кафедре уголовного права, заведовал кабинетом криминалистики, за что получал «оплату в размере 100 руб. в месяц»⁷.

налистики» / С. Г. Любичев, В. Х. Меркурисов, Т. С. Мошкович, И. Ф. Пантелеев; отв. ред. И. Ф. Пантелеев. М., 1982 (вып. дан. 1983).

¹ «Книжная летопись» – государственный библиографический указатель, издаваемый Российской книжной палатой (на основе обязательного бесплатного экземпляра), который информирует о книжных изданиях по всем отраслям знания и практической деятельности и осуществляет первичную библиографическую регистрацию всех новых книг, издаваемых на территории Российской Федерации, а также книг, издаваемых в иностранных государствах по заказу российских издателей. Выходит с 1906 г. (Книга: энциклопедия / гл. ред. В. М. Жарков. М., 1999. С. 321).

² ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 1а. Л. 8.

³ Там же. Оп. 1-л. Д. 3. Л. 33об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Оп. 1-л. Д. 3. Л. 128об.

Новым заведующим библиотекой был назначен доцент А. И. Виноградов¹. Александр Иванович читал такие дисциплины, как «Статистика», «Экономика и планирование производства в исправительно-трудовых учреждениях», «Основы теории учета и статистики» – всего 394 часа учебной нагрузки (для сравнения у директора института нагрузка составляла 184 часа)².

В кадровых документах почти всегда указывался размер зарплаты, получаемой сотрудниками библиотеки института. Летом 1931 г. была установлена новая тарифная система, отменявшая существовавшую в период военного коммунизма «уравниловку» в заработной плате. В результате возросла разница между доходами рабочих и представителей аппарата управления, администрации предприятий: последние получали в 8–13 раз больше, чем рабочие, кроме того, им полагались привилегии при распределении дефицитных товаров и услуг. Средняя заработная плата рабочего в середине 1930-х гг. равнялась 150–200 руб.³

Приказы, касающиеся заработной платы сотрудников, позволяют судить о финансовом содержании библиотекарей. Так, с 1 октября 1931 г. заведующий библиотекой получал 150 руб., помощник библиотекаря – 85 руб.⁴ Для сравнения оклад заместителя директора института составлял 250 руб., аспирантская стипендия – 175 руб., студенческая – 50 руб., оклад машинистки – 75 руб., конюха – 50 руб., рассыльной и уборщицы – по 45 руб.⁵ В марте 1932 г. тарифная ставка для заведующего библиотекой была увеличена до 200 руб., библиотекаря II разряда – до 120 руб., помощника библиотекаря – до 100 руб.⁶ Из 16 сотрудников канцелярии и технического персонала библиотекари по объему должностного оклада были на втором (заведующий библиотекой) и пятом местах после бухгалтера (320 руб.), счетовода (125 руб.), завхоза (175 руб.), секретаря (130 руб.)⁷.

В 1933 г. штат библиотеки был увеличен до четырех человек и повышена заработная плата⁸. В октябре 1934 г. на должность библиотекаря с месячным испытательным сроком были зачислены Е. Троицкая и А. Д. Антипова (?); им был установлен оклад 160 руб. в месяц⁹ (оклад секретаря курсов по подготовке составлял 175 руб., машинистки – 250 руб., уборщицы – 60 руб.)¹⁰.

Указанные суммы не дают представления об уровне дохода иркутян в начале 1930-х гг. Для этого требуется сопоставление зарплаты с розничными ценами на основные продукты питания и промышленные товары. В 1931 г. газеты сообщили, что, «согласно Постановлению комитета цен при Совете труда и обороны, снижаются цены на товары в коммерческих магазинах в среднем на 30 %»¹¹.

Сделаем небольшое отступление, чтобы объяснить суть произошедших перемен в ценообразовании и уровне жизни советских граждан.

¹ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1-л. Д. 3. Л. 33.

² Там же. Л. 65, 72, 103об.

³ Тимошина Т. М. Экономическая история России: учеб. пособие / под ред. М. Н. Чепурина. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 274.

⁴ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1-л. Д. 2. Л. 33.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 60б.–110б.

⁶ Там же. Л. 50.

⁷ Там же. Л. 50.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 44, 44об.

⁹ Там же. Л. 129.

¹⁰ Там же. Л. 112.

¹¹ О снижении цен на товары // Большевик: орган Режевского Райкома ВКП(б), Райисполкома и Райпрофсовета. 1931. 7 нояб. С. 4.

До октября 1935 г. существовала система карточек на хлеб, муку и крупу, а также непродовольственные товары. Одновременно с отменой карточной системы были ликвидированы нормированные и коммерческие цены и введены единые цены на промышленные и продовольственные товары. Единые цены были значительно выше прежних нормированных, по которым люди платили за продукты по карточкам. Так, если в 1933 г. нормированная цена за 1 кг хлеба была 60 коп., а коммерческая – 3 руб., то единая цена стала 1 руб. Цена сахара соответственно была 2 и 10 руб., а стала 4 руб. и т. д. Экономисты подсчитали, что среднемесячная заработная плата рабочего в 1913 г. позволяла купить 333 кг черного хлеба, или 21 кг масла, или 53 кг мяса, или 83 кг сахара. В 1936 г. рабочий мог купить на свою среднемесячную заработную плату гораздо меньше продуктов: 241 кг хлеба, или 13 кг масла, или 19 кг мяса, или 56 кг сахара. В годы нэпа рабочие тратили на питание примерно 50 % своей заработной платы, а в 1935 г. – 67,3 %¹.

Кадровые приказы знакомят с ситуацией текучести библиотечных кадров, которая наблюдалась на протяжении всего периода становления нового вуза. Приведем лишь некоторые примеры: помощник библиотекаря Г. П. Белькович работал с 13 августа по 16 декабря 1931 г.² (4 месяца); младший помощник библиотекаря М. Н. Кофман – с 10 июня по 28 ноября 1932 г.³ (5 месяцев); Тимофеева – с 8 февраля по 13 сентября 1933 г.⁴ (7 месяцев); Первушина – с 7 сентября 1933 г. по 7 января 1934 г.⁵ (4 месяца); М. Добровольская – с 23 сентября 1933 г. по 19 февраля 1934 г.⁶ (5 месяцев); библиотекарь-экспедитор заочного сектора Г. М. Секорина – с 23 марта по 1 июня 1934 г.⁷ (2 месяца); Д. А. Терентьева – с 16 по 17 октября 1934 г. (уволена из-за невыхода на работу на следующий же день)⁸.

Во многом такая ситуация объясняется не только низкой заработной платой, но и тяжелыми условиями труда и большой нагрузкой. Так, видимо, из-за нехватки аудиторий в 1932 г. занятия проходили «в библиотеке института с 9:30 до 16:00 с включением получасового перерыва»⁹. В это время библиотекари занимались внутренней работой (постановка на учет, обработка книг и их кодификация, подготовка выставок-передвижек и т. д.). Масштабы этой работы можно оценить, знакомясь с отчетной документацией. В 1931/1932 учебном году в библиотеке общее число книг составляло 9517 «корешков». В штат библиотеки входило пять человек: заведующий, библиотекарь I разряда, помощник библиотекаря и два младших помощника библиотекаря. На 1932 г. было выписано 131 наименование журналов и 14 газет на общую сумму 2155 руб. 55 коп.¹⁰

После 16:00 начиналось обслуживание читателей «в читальном зале до часа ночи»¹¹. Работать приходилось в неприспособленных и плохо отапливаемых помещениях. В планах работы Института советского права на 1932 г. по административно-

¹ Тимошина Т. М. Указ. соч. С. 278.

² ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 10об., 11, 32об.

³ Там же. Л. 56об., 78об.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 60б., 46.

⁵ Там же. Л. 46, 73об.

⁶ Там же. Л. 46 об., 78об.

⁷ Там же. Л. 91, 99об.

⁸ Там же. Л. 126, 127.

⁹ Там же. Д. 1. Л. 76.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 11, 11об.

¹¹ Там же. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 78об.

хозяйственной части среди «распила дров» и «регулировки вопроса с кипятком» был пункт, касающийся библиотеки: «Заключить договор с Фундаментальной библиотекой (2000 руб. в год с уплатой в 4 срока)»¹.

Библиотекари занимались переплетом книг, газет и журналов. В приказе от 15 декабря 1933 г. кроме поручения Якуниной «переплести книги из библиотеки за время каникул»² нет сведений о дополнительной оплате этой работы. Также нет указания о какой-либо доплате библиотекарям, которые стали выполнять работу уволенного «кодификатора»: «В связи с расширением штата институтской библиотеки и за ненадобностью в кодификаторе с тов. Захарова снять доплату из средств института Советского права»³.

Не способствовала рабочему энтузиазму и критика со стороны руководства. Так, на одном из заседаний в январе 1934 г. было отмечено, что «не перестроена работа библиотеки в направлении активизации ее деятельности и продвижения книги к студенту»⁴. В мае 1934 г. в Иркутском институте советского права состоялась конференция по научно-исследовательской работе, в ее резолюции отмечалось, что «фундаментальная библиотека [не] (предлог «не», судя по контексту, пропущен. – О. О., О. М.) отвечает потребностям научной работы – отсутствует учебное помещение для занятий в библиотеке, не налажена библиографическая работа применительно к требованиям научных работников; имеется острый недостаток иностранной литературы»⁵.

Таким образом, в качестве «бонуса» у сотрудников библиотеки был лишь летний отпуск «сроком с 16 июня по 15 августа включительно с сохранением содержания»⁶.

И все же одна из сотрудниц библиотеки вуза не только выдержала все испытания, но и переехала вместе с институтом и библиотечным фондом из Иркутска в Свердловск. Это Нина Григорьевна Держинская, которая начала работу в должности помощника библиотекаря 10 февраля 1932 г.⁷ Согласно приказу от 1 августа 1934 г. Н. Г. Держинская должна была «явиться к месту постоянной работы в г. Свердловск к 20 августа в связи с необходимостью организации учебной библиотеки к началу учебного года»⁸.

Если для истории вуза важно, какие кафедры обеспечивали учебный процесс, то для истории библиотеки – какие дисциплины изучались. Поэтому перечислим учебные дисциплины, по которым можно судить о профиле комплектования институтского книжного собрания: «Политэкономия», «Экономполитика», «Экономика и организация промышленного производства», «Экономика и организация сельскохозяйственного производства», «Теория учета и статистики», «Диамат и истмат», «Ленинизм», «Уголовное право», «Уголовный процесс», «Криминалистика», «Уголовная статистика», «Судебная медицина», «Судебная психиатрия», «Совхозное право», «Аграрное право», «Трудовое право», «Гражданский процесс», «История государственных форм и систем права», «Государственное устройство СССР и Союзных республик», «Государственное устройство буржуазных стран», «Основы международного

¹ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 23. Л. 19.

² Там же. Д. 2. Л. 40об.

³ Там же. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 48об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 13об.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 31.

⁶ Там же. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 60об., 61.

⁷ Там же. Д. 1. Л. 40об.

⁸ Там же. Д. 3. Л. 111.

публичного и частного права», «Административная работа в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ)», «Политвоспитательная работа в ИТУ», «Медико-санитарная работа в ИТУ», «Основы педагогики», «Производственные работы в ИТУ и их планирование», военные дисциплины, немецкий и русский языки¹.

Для становления библиотеки имели значение методы преподавания, в связи с чем нужно упомянуть об учебно-производственном совещании Сибирского института советского права, которое прошло 30 июня 1931 г. Приведем выдержку из выступления заведующего кафедрой хозяйственного права, преподавателя курсов «Теория права», «Азбука советского права», «Хозяйственное право» профессора Ивана Александровича Антропова²: «Студент должен быть активным субъектом проведения лабораторного метода, он должен овладевать не только марксистско-ленинской книгой, но и практикой массовой борьбы, поэтому правый уклон будет в том, если преподаватель восстает против усиления непрерывной производственной практики (НПП) или дает в лекции не методологию установки, а загружает ее фактическим материалом. Левый загиб заключается в проведении стихийного воспитания, отказа от организующей роли преподавательского состава. Лабораторная система нуждается в материальных предпосылках. Но с этой точки зрения надо одобрить уничтожение кабинетов и создание единой библиотеки-читальни. Но кроме читального зала нужны еще и кабинеты... где преподаватели могут осуществлять свое руководство на конференции. Кабинеты должны быть не книгохранилищами, а лабораториями научной и учебной работы, снабженными передвижками из основной библиотеки»³. Помощник директора Александр Филиппович Клейман в свою очередь отмечал: «Сомневаюсь в целесообразности заведения отдельных кабинетов по отдельным дисциплинам, так как обслуживание их преподавательским составом едва ли [будет] удовлетвор[ительно]ены»⁴.

В 1930-х гг. страна жила в условиях соревнований. Широко известны факты производственных побед и успехов. Но не только на стройках, заводах и колхозах боролись за высокие показатели и перевыполняли план – социалистическое соревнование с 1933 г.⁵ проходило и среди высших технических учебных заведений (втузы) и высших учебных заведений (вузы)⁶. Соцсоревнование было способом организации повседневной жизни советских вузов⁷.

Так, отчет о работе Сибирского института советского права за 1932/1933 учебный год был составлен как «годовой отчет по социалистическому соревнованию

¹ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1-л. Д. 3. Л. 114об., 115.

² Там же. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

³ Там же. Д. 1. Л. 4, 4об.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Ямский А. Лучший ВТУЗ Советского Союза. М., 1934. С. 4.

⁶ В условиях соцсоревнований вуз продолжал жить и в конце 1930-х гг., «когда стахановское движение, выросшее на незыблемой основе общественной, социалистической собственности, новой техники и сталинской заботы о кадрах, охватило все без исключения области народно-хозяйственной жизни СССР» (Позан Ю., Мошковиц Т. За кадры советских юристов. С. 8).

⁷ См., например: Курасов С. А. Социалистическое соревнование как способ организации повседневной жизни советских вузов (на материалах Владимирской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 3. Ч. III. С. 96–100; Зверев Р. Ю. Социалистическое соревнование в советском вузе на довоенном этапе развития СССР (1929–1941 гг.): основные направления и показатели деятельности // Наука. Мысль: электрон. период. журн. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialisticheskoe-sorevnovanie-v-sovetskom-vuze-na-dovoenom-etape-razvitiya-sssr-1929-1941-gg-osnovnye-napravleniya-i-pokazateli> (дата обращения: 30.08.2018).

ВТУЗов и ВУЗов»¹. Согласно этому документу в институте было пять кафедр по политэкономии, учению о праве и государстве, хозяйственному праву, уголовной политике и судебному процессу². Студенты обучались на двух отделениях: судебно-прокурорско-следственном и исправительно-трудовом, получая специальности «судей, следователей, прокуроров, инспекторов краевых управлений, исправительно-трудовых учреждений, начальников и помощников начальников колоний, начальников отделений исправительно-трудовых работ»³. Всего в 1932/1933 учебном году в институте обучалось 203 человека (из них – 140 студентов мужского пола и 63 женского)⁴. Институт располагался по адресу: г. Иркутск, ул. Желябова, д. 4, корпус 16⁵. Библиотека и читальный зал находились на первом этаже вместе с дирекцией и канцелярией⁶.

Для отчета по соцсоревнованию о библиотеке сообщалось, что «нет данных по оборачиваемости книг» и «статистики по посещаемости читального зала», не работают передвижки, так как «библиотека находится в том же здании, что общежитие, и книги даются студентам на ночь, на время, когда библиотека закрывается с 9 вечера до 9 утра»⁷. Из достижений вузовской библиотеки было указано: «В первые 6 месяцев 1933 года было приобретено 796 экземпляров книг по специальности и 232 (!) – беллетристики»⁸. Значительное число изданий художественной литературы, закупленных для вузовской библиотеки юридического института, по нашему мнению, можно объяснить идеологической ролью, которую выполняла советская проза и поэзия в 1930-е гг.⁹ Кроме книг библиотека получала 80 названий периодической литературы и закупила незначительное количество географических карт¹⁰. В кабинете марксизма-ленинизма «систематически проводились» выставки новинок литературы¹¹, в читальном зале было организовано 12 тематических выставок¹². Ежедневно библиотеку посещало 200–250 человек¹³.

Из отчета, подготовленного для Народного комиссариата юстиции РСФСР¹⁴, в ведение которого находился вуз, узнаем дополнительные сведения о работе библиотеки¹⁵. Библиотека разделялась на «учебную» и «основную» (монографии и отдельные специальные работы). С момента образования Иркутского института советского права (1 июня 1931 г.) ежегодно библиотечный фонд пополнялся книгами и периодикой. Так, в 1931/1932 учебном году на новую литературу и периодику было потрачено 8822 руб. 19 коп. (2262 экземпляра книг и 81 наименование периодики). Библиоте-

¹ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–16.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 20. Л. 18.

⁷ Там же. Д. 24. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Е. Добренко на громадном фактическом материале (периодика, социологические, книговедческие и библиотековедческие работы) показывает, как государственный аппарат в 1920–1930-е гг. планомерно формировал вкусы советского читателя благодаря художественным текстам (*Добренко Е.* Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997).

¹⁰ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 24. Л. 12, 12об.

¹¹ Там же. Л. 8об.

¹² Там же. Л. 12, 12об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 17–40с об.

¹⁵ Там же. Л. 39, 39об.

ка была открыта с 9:00 до 21:00, читальный зал вмещал до 100 человек. Читателями были не только студенчество и профессорско-преподавательский состав Иркутского института советского права, но и работники Восточно-Сибирской краевой прокуратуры и суда, студенты факультета рабочей молодежи, Национальной правовой школы, юридических курсов, а также других вузов Иркутска¹. Штат библиотеки состоял из пяти человек², четверо из которых – «вполне квалифицированные библиотечные работники»³. Справочный аппарат библиотеки включал алфавитный и систематический (десятичная библиотечная классификация) каталоги⁴.

В завершение приведем выдержки из брошюр, которые позволяют судить об объеме и значении библиотечной работы Свердловского правового института.

**Позан Ю., Мошкович Т. За кадры советских юристов:
к пятилетию Свердловского правового института. Свердловск, 1936. С. 10–11**

За годы работы Института значительно выросли учебно-вспомогательные учреждения Института: его библиотека и кабинеты.

В данное время при кафедрах Института работают пять кабинетов: кабинет уголовного права и процесса, кабинет гражданского и хозяйственного права, кабинет государства и права, кабинет социально-экономических дисциплин и кабинет военных дисциплин и физкультуры.

При кабинетах имеются свои библиотеки, выписывающие большое количество периодической литературы. Кабинеты систематически пополняются наглядными пособиями и аппаратурой. Рост кабинетов может быть охарактеризован следующими данными: кабинет, гражданского и хозяйственного права до конца осеннего семестра 1935/36 года совсем не имел наглядных пособий. Сейчас он изготовил 87 диаграмм и схем, представляющих собой необходимый иллюстративный материал для учебных занятий. Если в 1934/35 уч. году кабинет получал из библиотеки Института на правах передвижки всего лишь 3 газеты и 10 журналов, то в текущем учебном году: количество идущей непосредственно в адрес кабинета периодической литературы достигает 35 названий журналов и 17 названий газет.

Кабинет уголовного права и процесса еще недавно располагал всего лишь 57 наглядными пособиями. Сейчас это количество значительно возросло за счет вновь приобретенного иллюстративного материала по всем дисциплинам, входящим в кафедру уголовного права и процесса.

Кроме того, приступлено к организации музея криминалистики, экспонаты которого используются при чтении курса техники и методики расследования преступлений.

Наряду с получением специальной литературы кабинетом выписывается ряд журналов и газет.

Значительный рост показывает Кабинет военных дисциплин, а также вновь созданные кабинеты государства и права и социально-экономических наук.

Отдельными кабинетами ведется библиографическая работа и работа по составлению каталогов книг, альбомов, газетных вырезок и картотек законодательного материала.

¹ ГАСО. Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

² Там же.

³ Там же. Л. 39, 39об.

⁴ Там же. Л. 43.

**Позан Ю., Мошкович Т. Свердловский юридический институт:
к приему студентов 1937–38 уч. года. Свердловск, 1937. С. 11**

Библиотека Института, начав свою работу с небольшого количества: книг (около 9000 томов), в настоящий момент значительно увеличилась. Следующие данные характеризуют ее рост.

В 1935/36 уч. году по инвентарю библиотеки значилось книг 35 000 томов, в том числе, 2500 томов художественной литературы и 2000 томов монографий. В текущем году, по состоянию на 15 мая, библиотека засчитывает свыше 37 000 томов, из них художественной литературы 3500 томов, монографий 2000. Значительно пополнился отдел периодики, насчитывающий 150 названий различных журналов с общим количеством корешков в 35 000 экземпляров, против 30 000 в прошлом году.

Таким образом, общее количество книг, включая периодическую литературу, составляет 62 000. В 1937 году библиотека выписывает 89 названий журналов и 23 названия газет.

Увеличивающиеся с каждым годом ассигнования на учебные расходы позволяют усиливать оборудование кабинетов и библиотеки.

Если в первые годы существования Института в библиотеке отсутствовали, не только отдельные монографии, но и некоторые учебники, а другие имелись лишь в единичных экземплярах, то сейчас количество имеющихся учебных пособий в основном обеспечивает запросы студенчества.

Список литературы

Государственный архив Свердловской области. Ф. 21143-р. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 4об.; Д. 1а. Л. 8.; Д. 2. Л. 40об., 30; Д. 3. Л. 31.; Д. 5. Л. 13об.; Д. 20. Л. 2, 11, 11об., 18; Д. 21. Л. 23, 26, 26об.; Д. 23. Л. 19; Д. 24. Л. 1–16, 17–40с об.; Оп. 1-л. Д. 1. Л. 1об., 6об.–11об., 15об., 32об., 40об., 48об., 50, 56об., 60об., 61, 76, 78об.; Д. 2. Л. 12, 33; Д. 3. Л. 6об., 33, 33об., 44, 44об., 46 об., 65, 72, 73, 78об., 91, 99об., 103об., 111, 112, 114об., 115, 126, 127, 128об., 129.

Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.

Зверев Р. Ю. Социалистическое соревнование в советском вузе на довоенном этапе развития СССР (1929–1941 гг.): основные направления и показатели деятельности // Наука. Мысль: электрон. период. журн. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialisticheskoe-sorevnovanie-v-sovetskom-vuze-na-dovoennom-etape-razvitiya-sssr-1929-1941-gg-osnovnye-napravleniya-i-pokazateli>.

Зипунникова Н. Н. Перевод Сибирского института советского права из Иркутска в Свердловск // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 5.

Зипунникова Н. Н., Кошкина Ю. В., Петрова А. А. Судьба вуза – судьба страны: по страницам архивных документов // Электрон. прил. к «Российскому юридическому журналу». 2012. № 4.

История библиотеки // Иркутский государственный университет, Научная библиотека им. В. Г. Распутина: сайт. URL: <http://library.isu.ru/ru/about/history.html>.

Казарин В. Н. Становление юридического образования и формирование традиций правовой школы в Иркутском университете, 1918–1931 гг. // Сибир. юрид. вестн. 1999. № 1. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1118066>.

Книга: энциклопедия / гл. ред. В. М. Жарков. М., 1999.

Курасов С. А. Социалистическое соревнование как способ организации повседневной жизни советских вузов (на материалах Владимирской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 3. Ч. III.

Манассеин В. С. Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия: проект Магницкого об основании в Сибири отделения Казанского университета // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Иркутск, 1924. Вып. 8: Науки общественно-исторические и педагогические.

Методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. пособие по курсу «Основы криминалистики» / С. Г. Любичев, В. Х. Меркурисов, Т. С. Мошкович, И. Ф. Пантелеев; отв. ред. И. Ф. Пантелеев. М., 1982 (вып. дан. 1983).

Мошкович Т. С. Сборник задач по криминалистике. М., 1965.

Мошкович Т. С. Сборник задач по криминалистике. М., 1973.

О снижении цен на товары // Большевик: орган Режевского Райкома ВКП(б), Райисполкома и Райпрофсовета. 1931. 7 нояб.

Позан Ю., Мошкович Т. За кадры советских юристов: к пятилетию Свердловского правового института. Свердловск, 1936.

Позан Ю., Мошкович Т. Свердловский юридический институт: к приему студентов 1937–38 уч. года. Свердловск, 1937.

Соломон Е. III. Владимир Сергеевич Манасеин: награда за работу, «...которая была для меня всего дороже на свете»: моногр. Иркутск, 2013.

Тимошина Т. М. Экономическая история России: учеб. пособие / под ред. М. Н. Чепурина. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

Хроника университетского века // Уральский государственный юридический университет: сайт. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=9512>.

Ямский А. Лучший ВТУЗ Советского Союза. М., 1934.

References

Dobrenko E. Formovka sovetskogo chitatel'ya: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury. SPb., 1997.

Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti. F. 21143-r. Op. 1. D. 1. L. 4, 4ob.; D. 1a. L. 8.; D. 2. L. 40ob., 30; D. 3. L. 31.; D. 5. L. 13ob.; D. 20. L. 2, 11, 11ob., 18; D. 21. L. 23, 26, 26ob.; D. 23. L. 19; D. 24. L. 1, 2, 4, 8, 8ob., 12, 12ob., 17–40s ob., 39, 39ob., 43; Op. 1-l. D. 1. L. 1ob., 6ob.–11ob., 15ob., 32ob., 40ob., 48ob., 50, 56ob., 60ob., 61, 76, 78ob.; D. 2. L. 12, 33; D. 3. L. 6ob., 33, 33ob., 44, 44ob., 46 ob., 65, 72, 73, 78ob., 91, 99ob., 103ob., 111, 112, 114ob., 115, 126, 127, 128ob., 129.

Istoriya biblioteki // Irkutskii gosudarstvennyi universitet, Nauchnaya biblioteka im. V. G. Rasputina: sait. URL: <http://library.isu.ru/ru/about/history.html>.

Kazarin V. N. Stanovlenie yuridicheskogo obrazovaniya i formirovanie traditsii pravovoi shkoly v Irkutskom universitete, 1918–1931 gg. // Sibir. yurid. vestn. 1999. № 1. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1118066>.

Khronika universitetskogo veka // Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet: sait. URL: <http://www.usla.ru/ch.php?mid=403&cid=139&obid=9512>.

Kniga: entsiklopediya / gl. red. V. M. Zharkov. M., 1999.

Kurasov S. A. Sotsialisticheskoe sorevnovanie kak sposob organizatsii povsednevnoi zhizni sovetskikh vuzov (na materialakh Vladimirovskoi oblasti) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2015. № 3. Ch. III.

Manassein V. S. Vozniknovenie i razvitie idei uchrezhdeniya Sibirskogo universiteta v svyazi s istoriei prosveshcheniya v Sibiri v pervoi chetverti XIX stoletiya: proekt Magnitskogo ob osnovanii v Sibiri otdeleniya Kazanskogo universiteta // Sbornik trudov Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta. Irkutsk, 1924. Vyp. 8: Nauki obshchestvenno-istoricheskie i pedagogicheskie.

Metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii: ucheb. posobie po kursu «Osnovy kriminalistiki» / S. G. Lyubichev, V. Kh. Merkurisov, T. S. Moshkovich, I. F. Panteleev; отв. ред. I. F. Panteleev. М., 1982 (vyp. дан. 1983).

Moshkovich T. S. Sbornik zadach po kriminalistike. М., 1965.

Moshkovich T. S. Sbornik zadach po kriminalistike. М., 1973.

О снижении цен на товары // Bol'shevik: organ Rezhevskogo Raikoma VKP(b), Raiispolkoma i Raiiprofsoвета. 1931. 7 noyab.

Pozan Yu., Moshkovich T. Sverdlovskii yuridicheskii institut: k priemu studentov 1937–38 uch. goda. Sverdlovsk, 1937.

Pozan Yu., Moshkovich T. Za kadry sovetskikh yuristov: k pyatiletiyu Sverdlovskogo pravovogo instituta. Sverdlovsk, 1936.

Solomon E. Sh. Vladimir Sergeevich Manassein: nagrada za rabotu, «...kotoraya byla dlya menya vsego dorozhe na svete»: monogr. Irkutsk, 2013.

Timoshina T. M. Ekonomicheskaya istoriya Rossii: ucheb. posobie / pod red. M. N. Chepurina. 15-e izd., pererab. i dop. M., 2009.

Yamskii A. Luchshii VTUZ Sovetskogo Soyuz. M., 1934.

Zipunnikova N. N. Perevod Sibirskogo instituta sovetskogo prava iz Irkutsk v Sverdlovsk // Elektron. pril. k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2017. № 5.

Zipunnikova N. N., Koshkina Yu. V., Petrova A. A. Sud'ba vuza – sud'ba strany: po stranitsam arkhivnykh dokumentov // Elektron. pril. k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2012. № 4.

Zverev R. Yu. Sotsialisticheskoe sorevnovanie v sovetskom vuze na dovoennom etape razvitiya SSSR (1929–1941 gg.): osnovnye napravleniya i pokazateli deyatel'nosti // Nauka. Mysl': elektron. period. zhurn. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialisticheskoe-sorevnovanie-v-sovetskom-vuze-na-dovoennom-etape-razvitiya-sssr-1929-1941-gg-osnovnye-napravleniya-i-pokazateli>.

**КОНСТИТУЦИЯ РСФСР 1918 г.:
ПЕРВЫЙ ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ****Смыкалин Александр Сергеевич**

Заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
e-mail: igp@usla.ru

Статья посвящена первой конституции Советского государства – Конституции РСФСР 1918 г. Освещаются проблемы, возникшие при разработке Основного закона. Автор детально рассматривает нормы Конституции РСФСР 1918 г., касающиеся взаимоотношений советской власти и церкви, положения интеллигенции в советской России, особенностей избирательной системы. Отмечается неразработанность прав и обязанностей советских граждан в первой Конституции.

Ключевые слова: Конституция РСФСР 1918 г., избирательная система, взаимоотношения РКП(б) и Русской Православной Церкви, политические партии

**THE RSFSR CONSTITUTION OF 1918:
THE FIRST EXPERIENCE OF THE LEGALIZATION
OF THE SOVIET STATE SYSTEM OF GOVERNMENT****Smykalin Aleksandr**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: igp@usla.ru

The article is devoted to the first Constitution of the Soviet state – the RSFSR Constitution of 1918. The problems that arose during the development of the Constitution are highlighted. The author analyzes in detail the Constitution rules concerning the relations between Soviet authorities and the Church, the status of intellectuals in Soviet Russia, and peculiarities of the election system. It is mentioned that, in the first Constitution, the rights and duties of Soviet citizens were not developed well.

Key words: RSFSR Constitution of 1918, election system, relations between the RCP(b) and the Russian Orthodox Church, political parties

Государственный переворот, произведенный большевиками в октябре 1917 г., создание нового типа государства – социалистического – потребовали законодательного закрепления новых целей, задач, принципов развития бесклассового общества. И в этом представляется всемирно-историческое значение Конституции РСФСР 1918 г.¹

Большое значение придавалось пропаганде идей, заложенных в этой Конституции. Расчет был прежде всего на многомиллионные массы трудящихся всего мира. В. И. Ленин говорил, что Конституция «имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравится, чем „западноевропейская“ и американ-

¹ СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

ская конституция буржуазно-„демократических“ государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал...»¹.

Историография проблемы довольно обширная. В 1918 г. вышла в свет брошюра Н. К. Крупской, которая так и называлась – «Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Эта работа представляла собой комментарии Конституции и была рассчитана на широкие массы трудящихся, поэтому текст был изложен в максимально доступной форме. Аналогичные цели преследовала брошюра Н. Глебова, тоже построенная в форме постатейного комментария². В 1919 г. вышел в свет комментарий Е. Энгеля «Конституция Российской Социалистической Федеративной Республики». В 1918–1921 гг. в журналах появлялись статьи, посвященные отдельным вопросам, урегулированным Конституцией. В юридических вузах страны начал преподаваться курс «Основы Советской Конституции»³.

Первым большим исследованием, посвященным Конституции РСФСР 1918 г., стала монография Г. С. Гурвича «История Советской Конституции» (М., 1923). Основное внимание в ней уделено работе Конституционной комиссии ВЦИК и различным проектам Конституции⁴. Одной из первых работ, отразивших ожесточенную идеологическую борьбу, в условиях которой рождалась советская Конституция, является статья А. Королева «Конституция 1918 г. и борьба с левыми эсерами»⁵.

В 1930–1940-е гг. в центральных юридических и исторических журналах неоднократно поднимался вопрос о конституционном развитии страны. Конец 1940-х гг. был ознаменован появлением крупных монографий по истории и разработке Конституции РСФСР 1918 г. Таким фундаментальным трудом является книга С. Л. Ронина «Первая советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.)» (М., 1948). В ней обстоятельно рассматривается работа Конституционной комиссии ВЦИК и соответствующих подкомиссий. Годом позже вышла большая работа Д. Чугаева «Первая Конституция Советского государства» (М., 1949).

Настольной книгой по истории конституционного развития нашей страны для многих поколений студентов-юристов стала монография О. И. Чистякова⁶.

По мнению О. И. Чистякова, «поводом к постановке вопроса об Основном Законе явился конфликт с Совнаркомом Московской области. Еще до Октябрьской революции в стране возникли областные объединения Советов, охватывающие несколько губерний, составляющих определенный экономический район. Наиболее прочными из них явились Московское, Северное, Западное, Уральское объединения. После революции практика советского строительства узаконила существование этих областей. Однако уже скоро выяснилось, что областные объединения становятся лишним промежуточным звеном между губерниями и всероссийскими органами, оплотами местничества. Особо быстро это проявилось в отношении Московской области. В ней, как и в других областях, были созданы органы, копирующие все российские, в том числе Совнарком, наркоматы. С переездом Советского правительства в Москву

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 114.

² Глебов Н. Наш Основной Закон. Разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918.

³ Рейснер М. А. Основы Советской Конституции. М., 1920; Гурвич Г. С. Основы Советской Конституции. Смоленск, 1921.

⁴ Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984. С. 4.

⁵ Борьба классов. 1936. № 9.

⁶ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 5.

в ней оказалось два Совнаркома – всероссийский и областной, причем последний стал в какой-то мере соперничать с первым. Такое положение было нетерпимым, и 30 марта 1918 г. Центральный Комитет РКП(б) специально обсудил вопрос о взаимоотношениях Совета народных комиссаров РСФСР с Совнаркомом Московской области. ЦК решил упразднить областной Совнарком „с его функциями и районом деятельности“.

Но обсуждение вопроса показало, что данный конфликт не является частным случаем. Становилось ясно, что система Советов, складывавшаяся снизу, требует определенной систематизации, упорядочения. Это побудило ЦК из частного вопроса сделать широкие, далеко идущие выводы. В том же решении о ликвидации Совнаркома Московской области был поставлен вопрос о создании Советской Конституции, призванной решить общие проблемы управления государством. Центральный Комитет поручил Я. М. Свердлову провести через ВЦИК организацию комиссии для разработки Основного Закона»¹.

Была определена комиссия ВЦИК в следующем составе: от большевиков – М. Н. Покровский, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, от левых эсеров – Д. А. Магеровский и А. А. Шрейдер, от максималистов (с правом совещательного голоса) – А. И. Бердников. От наркоматов в комиссию были включены В. А. Аванесов, М. А. Рейснер, Д. П. Боголепов, Э. М. Склянский, Н. И. Бухарин, М. И. Лацис². Поскольку в комиссии были представлены различные политические партии, в ходе обсуждения проектов велись ожесточенные споры. Комиссия продуктивно работала весь апрель 1918 г. Ее заседания состоялись 5, 10, 12 и 19 апреля, на них рассматривались доклады о будущем государственном устройстве социалистического государства.

10 апреля свой доклад сделал М. А. Рейснер, представитель Наркомата юстиции РСФСР. На том же заседании Д. А. Магеровский внес предложение обсудить проект конституции, составленный приват-доцентом П. П. Ренгартеном, не имевшим отношения к комиссии. Председательствующий отвел это предложение как «совершенно невозможное». 12 апреля И. В. Сталин сделал доклад, в котором раскритиковал проект М. А. Рейснера.

19 апреля на голосование было поставлено два проекта общих положений конституции: проект, подготовленный на основе доклада И. В. Сталина, и проект М. А. Рейснера. Большинством голосов (5 против 3) был принят проект И. В. Сталина, составивший впоследствии ст. 9–11 Конституции. Окончательная редакция проекта общих положений заметно отличалась от первоначальной, поскольку при постатейном обсуждении в него была внесена масса исправлений. По существу, этот текст стал результатом коллективного творчества комиссии.

На том же заседании были созданы три подкомиссии, которым было поручено разработать конкретные разделы Конституции³.

С 20 апреля до конца июня 1918 г. состоялось восемь заседаний комиссии. Комиссия отклонила проект левых эсеров «Учреждение Советов», посвященный организации местных органов власти. Были отклонены также предложения, предусматривающие упразднение Совнаркома и наркоматов с передачей функций последних отделам ВЦИК.

¹ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 21.

² Чугаев Д. Первая Конституция Советского государства. М., 1949. С. 103.

³ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 23.

Как уже отмечалось, представители разных политических партий социалистического толка в ходе заседаний комиссии высказывали различные точки зрения, в том числе, на будущее государственное устройство РСФСР.

Казалось бы, учитывая многонациональное население страны, наиболее удачной формой государственного устройства России могла стать только федерация. Но к этому решению большевики пришли не сразу. Дело в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс относились к федерации отрицательно. Они считали федерацию допустимой в случае, если она будет шагом от раздробленности к централизму или если она будет способствовать разрешению национального вопроса¹. Интересно, что и В. И. Ленин до февраля 1917 г. считал лучшей формой государственного устройства унитарное государство. Но позднее он пересмотрел этот тезис и допустил возможность федеративного устройства социалистической России². Впоследствии данное положение было закреплено в ст. 2 Конституции РСФСР 1918 г.: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза наций, как федерация советских национальных республик».

Естественно, сразу же возник вопрос о сохранении или уничтожении дореволюционной системы центрального и местного государственного управления. Еще в 1916 г. В. И. Ленин отмечал, что в буржуазном государстве, подлежащем слоу, нужно различать две разнородные системы органов: угнетательские (полиция, охранка, жандармерия и т. п.) и учетно-регистрационные (почта, телеграфы, банки и т. п.). Первые – карательные органы, армия – подлежат безусловному разрушению. Ко вторым следовало отнестись осторожно, поскольку их возможно было приспособить к выполнению задач социалистического государства.

Детальное рассмотрение статей Конституция РСФСР 1918 г., а их было не так много (90 статей в 17 главах 6 разделов), дает возможность ответить на некоторые вопросы, в частности о положении интеллигенции в советской России, взаимоотношениях большевиков и церкви, правах и обязанностях граждан, особенностях избирательной системы и др.

Анализ ст. 7, 10 Конституции позволяет сделать вывод об отношении советской власти к интеллигенции. Надо помнить, что прошло только восемь месяцев после октябрьского государственного переворота, поэтому «социалистической» интеллигенции, получившей образование в Советском государстве, еще не было, и здесь речь идет о немногочисленной «старой» интеллигенции, лояльно относившейся к новой власти.

Статья 7 делит все общество на трудящихся и эксплуататоров, передавая власть в руки первых и лишая ее вторых. Тем самым в условиях переходного периода интеллигенция не могла быть однородной. С учетом этого прокоммунистические государственоведы считали, что «лучшая часть интеллигенции пошла с революцией, с народом, трудилась на благо рабочих и крестьян (что весьма сомнительно. – А. С.), была, следовательно, трудовой интеллигенцией... Верхушка же интеллигенции, тесно связанная с эксплуататорскими классами... не желающая служить рабочим и крестьянам, враждебная им, должна быть отнесена к эксплуататорам, со всеми вытекающими отсюда последствиями»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 355; Т. 21. С. 425.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 41, 286.

³ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 33.

Принципиальное значение имел вопрос об отношении советской власти к религии. Уже в декабре 1917 г. комиссия в составе А. В. Луначарского, П. И. Стучки, П. А. Красикова, М. А. Рейснера и священника М. Горева-Галкина подготовила проект декрета об отделении церкви от государства. В. И. Ленин лично внес в проект существенные дополнения и изменения. Проект декрета был поставлен на всенародное обсуждение, 20 января 1918 г. принят СНК и опубликован под названием «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах». Несколько позже в официальных изданиях он стал именоваться «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹.

Отделение церкви от государства означало, что церковь лишалась государственных функций, в том числе по ведению актов гражданского состояния. Мероприятия церкви теперь не могли проводиться в жизнь и поддерживаться государственной властью. В частности, запрещались все взыскания денежных и иных средств в пользу церкви, а также меры принуждения и наказания со стороны церковных организаций в отношении верующих. Церковь не могла рассчитывать и на материальную поддержку государства. Отныне она рассматривалась как частная организация, объединение частных лиц.

Все эти идеи были кратко и четко закреплены в ст. 13 Конституции РСФСР: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделена от государства и школа от церкви...». Отделяя церковь от государства, советская власть подчеркивала, что она не нуждается в церковной поддержке. Однако население страны практически поголовно было верующим, и с этим фактом необходимо было считаться. Поэтому в Конституции РСФСР 1918 г. была признана свобода как антирелигиозной, так и религиозной пропаганды.

Видный советский юрист П. И. Стучка, бывший во время разработки и принятия Конституции наркомом юстиции, критиковал ст. 13 Основного закона именно за допущение права религиозной пропаганды, полагая, что свободу совести можно обеспечить лишь антирелигиозной пропагандой². Он не учитывал, очевидно, тех политических осложнений, которые в условиях 1918 г. мог вызвать запрет религиозной пропаганды.

Как показывает анализ архивных источников органов государственной безопасности, борьба с религией продолжилась. Задачей органов государственной безопасности было разложение церкви с использованием агентуры и различных течений в религиозных организациях. В письме Ф. Э. Дзержинскому от заведующего секретным отделом ВЧК Т. П. Самсонова от 4 мая 1920 г. прямо говорилось: «До сих пор ВЧК занималось только разложением православной церкви, как наиболее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории Республики имеется еще ряд не менее сильных религий, каков Ислам и пр., где нам тоже придется шаг за шагом внести то же разложение, что и в православной церкви». Секретный отдел ОГПУ внедрял агентуру в среду служителей православной церкви с целью создания внутри нее враждующих группировок. Преследовались религиозные организации, призывавшие не подчиняться «антихристовой власти» («имяславцы», «федоровцы»). Пик борьбы с религией пришелся на конец 1920-х гг.

Изменились не только условия жизни и деятельности священнослужителей в Советском государстве. Изменению подвергся и Основной закон страны. Если в Кон-

¹ СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

² Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 254.

ституции РСФСР 1918 г., а затем в ст. 4 Конституции РСФСР 1925 г. еще говорилось о реализации свободы совести в форме свободы религиозной пропаганды, то в мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов изменил редакцию ст. 4 Конституции. Теперь «в целях обеспечения действительной свободы совести» вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» за всеми гражданами признавалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». Фактически это означало, что всякая религиозная пропаганда вне культовых зданий запрещалась¹.

В конституции любого демократического государства обязательно должен быть раздел об избирательном праве. Не являлась исключением и Конституция РСФСР 1918 г. Уже на первом заседании конституционной комиссии ВЦИК об этом говорил Д. А. Магеровский².

В основе раздела «Избирательное право» лежал проект, подготовленный А. А. Шрейдером. Ключевая идея проекта – классовый принцип избрания Советов, что нашло отражение в ст. 65 Конституции 1918 г., где были перечислены граждане, лишенные избирательных прав. К ним прежде всего относились нетрудовые элементы социалистического общества: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, лица, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.), частные торговцы, торговые коммерческие посредники, духовенство. Избирательных прав лишены были и бывшие служащие полиции, охранки и жандармерии, члены царской фамилии. Кроме того, избирательных прав лишались умалишенные и преступники. Если упоминание последних двух категорий понятно, они характерны для избирательного права большинства государств, то остальные подчеркивали классовый характер Советского государства.

Еще одной важной особенностью избирательного права по Конституции РСФСР 1918 г. был принцип неравенства избирательных прав для городского и сельского населения. Всероссийский съезд Советов составлялся из представителей городских Советов по расчету 1 депутат на 25 тыс. избирателей и представителей губернских съездов Советов по расчету 1 депутат на 125 тыс. жителей (ст. 25). Иными словами, преимущество было за рабочим классом. Это было сделано, очевидно, потому, что в численном отношении пролетариат значительно уступал крестьянству. Россия накануне государственного переворота в октябре 1917 г. была аграрной страной.

Кроме того, устанавливалась многостепенность выборов. Поскольку, как показала практика, в низовое звено местных органов власти проникло много кулаков и сельских предпринимателей (они были наиболее грамотными среди основной массы сельского населения), при проведении выборов на местах использовался «специальный фильтр», чтобы ограничить их попадание в вышестоящие представительные органы. Было закреплено, что прямые выборы производятся только в органы власти населенных пунктов – городов и селений. В волостных органах непосредственное представительство граждан исключалось.

Волостные съезды Советов составлялись из представителей всех сельских Советов волости из расчета 1 депутат на каждые 10 членов Совета (ст. 53). Здесь, таким образом, выборы были двухстепенными. Уездные и районные съезды Советов формировались также сельскими Советами, т. е. здесь выборы тоже были двухстепенными.

¹ Смыкалин А. С. Политические репрессии Советского государства в отношении религии // Исторические чтения на Лубянке. М., 2017. С. 158–159.

² Чистяков О. И. Указ. соч. С. 176.

Но норма представительства исчислялась не по числу членов Совета, а по количеству жителей на территории сельсовета. В уездных съездах Советов могли участвовать и представители Советов небольших городов.

Двухступенные выборы были установлены и для губернских съездов Советов. Но здесь была допустима и третья ступень: если уездный съезд Советов собирался непосредственно перед губернским, то выборы на последний производились на уездном съезде. Не менее трех ступеней нужно было пройти на выборах областных съездов Советов. Они составлялись из представителей городских Советов и уездных съездов Советов, но если непосредственно перед областным съездом происходил губернский, то делегаты избирались на последнем.

Аналогично производились выборы и на Всероссийский съезд Советов: от городов и губерний, но с допущением представительства непосредственно от уездов или, наоборот, от областей (ст. 25). То есть здесь для сельского населения выборы были не менее чем четырехступенные. Для городских избирателей выборы на все съезды Советов были двухступенными.

Следует подчеркнуть, что для многоступенных выборов характерно избрание депутатов депутатами¹.

Вряд ли такую систему выборов можно назвать примером подлинной демократии. Наоборот, она «свидетельствует об открытой дискриминации неугодных групп населения»².

Конституция не фиксировала определенный порядок голосования. В основном голосование было открытым, поднятием руки, хотя в историко-правовой литературе упоминаются и другие, весьма экзотические, формы голосования. Например, американский писатель Джон Рид, очевидец событий, описал одну из них: «Все... кто за эту резолюцию, предложили отойти направо, всем кто против, – налево. Сначала был момент сомнения и как бы выжидания, но затем толпа стала все быстрее и быстрее перекачиваться влево. Сотни дюжин солдат с топотом двигались по грязному, еле освещенному полу, натываясь друг на друга... Около нас осталось не больше 50 человек. Они упрямо стояли за резолюцию, а когда под высокими сводами манежа загредел восторженный клич победы, они повернулись и быстро вышли из здания»³.

Часто выборы проводились прямо в рабочих коллективах. Так, на собраниях рабочих были выбраны депутаты первого в стране Совета – Петроградского, позднее этот способ был использован в Москве⁴. В деревнях выборы проходили на сходках – сельских или волостных⁵.

Наряду с открытым нередко применялось и тайное голосование. Оно могло проводиться записками или шарами⁶. Съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов латгальских уездов Витебской губернии в декабре 1917 г. постановил созвать следующий съезд на основе тайного голосования. «Закрытое» голосование предлагалось и в Положении о выборах в сельские, волостные и губерн-

¹ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 183.

² Пушкарёв Б. С. Две России XX века: 1917–1993. М., 2008. С. 64–65.

³ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 143.

⁴ Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль – июнь 1917 г.). М., 1969. С. 38.

⁵ Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М., 1967. С. 33.

⁶ Чистяков О. И. Указ. соч. С. 174.

ские Советы крестьянских депутатов, применявшемся в Казанской губернии в начале 1918 г. Оно допускалось также «Инструкцией организации Советской власти на местах», разосланной по губерниям в марте 1918 г. В Петрограде тайное голосование применялось широко.

Сложным и практически не изученным в историко-правовой литературе остается вопрос о правах и обязанностях граждан в 1918 г. Основная причина этого, на наш взгляд, идеологическая. Большевикам было невыгодно говорить о «равноправии в социалистическом обществе», да и сам Ленин неоднократно подчеркивал, что наша Конституция «классовая» т. е. выражает интересы прежде всего пролетариата. Поэтому вопрос о правах и обязанностях всех членов общества никогда специально не заострялся в коммунистической печати. Большевики исходили не из широкого понятия демократии как народовластия всего населения государства, а из узкого понятия «классовости советской демократии». По их мнению, такая демократия предполагает фиксацию прав каждого представителя класса в отдельности, каждого трудящегося как личности, поскольку направлена против эксплуататорского меньшинства общества.

Исходя из этого в ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г. было закреплено следующее положение: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Этим подчеркивалось право социалистического государства лишать целые классы, социальные группы и отдельных лиц прав, в том числе избирательных (что и нашло подтверждение в ст. 65 Конституции). Как объясняют историки права, эта норма вытекала из практики, сложившейся уже в первые месяцы революции. Так, 28 ноября 1917 г. Совнарком издал декрет, направленный против буржуазной партии кадетов. Декрет возлагал на местные Советы обязанность особого надзора за этой партией, руководители которой подлежали аресту и предавались суду¹. Декрет, таким образом, ограничивал право объединения в общественные организации для определенной части буржуазии.

В Конституции 1918 г. также нашли отражение изменения, коснувшиеся правового статуса женщин после Октябрьской революции. Советское государство не издало общей декларации о равноправии женщин и мужчин, но складывавшаяся советская правовая система исходила из этого принципа. Уже в Декрете о земле было сказано: «Право пользования землей получают все граждане (без различия пола)...»². Декрет о суде, изданный 22 ноября 1917 г., предоставил право быть обвинителями, защитниками и поверенными по гражданским делам гражданам «обоого пола». Существенно расширил семейные права женщины Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака³.

Конституция не содержит общего положения о равноправии женщин и мужчин, но формулировки ее статей основаны на этом принципе. Согласно ст. 10 «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России». Под «всеми трудящимися» следует понимать, конечно, и женщин. Статьи 13–17 говорят о закреплении политических прав «за трудящимися», т. е. и за женщинами. Статья 18 провозглашает труд «обязанностью всех граждан Республики». Так же

¹ СУ РСФСР. 1917. № 5. Ст. 70.

² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 19.

³ СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.

надо толковать ст. 20 и 21, в которых речь идет о правах иностранцев. Только в одном случае конституционный закон подчеркивает равноправие женщины и мужчины – когда речь идет об избирательном праве. В соответствии со ст. 64 правом избирать и быть избранными в Советы пользуются граждане обоего пола.

В связи с тем что к моменту октябрьского государственного переворота на территории нашей страны находилось много иностранных военнопленных, встал вопрос об их правовом статусе. В составе Красной армии было большое количество интернациональных отрядов, большевиками «подогревалась» идея о весьма скорой мировой революции, и их опыт в России в борьбе за установление социалистической власти мог вскоре пригодиться в странах Западной Европы. В 1918 г. считалось, что «дело международного единства трудящихся – вопрос скорее теоретический, чем практический», а до мировой революции осталось несколько месяцев. Поэтому Конституция РСФСР 1918 г. предусматривала упрощенный порядок приобретения российского гражданства иностранцем. Статья 20 даже закрепляла за местными Советами право предоставлять иностранцам российское гражданство, причем «без всяких затруднительных формальностей».

Давая оценку правам и обязанностям, установленным Конституцией РСФСР 1918 г., необходимо отметить, что большое значение придавалось трудовой обязанности граждан. Статья 18 Конституции прямо указывает, что «труд – обязанность всех граждан Республики», и провозглашает: «Не трудящийся да не ест».

Другой важной обязанностью граждан РСФСР была защита Отечества; об этом говорится в ст. 19: «В целях всемерной охраны завоеваний Великой рабоче-крестьянской революции Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического Отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей».

Обязанностью граждан РСФСР было также соблюдение всех законов Республики. Для ознакомления, в частности, с нормами Конституции РСФСР 1918 г. V Всероссийский съезд Советов поручил Народному комиссариату просвещения «обеспечить во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений настоящей Конституции, а равно и их разъяснение и истолкование».

Вопрос о необходимости включения в Основной закон раздела о правах и обязанностях граждан был поднят еще на первом заседании конституционной комиссии ВЦИК в выступлениях Бердникова и Сталина. 19 апреля 1918 г. при обсуждении проектов основных положений Конституции Бердников вновь обратился к этому вопросу, настойчиво предлагая рассмотреть проект, разработанный максималистами, в особенности раздел о правах и обязанностях граждан. Действительно, в этом документе проблема прав и обязанностей граждан была подробно освещена. В нем можно найти «право на жизнь» и «обязанность подчинения», не обнаружив, вместе с тем, свободы слова, печати, собраний, воинской обязанности. Максималисты, исходя из принципа уравнительного распределения материальных и духовных благ, отмечали, что труд квалифицированный не дает преимуществ в распределении благ перед трудом неквалифицированным¹. В целом проект отличали, с одной стороны, наличие общеизвестных истин, а с другой – предельная туманность формулировок.

¹ Гурвич Г. С. История Советской Конституции. М., 1923. Прил. 6. С. 57.

Различные подходы к определению прав и обязанностей граждан РСФСР еще раз подчеркивают сложность и неразработанность этих категорий в условиях переходного периода.

В советской историко-правовой литературе отмечалось, что Конституция РСФСР «подвела итог начальному периоду строительства Советского государства... явилась юридической базой текущего законодательства». Основные ее принципы оставались в силе в течение всего переходного периода от капитализма к социализму. Новая Конституция РСФСР появилась только в 1925 г., после создания СССР и принятия первой Конституции СССР 1924 г.

Список литературы

Глебов Н. Наш Основной Закон. Разъяснение Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918.

Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М., 1967.

Гурвич Г. С. История Советской Конституции. М., 1923. Прил. 6.

Гурвич Г. С. Основы Советской Конституции. Смоленск, 1921.

Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль – июнь 1917 г.). М., 1969.

Королев А. Конституция 1918 г. и борьба с левыми эсерами // Борьба классов. 1936. № 9.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32, 39.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4, 21.

Пушкарев Б. С. Две России XX века: 1917–1993. М., 2008.

Рейснер М. А. Основы Советской Конституции. М., 1920.

Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957.

Смыкалин А. С. Политические репрессии Советского государства в отношении религии // Исторические чтения на Лубянке. М., 2017.

Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964.

Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 1984.

Чугаев Д. Первая Конституция Советского государства. М., 1949.

References

Chistyakov O. I. Konstitutsiya RSFSR 1918 goda. M., 1984.

Chugaev D. Pervaya Konstitutsiya Sovetskogo gosudarstva. M., 1949.

Dekrety Sovetskoi vlasti. M., 1957. T. 1.

Glebov N. Nash Osnovnoi Zakon. Raz'yasnenie Konstitutsii Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki. M., 1918.

Grishaev V. V. Stroitel'stvo Sovetov v derevne v pervyi god sotsialisticheskoi revolyutsii. M., 1967.

Gurvich G. S. Istoriya Sovetskoi Konstitutsii. M., 1923. Pril. 6.

Gurvich G. S. Osnovy Sovetskoi Konstitutsii. Smolensk, 1921.

Korolev A. Konstitutsiya 1918 g. i bor'ba s levymi eserami // Bor'ba klassov. 1936. № 9.

Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 32, 39.

Marks K., Engel's F. Soch. T. 4, 21.

Pushkarev B. S. Dve Rossii XX veka: 1917–1993. M., 2008.

Reisner M. A. Osnovy Sovetskoi Konstitutsii. M., 1920.

Rid D. 10 dnei, kotorye potryasli mir. M., 1957.

Smykalin A. S. Politicheskie repressii Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii religii // Istoricheskie chteniya na Lubyanke. M., 2017.

Stuchka P. I. Izbrannye proizvedeniya po marksistko-leninskoi teorii prava. Riga, 1964.

Zloказov G. I. Petrogradskii Sovet rabochikh i soldatskikh deputatov v period mirnogo razvitiya revolyutsii (fevral' – iyun' 1917 g.). M., 1969.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ПРАВА ДРЕВНЕГО РИМА*

Жабреев Михаил Владимирович

Заместитель проректора Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),
e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

В статье исследуются исторические основы формирования субъектного состава права Древнего Рима. В частности, анализируются истоки права Древнего Рима, предпосылки его разделения на самостоятельные системы публичного и частного права, приведшие к определению особых участников правоотношений для каждой из этих систем.

Ключевые слова: древнейшие регуляторы общественных отношений, религия, обычаи, традиции, священное право, понтифики, светское право, публичное право, частное право, участники правоотношений публичного и частного права, государство, коллегии понтификов, частное лицо

HISTORICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF A SUBJECTIVE COMPOSITION OF THE ANCIENT ROME LAW

Zhabreev Mikhail

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),
e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

The article explores historical foundations of the formation of a subjective composition of the Ancient Rome law. In particular, the sources of the law of Ancient Rome, the prerequisites for its separation into independent systems of public and private law, leading to the identification of special participants of legal relations for each of these systems, are analyzed.

Key words: the most ancient regulators of public relations, religion, customs, traditions, sacred right, pontiffs, secular law, public law, private law, participants of legal relations of public and private law, state, board of the pontiffs, individual

Предпосылки формирования систем публичного и частного права Древнего Рима

Древнеримские юристы делили право Древнего Рима на публичное и частное. Так, Ульпиан указывал, что право делится на две большие части: публичное право, которое относится к пользе римского государства, и частное право, которое относится к пользе частных лиц (D.1.1.1.2)¹. Такое определение Ульпиана в упрощенной форме раскрывает характер каждой из частей права.

Рассмотрим предпосылки, которые привели к формированию самостоятельных систем публичного и частного права Древнего Рима.

* Начало статьи опубликовано в 4-м номере «Электронного приложения к „Российскому юридическому журналу“» за 2018 г.

¹ Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1996. С. 4; Ефимов В. В. Догма римского права. Лекции. Общая часть. СПб., 1893. С. 16–17.

Предпосылки формирования системы публичного права

1. Сакральный характер государства, власти и управленческих структур.

Согласно священному праву (*fas*) древнеримское прагосударство являлось большим храмом¹, который находился под покровительством богов и служил божественной защитой для всех жителей Древнего Рима². Любая власть в Древнем Риме имела религиозную основу, так как глава каждой ячейки общества был одновременно и ее жрецом. Глава семьи, рода, курии, трибы и наконец древнеримского государства одновременно являлся жрецом этого объединения лиц. «Цари не нуждались во внешней силе: у них не было ни войска, ни казны, но власть их, поддерживаемая могучими верованиями над душою, была священна и неприкосновенна»³.

Впоследствии это привело к выработке жрецами позиции, согласно которой все властные структуры и должности признавались созданными богами и не могли быть упразднены или преобразованы без согласия богов⁴. «Все политические учреждения первоначальной гражданской общины были учреждениями религиозными»⁵. «Религия является у римлян неразлучной спутницей каждого важного установления, каждого союза внутри и вне государства, каждого звания и каждого важного мероприятия публичной и частной жизни»⁶.

В качестве примера, когда мнение богов имело первостепенное значение, можно привести призвание на царствование Нума Помпилия. «Молча он взошел на вершину крепости на Капитолии и сел на камень, в то время как авгур с его левого бока, одной рукой дотрагиваясь до его головы, а в другой держа искривленный жезл, описывал свои линии и в то же время молил богов о благоприятных знамениях. Последние появились, и, уверенный в согласии божества, новый царь вступил во власть»⁷. Почти через 400 лет перед назначением на пост диктатора Марка Фурия Камилла была проведена точно такая же процедура получения одобрения богов, при которой магистр Древнего Рима, прежде чем дать согласие на назначение Камилла диктатором, отыскивал в небе необходимые знаки богов⁸.

2. Сакральный характер первичных правовых норм.

Как указывалось в первой части нашего исследования, священное право (*fas*) и светское право (*ius*) в его начальный период формирования носили сакральный характер⁹, так как считались божественным установлением¹⁰ и рассматривались как обязательные для исполнения модели поведения человека¹¹. «Повеления права выдаются за повеления Божества»¹²; «Право вышло из сборника обрядов и священных

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития / пер. с 3-го испр. нем. изд. СПб., 1875. С. 232.

² Ефимов В. В. Лекции по истории римского права. СПб., 1898. С. 46; Иеринг Р. Указ. соч. С. 247.

³ Куланж Ф. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / пер. с фр. Н. Н. Спиридонова. Изд. 3-е. М., 1895. С. 151.

⁴ Хвостов В. М. История римского права. 7-е изд. М., 1919. С. 67.

⁵ Куланж Ф. Указ. соч. С. 304.

⁶ Иеринг Р. Указ. соч. С. 218.

⁷ Вегнер В. Рим. История и культура римского народа для любителей классической древности и для самообразования: в 2 т. / под ред. В. И. Модестова. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1902. Т. 1. С. 42.

⁸ Куланж Ф. Указ. соч. С. 188.

⁹ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учеб. / пер. с македон. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова. М., 1999. С. 21.

¹⁰ Куланж Ф. Указ. соч. С. 161, 267.

¹¹ Косарев А. И. Римское частное право: учеб. 2-е изд. М., 2007. С. 19; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 66–67.

¹² Иеринг Р. Указ. соч. С. 228.

книг»¹. Кроме того, соблюдение правовых норм обеспечивалось божественной силой под страхом божественного наказания. Право «лишь тогда бывает прочным и способствует общему благополучию, когда покоится на страхе божьем»². Нарушение любой нормы права было преступлением против бога. А за преступление против бога могли последовать только божественный гнев и божественное наказание как средство очищения³.

После формирования самостоятельной системы публичного права общественные религиозные культы древних римлян (до христианского периода) стали считаться элементом публичного права⁴, и их соблюдение обеспечивалось силой государства⁵.

3. Сакральный характер юридической деятельности.

В древнейшие времена отправлением религиозного культа, толкованием религиозных норм, с одной стороны, и формированием, толкованием и реализацией права⁶ – с другой, занимались одни и те же лица – жрецы (понтифики), которых можно признать первыми юристами Древнего Рима⁷.

Божественная сила священного обряда распространялась не только на религиозные ритуалы, но и на иные действия, совершаемые жрецами, в том числе на процедуры, связанные с реализацией правовых норм. Вся деятельность жрецов считалась благословенной богами, а их требования подлежали беспрекословному исполнению. Только понтифики обладали знаниями о днях отправления правосудия⁸, о датах подачи исков (иски по различным делам подавались в течение года в строго установленные дни), об обрядах и словесных формулах, производимых и произносимых при вступлении лиц в правоотношения (незнание обрядов или формул либо ошибка при их исполнении всегда влекли отказ от правоотношения)⁹.

4. Сакральный характер профессиональных объединений жрецов.

Как отмечалось в первой части исследования, множество божеств и, как следствие, множество молитв и обрядов влекли за собой значительные трудности в их запоминании. Здесь и появилась необходимость в особой касте жрецов, а затем и в специальной коллегии жрецов, на которую сначала была возложена задача по сохранению и передаче знаний о молитвах и обрядах, а позже – надзор за правильностью произнесения молитв и проведения обрядов¹⁰, дабы ошибка не привела к божьей каре.

Такой союз появился в системе регулирования священного права, что определило его сакральный характер.

¹ Куланж Ф. Указ. соч. С. 267.

² Вегнер В. Указ. соч. С. 42.

³ Иеринг Р. Указ. соч. С. 229, 236.

⁴ Там же. С. 300.

⁵ Ефимов В. В. Догма римского права. Лекции. СПб., 1899. С. 58.

⁶ Новицкий И. Б. Римское право. Изд. 6-е. М., 1995. С. 23; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 81.

⁷ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 178; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 67; Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 14; Крашенинников П. В. Античное право: очерки истории. М., 2018. С. 64; Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 23.

⁸ Куланж Ф. Указ. соч. С. 138.

⁹ Мейер Д. А. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854. С. 10; Крашенинников П. В. Указ. соч. С. 62–64; Пухан И., Поленак-Акимовская М. Указ. соч. С. 334; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 155–156, 178, 182; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 70–71, 81; Куланж Ф. Указ. соч. С. 163.

¹⁰ Хвостов В. М. Указ. соч. С. 25, 80; Вегнер В. Указ. соч. С. 44; Иеринг Р. Указ. соч. С. 230–231.

Предпосылки формирования системы частного права

1. Возникновение и реализация собственных прав по воле частного лица.

Формирование частноправовой составляющей системы светского права, как мы указывали в первой части исследования, началось в период республиканского правления (с 509 по 30 г. до н. э.), когда система светских норм отделилась от норм священного права. Правила поведения человека еще оставались строго регламентированными по форме (для реализации правовых норм требовались произнесение специальных словесных формул и соблюдение обряда), но не по содержанию: древний римлянин был уже относительно свободен и самостоятелен в выборе модели поведения.

Возникновение частноправовых отношений стало зависеть только от личного волеизъявления и активных действий частного лица без участия религии и прагосударственных структур. «Мысль, которой проникнуто все частное право, есть мысль автономии особи, идея, что индивидуальное право не обязано своим существованием государству»¹. Осуществление своего права считалось частным делом индивидуумов².

Для древних римлян право возникло из активных действий человека, абсолютно уверенного в правоте своих поступков и грубой физической силе. «Первое начало чувства права есть чувство собственного уполномочения, основанное на выказывании собственной силы и направленное на удержание ее плодов»³.

Соответственно, только активными действиями заинтересованных лиц может быть реализован правовой интерес. Например, при судебном споре выигравшая сторона и ее родственники самостоятельно заботились об исполнении решения и, если не получалось это сделать немедленно, дожидались удобного случая (например, путешествия виновного) и добивались исполнения решения, иногда в течение нескольких лет⁴.

2. Обеспечение реализации имущественного оборота и осуществление гражданского судопроизводства представителями рода.

В древнейшие времена имущественный оборот и отправление гражданского судопроизводства осуществлялись на основе древнейших регуляторов непосредственно представителями рода, без участия прагосударственных структур⁵. Представителями рода были лица, которых стороны привлекали к участию в различных отношениях частноправового характера для выполнения функций пособника (*testes*)⁶. Лицо, отказавшееся от пособничества, признавалось бесчестным⁷, что влияло на его статус (последствия бесчестия выражались в невозможности выступать свидетелем, оформлять опеку, претендовать на наследство и т. д.).

Первый случай пособничества – участие представителей рода в качестве свидетелей и поручителей в осуществлении торжественного акта (*res mancipi* или *nexum*)⁸ при заключении сделок по переходу имущества, оформлении брака, установлении сервитутов, заключении договора займа, уплате по займу, составлении завещания

¹ Иеринг Р. Указ. соч. С. 70.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Покровский И. А. История римского права. СПб., 1913. С. 61; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 64, 70–71, 179.

⁶ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 51, 65.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Иеринг Р. Указ. соч. С. 121.

и т. д.¹ При этом пособники были не просто молчаливыми свидетелями каких-либо действий, а активно участвовали в них, так как в своем лице представляли род, публично гарантирующий сделку². Так, при совершении сделки пособники оценивали ее содержание, одобряли ее заключение и поручались перед сторонами в ее исполнении³.

При неисполнении сделки пособники, пользуясь своим авторитетом, убеждали должника исполнить условия сделки, а в крайних случаях применяли к нему физическую силу⁴. «Истина, которую он (пособник. – М. Ж.) должен свидетельствовать, покоится первоначально в кулаках»⁵. Лучшими пособниками признавались агнаты кредитора⁶, так как они всегда были заинтересованы в увеличении имущества члена своей семьи. Женщины не считались годными к пособничеству, так как не обладали необходимой физической силой для воздействия на должника в крайних случаях неисполнения сделки⁷.

Второй случай пособничества – участие членов рода в качестве представителей гражданского правосудия при осуществлении торжественного акта захвата и удержания чужой вещи⁸ (в республиканский период этот процесс стал называться *legis actio per pignoris capionem*). В этом случае пособники следили за соблюдением торжественного акта и последующими действиями истца по захвату и удержанию чужой вещи в качестве удовлетворения своего требования ввиду невыполнения должником его обязательства. Пособники не должны были, в том числе, допускать злоупотребления истцом своими правами. «Эти свидетели суть древние помощники при самоуправстве»⁹.

Третий случай пособничества – участие представителей рода в гражданском судопроизводстве при осуществлении торжественного акта привлечения должника к исполнению обязательства (в республиканский период этот процесс стал называться *legis actio per manus iniunctionem*). В рассматриваемом случае кредитор вместе с пособниками настигал своего должника и «накладывал на него руку» (обрядовые действия), произнося торжественные слова (словесная формула). При этом должник не имел права на защиту. Ему надлежало молча повиноваться кредитору, склоняясь перед авторитетом и силой сопровождающих его пособников¹⁰.

3. Личностный характер отношений между физическими лицами, вытекающих из деликтных отношений.

Отношения между лицами в Древнем Риме, вытекающие из частных деликтов как нарушений против жизни, здоровья, имущества и достоинства человека, носили личностный характер и в своей основе имели древнейший обычай мести¹¹. «Самоуправством возвращают себе потерянное, если ли же это невозможно, так по крайней мере удовлетворяют чувство мести»¹².

¹ Покровский И. А. Указ. соч. С. 56; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 52, 65.

² Иеринг Р. Указ. соч. С. 126–129.

³ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 65; Иеринг Р. Указ. соч. С. 122.

⁴ Покровский И. А. Указ. соч. С. 62; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 65–66.

⁵ Иеринг Р. Указ. соч. С. 124.

⁶ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 52; Иеринг Р. Указ. соч. С. 125.

⁷ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 66.

⁸ Покровский И. А. Указ. соч. С. 61.

⁹ Иеринг Р. Указ. соч. С. 125.

¹⁰ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 68; Покровский И. А. Указ. соч. С. 61.

¹¹ Покровский И. А. Указ. соч. С. 48–49.

¹² Иеринг Р. Указ. соч. С. 95.

Регулирование деликтных отношений в древнейший период было отдано на откуп самим участникам данных отношений¹. Священное право не вмешивалось в отношения между частными лицами, возникающими по поводу частных правонарушений². «Вор, разбойник провинялись только пред людьми, и люди требовали от них наказания, боги сюда не вмешивались»³. Понятий «должник» и «долг» тогда не существовало, а имелось лишь одно понятие, характеризующее данные отношения, – «ответственность лица, совершившего деликт». «Мысль субъективной свободы воли извратилась до освобождения от оков чистого субъективного произвола»⁴.

Частным деликтом (*delictum privatum*) называлось недозволенное деяние, которое в древнейшие времена не считалось нарушением общественного порядка, а рассматривалось лишь как проступок против частного лица⁵ (например, оскорбление, причинение физического вреда или увечий). Последствием совершения частного деликта выступала узаконенная расправа потерпевшего или его родственников над виновным (гораздо позднее расправу разрешено было заменить выкупом)⁶. Расправа потерпевшего над виновным являлась мстью, которая повсеместно пользовалась общественным одобрением⁷. Деликт приводил к возникновению между нарушителем и потерпевшим личного отношения, основанного на крови, повреждениях или обиде, которое могло разрешиться только через отмщение⁸. «Дух древнейшего права есть дух мести, удовлетворения за каждую случившуюся несправедливость»⁹.

4. Личностный характер отношений между физическими лицами, вытекающих из невыполнения обязательств по сделке и их обеспечению.

Договорные отношения Древнего Рима появились позже деликтных отношений, но так как они касались частных (физических) лиц, то на последствия их неисполнения был распространен тот же принцип, что и при деликтных отношениях. Если должник не возвращал кредитору долг, то кредитор имел право с помощью пособников захватить должника и посадить его в оковы¹⁰. В течение 60 дней кредитор был обязан трижды выводить его в рыночные дни на площадь и публично объявлять размер его долга. Если никто не соглашался погасить долг должника, то кредитор мог продать должника в рабство или убить (если кредиторов было несколько, то они имели право расчленивать тело должника)¹¹.

Существо последствий всех древних обязательств заключалось в том, что кредитор приобретал право на самого должника¹². «Должник отдавался в руки кредитора»¹³. Например, в случае неисполнения своего обязательства по договору займа должник поступал в полное распоряжение займодателя, который мог его убить, продать или

¹ Иеринг Р. Указ. соч. С. 222.

² Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для юрид. вузов и факультетов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 1999. С. 2.

³ Иеринг Р. Указ. соч. С. 236.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 610–611.

⁶ Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 33; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 90–94.

⁷ Вегнер В. Указ. соч. С. 74.

⁸ Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. С. 522.

⁹ Иеринг Р. Указ. соч. С. 109.

¹⁰ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 97–98.

¹¹ Покровский И. А. Указ. соч. С. 57; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 98.

¹² Хвостов В. М. Указ. соч. С. 122.

¹³ Куланж Ф. Указ. соч. С. 54, 252.

держат у себя в качестве раба¹. Последствия неисполнения обязательства (*manus injectio*) представлялись древним римлянам как непосредственная личная связь между сторонами, в силу которой должник всегда был лично ответствен перед кредитором².

Аналогичные последствия имел и такой способ обеспечения исполнения сделок, как поручительство в виде заложенничества. Лицо, которое по договору было обязано что-либо совершить, передавало в качестве гарантии исполнения договора второй стороне заложника. В случае неисполнения обязательства по договору заложник поступал в полное распоряжение второй стороны, которая также могла его убить, продать или использовать в качестве раба.

Важные выводы:

1) предпосылки возникновения публичного права позволяют достаточно точно определить направленность формирования этой особой системы правовых норм, регулирующих отношения по поводу осуществления власти, государства и его управленческих структур;

2) предпосылки формирования системы частного права свидетельствуют о том, что в древнейшие времена отношения между частными (физическими) лицами понимались исключительно как личностная связь между ними (с привлечением представителей рода), при которой в случае деликта или неисполнения договора одной из сторон вторая (потерпевший / кредитор) обладала абсолютным произволом в отношении нарушителя (должника);

3) личностные отношения между частными (физическими) лицами не входили в сферу регулирования *fas*, что привело к формированию отдельной системы норм;

4) жрецами обоснован божественный характер самой власти, государства и его управленческих структур (что в последующем будет воспринято основными религиями, в том числе Христианством);

5) появление коллегий жрецов в системе священного права в будущем приведет к формированию обособленной системы норм, регулирующих отношения по поводу создания и функционирования объединений лиц, исключительно в системе публичного права;

6) древнеримские юристы так и не пришли к общему пониманию права (до конца существования Римской империи ее право всегда делилось на две непересекающиеся системы публичного и частного права).

Источники формирования системы частного права Древнего Рима

Система частного права как сфера регулирования отношений между частными (физическими) лицами формировалась поэтапно и имела в своей основе два источника. Первоначально она включала в себя только обычаи (*mos*), которые затрагивали отношения исключительно между частными (физическими) лицами, а затем, по мере появления светского права (*ius*), вобрала и нормы светского права, также регулирующие отношения только между частными (физическими) лицами.

Разные источники формирования единой системы частного права привели к наличию внутри нее разных правовых процедур, направленных на регулирование однотипных юридически значимых отношений.

Например, при реализации перехода права собственности на имущество, которое было наиболее важным и ценным для семьи – так называемого семейного имущест-

¹ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Указ. соч. С. 240.

² Иеринг Р. Указ. соч. С. 130–131.

ва¹ (земля, строения, рабы и рабочий скот) – требовалось совершение формализованного торжественного акта при обязательном участии жреца² и в присутствии пяти пособников по делу³. При этом приобретатель, удерживая приобретаемое имущество одной рукой (например, раба), другой рукой клал часть своей медной руды на бронзовые весы (во времена, когда медная руда, а позднее медные слитки служили в Древнем Риме всеобщим эквивалентом стоимости⁴) и произносил строго определенные слова: «*Hunc ego hominem ex jure Quiritium meum esse ajo isque mihi emptus esto hoc aere aeneaque libra*». Затем приобретателем называлось количество медной руды, которую он был готов отдать за передаваемое право на имущество (подчеркнем: оплачивалось не имущество, а именно правообладание). Сделка в древнеримском понимании всегда являлась односторонней (в современной терминологии). Новый обладатель совершал акт захвата вещи (как добычи), который при отсутствии возражения прежнего обладателя считался законным⁵.

Торжественность данного акта была возведена в абсолют, при котором реальное волеизъявление лица значения не имело⁶. Все торжественно сказанное при совершении этого акта являлось клятвой перед богом и становилось обязательным под страхом божественной кары. Произнесенная формула была для сторон не простым выражением их мыслей, а мистическим заклятием, имеющим абсолютную силу. Этот торжественный акт использовался и при реализации иных обычаев, особо значимых для семьи⁷. Например, по такому же обряду свободные лица передавались в кабалу, дочь передавалась отцом в жены, должник поступал во власть кредитора, оформлялось завещание и т. д.⁸

Впоследствии, когда потребовалось установить процедуры передачи права собственности на другие виды имущества, перед юристами того времени даже не стоял вопрос о возможности использования для этого торжественного акта, поскольку процедура передачи новых видов имущества не подпадала под регулирование древнейших обычаев и священного права. Потребовался иной регулятор в частноправовой сфере, и им стало светское право⁹.

Важные выводы:

1) первичным источником формирования частного права были обычаи (*mos*) (древнейшее законодательство не столько вводило новое правовое регулирование, сколько закрепляло старое¹⁰);

2) совокупность правовых норм, источником создания которых были обычаи, привела к появлению системы норм частного права, основанных на торжественном акте;

3) совокупность правовых норм, источником формирования которых было светское право (*ius*), привела к появлению системы норм частного права, основанных на упрощенной по сравнению с торжественным актом процедуре;

¹ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 49.

² Хвостов В. М. Указ. соч. С. 67.

³ Косарев А. И. Указ. соч. С. 19; Иеринг Р. Указ. соч. С. 122.

⁴ Веснер В. Указ. соч. С. 69; Хвостов В. М. Указ. соч. С. 63.

⁵ Иеринг Р. Указ. соч. С. 102; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 57–58, 112, 363.

⁶ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 330.

⁷ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Указ. соч. С. 238.

⁸ Куланж Ф. Указ. соч. С. 33–34; Ефимов В. В. Догма римского права. Лекции. С. 138; Муромцев С. А. Указ. соч. С. 52, 152.

⁹ Данное обстоятельство позволяет понять причины деления вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi*.

¹⁰ Муромцев С. А. Указ. соч. С. 3.

4) по мере упрощения имущественного оборота древнейшие обычаи с их торжественными актами заменялись нормами светского права.

Принцип определения участников правоотношений в сфере публичного и частного права Древнего Рима

Указанные выше предпосылки и источники формирования публичного и частного права Древнего Рима позволяют установить принцип определения участников соответствующих правоотношений: подчиненность субъекта священному праву навсегда относилась к участникам отношений, названных впоследствии публично-правовыми, и наоборот, подчиненность субъекта древнейшим обычаям навсегда закрепляла за ним статус участника отношений, названных впоследствии частноправовыми. Иными словами, в сфере частного права участниками правоотношений могли быть только частные (физические) лица, а в сфере публичного права – государство, его управленческие структуры, жрецы, коллегии жрецов, должностные лица и иные субъекты, не являющиеся частными лицами.

В дальнейшем, по мере вхождения субъектов публично-правовых отношений в круг отношений, регулируемых частным правом, древнеримским юристам, дабы обойти имеющееся ограничение, пришлось использовать такой прием, как фикция, допустив в систему частноправовых отношений субъектов публичного права.

Важные выводы:

1) участниками публично-правовых отношений Древнего Рима были только те субъекты, которые были включены в круг отношений власти, государства и его управленческих структур (в будущем древнеримское государство станет субъектом именно публичного права, даже при его участии в имущественных отношениях);

2) участниками частноправовых отношений Древнего Рима признавались только частные (физические) лица (субъектный состав этих отношений не изменится, даже когда в будущем в эти отношения вторгнется светское право);

3) древнеримские юристы так и не сформулировали общего понятия участника правоотношений, единого для публичного и частного права (до конца существования Римской империи участники правоотношений в системе публичного и частного права разводились).

Список литературы

Вегнер В. Рим. История и культура римского народа для любителей классической древности и для самообразования: в 2 т. / под ред. В. И. Модестова. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1902. Т. 1.

Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для юрид. вузов и факультетов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 1999.

Ефимов В. В. Догма римского права. Лекции. Общая часть. СПб., 1893.

Ефимов В. В. Догма римского права. Лекции. СПб., 1899.

Ефимов В. В. Лекции по истории римского права. СПб., 1898.

Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития / пер. с 3-го испр. нем. изд. СПб., 1875.

Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000.

Косарев А. И. Римское частное право: учеб. 2-е изд. М., 2007.

Крашенинников П. В. Античное право: очерки истории. М., 2018.

Куланж Ф. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / пер. с фр. Н. Н. Спиридонова. Изд. 3-е. М., 1895.

Мейер Д. А. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854.

- Муromцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883.
Новицкий И. Б. Римское право. Изд. 6-е. М., 1995.
Покровский И. А. История римского права. СПб., 1913.
Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учеб. / пер. с македон. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова. М., 1999.
Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1996.
Хвостов В. М. История римского права. 7-е изд. М., 1919.

References

- Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo: ucheb. dlya yurid. vuzov i fakul'tetov / pod obshch. red. V. S. Nerseyantsa. M., 1999.
Efimov V. V. Dogma rimskogo prava. Lektsii. Obshchaya chast'. SPb., 1893.
Efimov V. V. Dogma rimskogo prava. Lektsii. SPb., 1899.
Efimov V. V. Lektsii po istorii rimskogo prava. SPb., 1898.
Iering R. Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya / per. s 3-go ispr. nem. izd. SPb., 1875.
Ioffe O. S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravoootnoshenie. Kritika teorii «khozyaistvennogo prava». M., 2000.
Khvostov V. M. Istoriya rimskogo prava. 7-e izd. M., 1919.
Kosarev A. I. Rimskoe chastnoe pravo: ucheb. 2-e izd. M., 2007.
Krashennnikov P. V. Antichnoe pravo: ocherki istorii. M., 2018.
Kulanzh F. Drevnyaya grazhdanskaya obshchina. Issledovanie o kul'te, prave, uchrezhdeniyakh Gretsii i Rima / per. s fr. N. N. Spiridonova. Izd. 3-e. M., 1895.
Meier D. A. O yuridicheskikh vymyslakh i predpolozheniyakh, o skrytnykh i pritvornykh deistviyakh. Kazan', 1854.
Muromtsev S. A. Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima. M., 1883.
Novitskii I. B. Rimskoe pravo. Izd. 6-e. M., 1995.
Pokrovskii I. A. Istoriya rimskogo prava. SPb., 1913.
Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M. Rimskoe pravo: bazovyi ucheb. / per. s makedon. V. A. Tomsinova i Yu. V. Filippova. M., 1999.
Rimskoe chastnoe pravo: ucheb. / pod red. I. B. Novitskogo, I. S. Pereterskogo. M., 1996.
Vegner V. Rim. Istoriya i kul'tura rimskogo naroda dlya lyubitelei klassicheskoi drevnosti i dlya samoobrazovaniya: v 2 t. / pod red. V. I. Modestova. 3-e izd., ispr. i dop. SPb., 1902. T. 1.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАЩИТНИКА В ПРОЦЕССЕ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Булатова Светлана Вячеславовна

Магистрант Тюменского государственного университета (Тюмень),
e-mail: S.Photinia@yandex.ru

В статье анализируются существующие в науке подходы к определению природы деятельности защитника по уголовным делам, ее уголовно-процессуальной и криминалистической составляющей. Автор обосновывает необходимость отнесения деятельности защитника к предметной сфере криминалистики. Данный вывод формулируется на основе соответствия цели деятельности защитника назначению уголовного процесса и криминалистики, а также его правового статуса, определяющего его активную роль в расследовании конкретного уголовного дела. При этом предполагается, что эта роль в большей степени реализуется посредством участия защитника в процессе доказывания. Автор также рассматривает доказательства с точки зрения их процессуальной формы и содержания и заключает, что доказательство представляет собой единицу информации, имеющую значение еще до момента ее процессуального закрепления.

Ключевые слова: тактика защиты, предмет криминалистики, криминалистическая деятельность, доказательство

FORENSIC ACTIVITIES OF A DEFENDER IN THE COLLECTION OF EVIDENCE

Bulatova Svetlana

Tyumen State University (Tyumen),
e-mail: S.Photinia@yandex.ru

In the article, scientific approaches to the essence of defender's activities in criminal proceedings, its criminal-law and forensic components are analyzed. The author justifies the necessity to include the activity of a defender into the subject of forensics. This conclusion is formulated on the basis of the compliance of the defender's goal with the appointment of criminal process and forensics, as well as on the basis of his legal status determining his active role in the investigation of a criminal case. It is assumed that this role can be realized to a greater extent through the participation of the defender in the process of proving. Also the author considers the evidence from the perspective of its procedural form and content, and deduces that it has evidentiary value even before its procedural fixation.

Key words: tactics of defence, subject of forensic science, forensic activity, evidence

По смыслу уголовно-процессуального закона защитник является участником процесса, представляющим права и интересы подозреваемых и обвиняемых, оказывающим им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Причем в соответствии с принципом состязательности, провозглашенным ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, и ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ в процессе он имеет статус, равный статусу стороны обвинения.

Однако принципиальной является и формулировка п. 1 ст. 49 УПК РФ, согласно которой защитник реализует свое назначение «в установленном настоящим Кодексом порядке». В этом ключе необходимо отметить, что уголовно-процессуальный закон

по-разному определяет содержание процессуальных статусов защитника и представителя стороны обвинения – следователя, дознавателя. Речь идет именно о процессуальных, властно-распорядительных возможностях участия при производстве по уголовному делу.

Защитник в уголовном процессе – лицо, хотя и не обладающее властно-распорядительными полномочиями по принятию процессуальных решений по уголовному делу, однако в значительной степени влияющее на ход расследования путем активного, инициативного участия в нем. В связи с этим изменяется сам характер расследования, что объясняется объединением усилий следователя и защитника по собиранию, проверке и оценке доказательств для достижения единой цели уголовного процесса – установления истины.

При этом в криминалистических научных исследованиях вопросы, касающиеся практической стороны такого взаимодействия, освещены слабо, и общепризнанная точка зрения, в частности, по вопросам криминалистической деятельности защитника не выработана.

На данном этапе развития не столько криминалистического знания, сколько уголовно-процессуальной науки с ее стремлением к состязательности актуальным видится вопрос о тактике профессиональной защиты. В ходе собирания доказательств защитником возникают тактические аспекты, которые нуждаются в углубленной разработке и входят в предметную сферу криминалистики. Очевидность последнего определяется если не идентичностью, то во многом схожестью знаний, приемов и средств, используемых как в классической криминалистической тактике обвинения, так и в тактике защиты.

Попытаемся обосновать существование тактики защиты как таковой, ее сущность, роль, место в системе криминалистики.

В литературе выделяется несколько точек зрения на сущность профессиональной тактики защиты в уголовном процессе и криминалистике.

Согласно первому, консервативному, взгляду тактика защиты не представляет собой отдельного явления, а выступает скорее частью общей профессиональной деятельности. И потому требует изучения в соответствующей отрасли научного знания, что подтверждается и номенклатурой научных специальностей (12.00.11). В связи с этим защита противопоставляется сходной деятельности обвинения, которая в свою очередь изучается другой наукой – криминалистикой (12.00.12). При этом криминалистика рассматривается как «наука обвинения».

А. Г. Филиппов обосновывает этот тезис тем, что криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам не могут существовать в рамках одной науки из-за принципиального различия в целях: задача следователя – достижение объективной истины по делу, а защитника – защита интересов его клиента. Противоположность целей в свою очередь обосновывает стремление следователя и защитника к «оптимальному упреждению» действий другой стороны и соответственно делает нецелесообразным изучение деятельности данных субъектов в рамках одной науки¹. Аналогичных воззрений придерживается Т. В. Аверьянова, которая указывает, что «деятельность адвоката отличается от деятельности следователя, призванного

¹ Филиппов А. Г. Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 125–135.

вести борьбу с преступностью, поскольку профессиональные интересы последнего «противоположны, как правило, интересам защитника»¹.

Однако говорить о «принципиальном различии» целей, стоящих перед сторонами, по нашему мнению, некорректно. В самом общем смысле перед всеми участниками уголовного процесса стоит единая цель – установление объективных (истинных) обстоятельств по делу и назначение виновным справедливого и соразмерного содеянному наказания. В таком случае цель уголовного судопроизводства отождествляется с его назначением, определенным УПК РФ (ст. 6). Подобная точка зрения высказывалась В. В. Кониным, который хотя и указывает на то, что «защитник не стремится к выяснению всех обстоятельств дела, если это не в интересах подзащитного», однако утверждает, что деятельность защитника направлена именно на «доказательство истинности отдельных обстоятельств, которые исключают или смягчают ответственность подзащитного»².

Кроме того, отсутствие необходимости изучения тактики защиты не может основываться исключительно противоречием ее сущности предмету криминалистики и на этой основе невключением ее в структуру криминалистики.

Нам ближе позиция В. И. Комиссарова, который хотя и не включает тактику профессиональной защиты в систему криминалистических знаний, однако признает сам факт ее существования. Так, он считает, что адвокаты могут достаточно эффективно использовать выработанные наукой рекомендации в своей профессиональной деятельности, но проблемы адвокатской тактики должны составлять предмет исследования других правовых наук³.

Таким образом, тактика защиты и тактика обвинения реализуются в едином процессе, и эта взаимообусловленность предполагает нахождение проблем адвокатской тактики в одной плоскости с проблемами тактики обвинения. В этом смысле верным кажется утверждение об использовании адвокатом криминалистических знаний, выработанных для повышения эффективности деятельности стороны обвинения. Однако вопрос о соотношении тактики обвинения и тактики защиты должен рассматриваться отдельно, как и вопрос о том, являются ли заимствованные методы и рекомендации достаточными для деятельности защитника, преобразовываются ли они при заимствовании или применяются в неизменном виде в совокупности с иными специальными знаниями.

Вторая точка зрения заключается в признании наличия тактики защиты как явления и рассмотрении ее как части предмета криминалистики.

Так, по мнению О. Я. Баева, тактика профессиональной защиты по уголовным делам «есть подсистема криминалистической тактики, состоящей из системы разрабатываемых на основе научных положений криминалистической тактики соответствующих средств (приемов, комбинаций, операций, рекомендаций) допустимого и рационального представления, исследования и использования адвокатом доказательственной информации, оправдывающей подзащитного или смягчающей его ответственность, обеспечивающих права и интересы последнего в условиях потенциального или реального, непосредственного или опосредованного тому противодействия со

¹ Аверьянова Т. В. Еще раз о криминалистической тактике и тактике защиты // Известия Тульского гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2016. № 3. Ч. II. С. 6.

² Конин В. В. Реализация функции защиты в суде с участием присяжных заседателей. М., 2010. С. 97.

³ Комиссаров В. И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М., 2009.

стороны лиц и организаций, противостоящих защитнику при реализации им своей уголовно-процессуальной функции»¹. Однако данное определение также обосновывает различие целей обвинения и защиты, резюмирует заинтересованность следователя в противовес защите в том, чтобы привлечь к ответственности конкретное лицо, а не установить истину по делу, подчеркивает «обвинительный уклон» российского уголовного процесса, что, на наш взгляд, противоречит самой его сущности.

Иначе данный подход обосновывает Л. А. Запляпин, который резонно обращает внимание на взаимосвязь и взаимообусловленность тактик (методик), выбранных сторонами по конкретному уголовному делу и реализуемых ими в процессе одного расследования; необходимость учета сторонами вопросов ситуационности, представляющей собой именно криминалистическую теорию; единство знаний, используемых в деятельности сторон, которая хотя и нацелена на разный результат, однако строится по тем же правилам и может изучаться в пределах науки криминалистики и с помощью ее научного инструментария².

Определение тактики защиты как элемента структуры высшего порядка – общей криминалистической тактики – предопределяет существование также тактики обвинения. В таком случае тактика защиты и тактика обвинения, имея одну основу, должны иметь и существенные отличия.

Менее «популярной» в литературе предстает точка зрения, в соответствии с которой тактика защиты, составляя предмет криминалистики, признается одним из основных элементов системы науки либо подсистемой отдельного элемента – направления «защиты». Однако развитие названного направления нецелесообразно и нерационально, поскольку предполагает дублирование общего массива знаний, уже представленного иными разделами криминалистики.

Согласно третьей группе воззрений криминалистика есть совокупность знаний, характеризующихся в своем роде нейтральностью. Так, Р. С. Белкин отрицал факт существования криминалистики защиты, впрочем, как и криминалистики обвинения, предполагая только использование как защитником, так и обвинителем положений криминалистики³. Схожей точки зрения придерживается А. А. Эксархопуло⁴.

Однако подобный подход, хотя и обосновывает общность криминалистической тактики как таковой, не прибегая при этом к разграничению ее по субъекту, упускает различия между тактикой защиты и тактикой обвинения, как бы уравнивая стороны. Такой подход кажется упрощенным.

Анализ приведенных точек зрения позволяет заключить, что в своей основе они содержат некое «уравненное» представление об уголовном процессе, который все-таки предполагает криминалистическую субъектность защитника. В частности, в науке поддерживается взгляд на криминалистическую деятельность как на деятельность по раскрытию и расследованию преступлений⁵, что кажется не совсем точным в связи с предельной конкретизацией формулировки, исключающей

¹ Баев О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса. М., 2011. С. 182–183.

² Запляпин Л. А. Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. Екатеринбург, 2001. С. 43; *Его же*. Возникновение понятия стратегия применительно к адвокатской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2007. № 8. С. 128–130.

³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 1974. С. 87.

⁴ Эксархопуло А. А. Профессиональная защита в уголовном процессе и предмет криминалистики // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 152.

⁵ Драпкин Л. Я. Криминалистика: учеб. для бакалавров. М., 2016. С. 9.

возможность установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, субъектами, не уполномоченными на его расследование. Любая деятельность в рамках уголовного дела, независимо от процессуальной функции осуществляющего ее лица, направлена (повторим) на достижение этой цели – установление действительных (истинных) обстоятельств совершения преступления. Отсюда криминалистическая деятельность может быть определена как деятельность участников процесса по собиранию, проверке и оценке доказательств, направленная на установление объективных обстоятельств исследуемого в рамках уголовного дела преступления криминалистическими приемами и средствами.

Сама возможность собирания защитником доказательств, общность целей, взаимообусловленность действий и взаимозаинтересованность сторон, а также в известной степени равенство сторон и единство уголовного процесса позволяют рассматривать тактику защиты и тактику обвинения в предмете криминалистики.

Вместе с тем необходимо соотнесение криминалистической деятельности с уголовно-процессуальным статусом сторон и объективно существующей правовой обстановкой. Но при этом нельзя основываться на процессуальной функции или иной специфической категории, которая изначально исключала бы из числа субъектов криминалистической деятельности участников, имеющих противоположный процессуальный интерес. В качестве процессуальной основы криминалистической деятельности, на наш взгляд, должно рассматриваться доказывание как наиболее близкая ей по смыслу процессуальная деятельность. Из этого следует, что круг субъектов, осуществляющих криминалистическую деятельность, определяется наличием у них права на доказывание.

В этом же ключе должен разрешаться вопрос о сущности доказательств как в уголовном процессе, так и в криминалистике. И хотя очевидно, что доказательство как условная единица информации и с процессуальной, и с криминалистической точек зрения остается единым, форму оно приобретает только в момент процессуального закрепления, тогда как его содержание – информация – появляется еще на допроцессуальном этапе.

Информация по уголовному делу, оформленная надлежащим образом, является доказательством, тогда как та же единица информации в криминалистическом смысле признается доказательственной информацией, т. е. процессуально не закрепленной, однако идентичной по содержанию. Криминалистический подход к доказательству в первую очередь заключается в возможности его обнаружения, фиксации, изъятия и первичного исследования. Кроме того, важен тот факт, что правила осуществления таких действий, от обнаружения до использования, регламентируются уголовно-процессуальным законом и, вместе с тем, предполагают применение технических и тактических приемов и средств криминалистики. Таким образом, обе науки так или иначе охватывают своим предметом эти сведения, но при этом рассматривают их назначение с разных позиций.

Предлагаем выделять криминалистически значимое содержание доказательств, подразумевая под ним обнаруженную, изъятую и исследуемую информацию до ее процессуального закрепления, учитывая соответствующие процессуальные возможности субъектов уголовного процесса по участию в доказывании, осуществляющих тем самым как уголовно-процессуальную, так и криминалистическую деятельность. В основе такой деятельности предполагаем именно право на собирание доказательств как характеристику универсальную, а не процессуальную обязанность, свойственную

стороне обвинения. Таким образом, субъект криминалистической деятельности может быть соотнесен с субъектом доказывания, круг которых устанавливается уголовно-процессуальным законом, что не исключает возможность рассмотрения стороны защиты в качестве субъекта криминалистической деятельности.

Принципиальными в криминалистическом смысле являются обнаружение, фиксация, изъятие и исследование доказательственной информации, что в процессуальном смысле в большей степени соответствует собиранию доказательств как главному элементу в структуре доказывания. С этой точки зрения закон охватывает большой круг участников процесса, наделяя правом на собирание доказательств не только обвинителя, но и защитника. Формально согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем истребования и получения предметов, документов, иных сведений, опроса лиц. Хотя статус таких сведений в качестве доказательств устанавливается судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, определенном уголовно-процессуальным законодательством, они, тем не менее, еще до процедуры легализации содержат доказательственную информацию. С позиций криминалистики они уже являются обнаруженными, т. е., как минимум, информационно определенными, что предполагает применение собравшим их лицом именно криминалистических знаний, приемов и средств. При этом необходимо использование криминалистического инструментария как специально разработанного, специфического и единственно приемлемого.

Не менее важно, что процедура признания представленной защитником доказательственной информации властными участниками является реализацией отдельной контрольной функции, независимой от обвинения. Данный факт в свою очередь подтверждает ошибочность признания криминалистики сугубо обвинительной деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений. Определение ее правоохранительного характера традиционно, поскольку сложилось в условиях обвинительного уголовного процесса, и является скорее отражением правовых реалий, а не универсальным подходом. Так, И. А. Возгрин писал, что «цель отечественной криминалистики также должна состоять не только в оказании содействия правоохранительным органам в борьбе с преступностью, но и в обеспечении своими разработками и рекомендациями защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»¹. Одним словом, можно говорить о необходимости криминалистического обеспечения защиты личности как стороной обвинения, так и стороной защиты.

Более того, в криминалистической науке уже есть субъект, деятельность которого не носит обвинительный характер. Речь идет о сложившемся в теории представлении о суде как о субъекте криминалистики². Как известно, суд правоохранительную деятельность не осуществляет, реализует функцию разрешения дела самостоятельно, действует независимо, следовательно, к органам исполнительным – правоохранительным – относиться не может. Однако законодательство стирает эту грань, наделяя суды правом производства ряда процессуальных действий, которые ранее органом расследования не проводились (осмотр местности и помещений, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование).

¹ Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 51.

² Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964; Андрищенко Т. И. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012; Мишин А. В. Особенности криминалистической деятельности в судебном производстве по уголовным делам // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2017. Т. 159. Кн. 2. С. 504–511.

По нашему мнению, суд признается субъектом криминалистики за счет содержания его уголовно-процессуального статуса. При этом одним из основных аргументов в пользу этой позиции выступает наличие у суда права на собирание доказательств.

В этом смысле отрицание криминалистической деятельности защитника во многом необоснованно. Такой взгляд возник в условиях обвинительного процесса и в настоящее время нефункционален, поскольку не учитывает положения ст. 6 УПК РФ в части защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В условиях перехода российского уголовного процесса к состязательному типу изменение теории криминалистики возможно только поэтапно. Нужна постепенная разработка новых институтов, в частности тактики профессиональной защиты по уголовным делам.

Необходим поиск научного компромисса, способного признать существование тактики профессиональной защиты. Так, Т. В. Варфоломеева предлагает свое определение тактики защиты: «Это созданные на основе достижений науки и опыта адвокатской деятельности рекомендации по разработке оптимального варианта правовой позиции защиты и его реализации в конкретных условиях и о наиболее эффективных способах осуществления адвокатом действий по защите прав и законных интересов граждан». При этом тактика защиты характеризуется как «система выработанных наукой и практикой тактических приемов и рекомендаций, которые в конкретных условиях производства по делу содействуют наиболее эффективному достижению целей, поставленных перед защитником в уголовном процессе, позволяют правильно выбрать и квалифицированно применить предусмотренные законом средства и способы защиты в строгих рамках уголовно-процессуального закона»¹.

Очевидно, что «строгие рамки уголовно-процессуального закона» хотя и актуальны как для стороны защиты, так и для стороны обвинения, однако не являются одинаковыми. Повторим, речь идет о неравенстве правового статуса следователя и защитника, при котором властным субъектом выступает одна из сторон и соответственно обладает большей свободой действий, в том числе в выборе тактики.

Таким образом, криминастика, на наш взгляд, не ограничивает свой предмет исключительно обвинительной деятельностью. Она должна соответствовать изменениям в уголовном процессе. Криминастика нацелена на реализацию цели уголовного судопроизводства посредством обнаружения, фиксации, изъятия, первичного исследования и использования доказательственной информации. Исходя из этого, она должна быть нейтральна по отношению к процессуальной функции, основываясь на реальных возможностях всех участников процесса, обусловленных их правом на собирание доказательств.

Уголовно-процессуальный закон позволяет защитнику наравне со стороной обвинения собирать доказательства – сведения, имеющие значение для уголовного дела, что сопровождается применением способов и средств, выработанных криминастикой. Невозможно отрицать, что своеобразная легализация сведений, представленных защитником в виде доказательственной информации, осуществляется участником процесса со стороны обвинения (дознавателем, следователем), но важно, что дознаватель (следователь) при этом реализует не функцию обвинения, а свою процессуальную обязанность по оценке относимости, допустимости и достоверности этой информации.

¹ Варфоломеева Т. В. Криминастика и профессиональная деятельность защитника. Киев, 1991. С. 47.

Список литературы

Аверьянова Т. В. Еще раз о криминалистической тактике и тактике защиты // Известия Тульского гос. ун-та. Эконом. и юрид. науки. 2016. № 3. Ч. II.

Андрющенко Т. И. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012.

Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964.

Баев О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса. М., 2011.

Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 1974.

Варфоломеева Т. В. Криминалистика и профессиональная деятельность защитника. Киев, 1991.

Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003.

Драпкин Л. Я. Криминалистика: учеб. для бакалавров. М., 2016.

Зашляпин Л. А. Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. Екатеринбург, 2001.

Зашляпин Л. А. Возникновение понятия стратегия применительно к адвокатской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2007. № 8.

Комиссаров В. И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М., 2009.

Конин В. В. Реализация функции защиты в суде с участием присяжных заседателей. М., 2010.

Мишин А. В. Особенности криминалистической деятельности в судебном производстве по уголовным делам // Учен. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2017. Т. 159. Кн. 2.

Филиппов А. Г. Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002.

Эксархопуло А. А. Профессиональная защита в уголовном процессе и предмет криминалистики // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002.

References

Andryushchenko T. I. Sud kak sub"ekt dokazyvaniya v ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2012.

Arotsker L. E. Ispol'zovanie dannykh kriminalistiki v sudebnom razbiratel'stve ugovnykh del. M., 1964.

Aver'yanova T. V. Eshche raz o kriminalisticheskoi taktike i taktike zashchity // Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Ekonom. i yurid. nauki. 2016. № 3. Ch. II.

Baev O. Ya. Izbrannye raboty po problemam kriminalistiki i ugovnogo protsessa. M., 2011.

Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. M., 1974.

Drapkin L. Ya. Kriminalistika: ucheb. dlya bakalavrov. M., 2016.

Eksarkhopulo A. A. Professional'naya zashchita v ugovnom protsesse i predmet kriminalistiki // Professional'naya deyatel'nost' advokata kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya. Ekaterinburg, 2002.

Filippov A. G. Kriminalistika i teoriya professional'noi zashchity po ugovnym delam // Professional'naya deyatel'nost' advokata kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya. Ekaterinburg, 2002.

Komissarov V. I. Kriminalisticheskaya taktika: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. M., 2009.

Konin V. V. Realizatsiya funktsii zashchity v sude s uchastiem prisyzhnykh zasedatelei. M., 2010.

Mishin A. V. Osobennosti kriminalisticheskoi deyatel'nosti v sudebnom proizvodstve po ugovnym delam // Uchen. zap. Kazanskogo un-ta. Ser.: Gumanitar. nauki. 2017. T. 159. Kn. 2.

Varfolomeeva T. V. Kriminalistika i professional'naya deyatel'nost' zashchitnika. Kiev, 1991.

Vozgrin I. A. Vvedenie v kriminalistiku: istoriya, osnovy teorii, bibliografiya. SPb., 2003.

Zashlyapin L. A. Kriminalistika kak osnova razrabotki teoreticheskikh aspektov professional'noi zashchitel'noi deyatel'nosti // Kriminalisticheskie aspekty professional'noi zashchity po ugovnym delam. Ekaterinburg, 2001.

Zashlyapin L. A. Vozniknovenie ponyatiya strategiya primenitel'no k advokatskoi deyatel'nosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2007. № 8.

**О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЕС, РОССИЕЙ
И СТРАНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА:****обзор мероприятий****Центра превосходства Жана Монне в области европейских исследований
VOICES+****Давлетгильдеев Рустем Шамилевич**

Академический координатор Центра превосходства Жана Монне в области европейских исследований VOICES+, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, доцент (Казань),
e-mail: roustem.davletgildeev@kpfu.ru

Яфизова Лилия Джамиловна

Магистрант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань),
e-mail: li89520348043@gmail.com

**ON MULTIDISCIPLINARY RESEARCH
AS PART OF ENSURING EUROPEAN INTEGRATION
AND RELATIONS BETWEEN THE EU, RUSSIA,
AND THE EURASIAN STATES:****a review of the activities undertaken by the EU Center of Excellence VOICES+****Davletgildeev Rustem**

Kazan (Volga region) Federal University (Kazan),
e-mail: roustem.davletgildeev@kpfu.ru

Yafizova Liliya

Kazan (Volga region) Federal University (Kazan), e-mail: li89520348043@gmail.com

В июле 2015 г. Исполнительным агентством ЕС по культурным, образовательным и медиапрограммам была поддержана заявка в рамках программы ERASMUS+ на создание в Казанском (Приволжском) федеральном университете (далее – КФУ) Центра превосходства Жана Монне в области европейских исследований (*Jean Monnet Centre of Excellence in European Studies*) – Поволжского международного центра превосходства в области европейских исследований – VOICES+ (далее – Центр VOICES+, Центр) – с целью реализации проекта на трехлетний период (2015–2018 гг.) для проведения междисциплинарной исследовательской и образовательной деятельности в Республике Татарстан и Приволжском федеральном округе. Акцент был сделан на вопросах правового обеспечения европейской интеграции и взаимоотношений между ЕС, Россией и евразийским пространством в таких областях, как социальная политика, миграция, границы, гражданство.

Одним из направлений деятельности проекта является проведение исследований, дебатов, круглых столов, научно-практических конференций, летних школ, экспертиза и подготовка предложений по проектам нормативных актов в области сотруд-

ничества России, ЕС и ЕАЭС. Так, Центром был организован ряд научных мероприятий международного уровня. Их соорганизатором выступала кафедра международного и европейского права юридического факультета КФУ.

Открыл цикл научных мероприятий на базе Центра VOICES+ **международный исследовательский семинар «Многозначность границ: ЕС – Россия в широкой перспективе»**, который состоялся 31 марта – 1 апреля 2016 г.

В рамках семинара обсуждались феномены границ / пограничного, которые рассматривались на примерах миграционного кризиса, взаимоотношений церкви и общества, трудовой миграции в странах ЕС, России и Восточного партнерства. В попытке концептуализировать столь разные явления культурной, религиозной и политической жизни участники семинара обращались к пониманию границ как гибких социальных конструктов, которые предполагают не просто жесткое фиксирование статус-кво – границ территорий, правил, политик, норм и т. д., а их оспаривание и непрерывное изменение. Среди вопросов, которые были затронуты на семинаре, – феномены пограничных идентичностей и культурной географии, культурные механизмы включения и исключения, стратегии очерчивания границ, их оспаривания, фиксации и размывания и др.

В работе семинара приняли участие эксперты из КФУ, Финского института международных отношений, университетов Эдинбурга, Уппсалы, Цюриха, Будапешта, которые коснулись актуальных проблем современной Европы, включая причины и следствия европейского миграционного кризиса, влияние этого кризиса на отношения Западной и Восточной Европы, текущее состояние и перспективы сотрудничества Европейского союза и России.

В первой сессии профессор Давид Кадье из Финского института международных отношений (Хельсинки) представил сообщение на тему «Возвращение в „фиксированную“ Европу: пограничные нарративы в международных политиках стран Центральной Европы – членов ЕС». Профессор Йан Фергюсон из Университета Эдинбурга (Великобритания), работающий в качестве приглашенного профессора в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России в Санкт-Петербурге, выступил с докладом «Темная сторона кооперации? ЕС, Россия и новые сферы влияния». Заведующий центром культурных исследований постсоциализма Института сравнительных исследований модернизаций обществ Александра Яцык рассказала об отношениях между российской и грузинской православными церквями.

Во второй сессии профессор Фабиан Линде из Университета Уппсалы (Швеция), работающий в настоящее время в Российском государственном гуманитарном университете, сделал доклад на тему «Проводя границы „Русского мира“: официальный российский цивилизационный дискурс и украинский кризис». Профессор Томас Крюссман из Университета Граца (Австрия) выступил с сообщением «Границы, миграция и столкновение ценностей: трансграничные убийства чести в сравнительной перспективе уголовного права». Завершил вторую сессию доцент кафедры международного и европейского права КФУ, академический координатор Центра VOICES+ Рустем Давлетгильдеев с сообщением «Свобода движения работников и границы интеграции: как может быть воспринят правовой опыт европейской интеграции в Евразийском экономическом союзе?».

Третья сессия семинара была посвящена вопросам миграции. Филип Казула (Университет Цюриха, Швейцария), исследователь в НИУ «Высшая школа экономики»,

представил доклад «Границы, безопасность и движения расизма: Европа и миграционный кризис», а Петер Мартон (Университет Корвинуса в Будапеште, Венгрия) – доклад «Эти ксенофобные европейские нации: западноевропейский конструкционизм Восточной Европы в контексте современных европейских миграционных движений».

Спустя год ведущие специалисты и ученые в области международного и европейского права, миграции, экономики, социологии, политических наук и журналистики вновь собрались в стенах юридического факультета КФУ для дискуссий и обмена опытом: 28 апреля 2017 г. в рамках IV Международной научно-практической конференции «Миграционные процессы: тренды, вызовы, перспективы» состоялся **международный круглый стол «Миграция и конфликты: опыт ЕС и России»**, проведение которого было предусмотрено планом мероприятий Центра VOICES+.

На торжественном открытии выступили проректор по внешним связям КФУ Линар Латыпов, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ Дмитрий Юрков, начальник Управления по вопросам миграции МВД Республики Татарстан Артем Кузнецов, заместитель министра здравоохранения Республики Татарстан Елена Шишмарева, Уполномоченный при Президенте Республики Татарстан по защите прав предпринимателей Тимур Нагуманов, начальник отдела трудовой миграции и взаимодействия с работодателями Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан Азат Аюпов, судья Верховного суда Республики Татарстан Расим Нафиков, представитель Аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан Адэлия Халимова, заместитель директора Института экономики, управления и финансов КФУ Ленар Сафиуллин, заместитель декана юридического факультета КФУ Ольга Чепарина, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами Института управления и территориального развития КФУ Елена Фахрутдинова, заведующий кафедрой международного и европейского права юридического факультета КФУ Адель Абдуллин, Руستم Давлетгильдеев.

В адрес конференции и круглого стола поступило приветственное письмо председателя Государственного Совета Республики Татарстан Фарида Мухаметшина.

В рамках первой сессии состоялись выступления ведущих исследователей и практиков в области миграции. Так, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН Сергей Рязанцев проанализировал тенденции и последствия эмиграции из России; руководитель Государственной инспекции труда Республики Татарстан Евгения Костюшина рассказала о причинах и направлениях международной трудовой миграции; руководитель национально-культурной автономии казахов в Республике Татарстан Сагит Джаксыбаев посвятил свой доклад взаимодействию общественных объединений с силовыми структурами в области миграционных проблем в Республике Татарстан; начальник отдела Министерства здравоохранения Республики Татарстан Юрий Кнни коснулся вопросов трудовой мобильности в системе здравоохранения Республики; преподаватель Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ Наталья Шибанова рассмотрела, как вопросы отечественной и европейской миграционной политики освещаются в электронных СМИ; Дмитрий Юрков затронул проблемы и перспективы восприятия миграции как механизма устойчивого развития территорий; представитель АНО «Новый век» Юлия Кузнецова обобщила опыт внедрения программ социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов в Республике Татарстан.

В рамках второй сессии выступили: декан юридико-исторического факультета Юго-Западного университета им. Неофита Рильского (Благоевград, Болгария) Габриела Белова-Ганева, рассказавшая о «нерегулярных» мигрантах в аспекте Директивы 2009/52/ЕС; заведующий сектором Института социально-политических исследований РАН Марина Храмова, посвятившая доклад формированию мусульманских общин в Европе; исполняющий обязанности директора Института государства и права РАН Татьяна Васильева, затронувшая тему миграционного кризиса и европейской солидарности; руководитель проекта GLOBAL CONTEST, научный сотрудник факультета права, политических и социальных наук Университета Париж-13 Олег Корнеев, проанализировавший «кризисные» и «конфликтные» нарративы в миграционном регулировании в глобальном контексте; Адель Абдуллин, раскрывший проблемы правового регулирования миграционных процессов в ЕС; доцент учебного центра «Современная филология» Лилия Иликова, рассказавшая о «новых» членах ЕС и проблемах миграции; доцент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ Виктор Сидоров, коснувшийся темы Brexit и изменений в ЕС в связи с миграцией.

Третья сессия продолжилась пятью выступлениями: профессора кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ Аллы Ястребовой, охарактеризовавшей международно-правовые основы защиты вынужденных мигрантов в условиях вооруженных конфликтов; директора Казанского филиала Российского государственного университета правосудия Рамиля Шарифуллина, посвятившего доклад международно-правовым нормам как средству защиты прав мигрантов в Российской Федерации; заведующего отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН Ольги Потемкиной, раскрывшей возможности взаимодействия по вопросам миграции ЕС и России; доцента кафедры международного права Российского университета дружбы народов Екатерины Киселевой, рассказавшей о вызванной конфликтами миграции в аспекте правозащитных обязательств России и государств-членов ЕС; доцента кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ Василя Сакаева, коснувшегося вопроса о конфликте идентичностей, ценностей и моделей поведения мигрантов и принимающего общества в ЕС и России; Рустема Давлетгильдеева, проанализировавшего международно-правовое регулирование миграции в ЕС и ЕАЭС в состоянии кризиса и новые возможности его разрешения.

В работе круглого стола также приняли участие старший преподаватель кафедры европейского и международного права юридического факультета Нижегородского государственного университета Андрей Леонов, представитель региональной общественной организации «Центр правовой помощи мигрантам и иным социально незащищенным слоям населения Республики Татарстан „Юридическая клиника“» Гулия Балафендиева, преподаватели, аспиранты и студенты КФУ.

Следующее значимое событие – **Международная научно-практическая конференция «Региональные аспекты интеграции: Европейский союз и евразийское пространство»** – состоялось 11–12 декабря 2017 г. Работа данного научного мероприятия проходила в четырех сессиях: «Политические и правовые проблемы интеграции в ЕС и евразийском пространстве»; «Социальные, трудовые и миграционные аспекты интеграции в ЕС и Евразийском экономическом союзе»; «Междуна-

родные судебные институты ЕС и ЕАЭС: обмен опытом»; «Возможность сотрудничества между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом».

В первый день конференции с приветственным словом выступили проректор по образовательной деятельности КФУ Дмитрий Таюрский, декан юридического факультета КФУ Лилия Бакулина, заместитель директора Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии Олег Артамонов. В режиме видеосвязи к участникам конференции с приветственным словом обратилась глава отдела прессы и информации Представительства Европейского союза в России Луца Кадар. Также прозвучали приветствия от заместителя председателя Конституционного суда Республики Татарстан, представителей Государственного совета Республики Татарстан, Представительства Министерства иностранных дел России в Казани и других официальных лиц. В адрес конференции поступили приветствия и пожелания успешной работы от председателя Суда ЕС профессора Коена Ленартса, председателя Суда общей юрисдикции ЕС Марка Джаггера, председателя Суда ЕАЭС Александра Федорцова.

В рамках первой сессии с докладами выступили профессор Катлин Малфлит из Левенского католического университета (Бельгия) совместно с ассистентом Дааном Дегранде, директор Центра превосходства в Санкт-Петербурге Татьяна Романова, представитель Центра превосходства в Сибири Сергей Юн, представитель кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета Дарья Бердникова, профессор Казахско-немецкого университета Рустам Бурнашев, а также Виктор Сидоров.

Вторая сессия была посвящена социально-трудовым и миграционным аспектам интеграции в ЕС и ЕАЭС. С докладами на ней выступили заместитель декана юридического факультета Университета Любляны (Словения) профессор Грега Стрбан, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения МГЮА им. О. Е. Кутафина Никита Лютов, заместитель заведующего кафедрой трудового права и права социального обеспечения Высшей школы экономики Дарья Черняева, старший научный сотрудник отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН Любовь Биссон, Рустем Давлетгильдеев.

В рамках третьей сессии свои сообщения представили Адель Абдуллин, научный сотрудник Института права и развития ВШЭ – Сколково Максим Карлюк, ассистент кафедры международного права МГУ им. М. В. Ломоносова Екатерина Машкова.

На четвертой сессии с докладами выступили заведующий кафедрой международного права МГУ им. М. В. Ломоносова Алексей Исполинов, профессор кафедры международного и европейского права КФУ Гульнара Шайхутдинова, профессор кафедры интеграционного и европейского права МГЮА им. О. Е. Кутафина Пауль Калининченко, директор НОЦ «Европейские исследования» Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ Лилия Иликова, доктор Университета Тарту (Эстония) Томас Крюссман.

В сессионных дискуссиях участвовали как представители академических кругов, так и практики. В их числе – представители руководства Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии Олег Артамонов, Чингиз Сарыбаев, Дмитрий Фураев, заведующий кафедрой международных отношений и международного права Дипломатической академии МИД Кыргызстана Айнуур Джоробекова, атташе по внешнеэкономическим вопросам Генерального кон-

сульства Венгрии Жолт Шпиндлер, начальник отдела международных программ и проектов управления международного сотрудничества Поволжского государственного технологического университета Алексей Фоминых, Адэлия Халимова, Гулия Балафендиева, студенты, аспиранты КФУ и Санкт-Петербургского государственного университета.

Цикл исследовательской деятельности Центра VOICES+ завершился таким знаковым мероприятием, как **международный научно-практический круглый стол «Практика адаптации мигрантов в современном обществе: пример ЕС и России»**, который состоялся 19 апреля 2018 г.

С приветственной речью перед участниками выступили Лилия Бакулина, Руستم Давлетгильдеев, Артем Кузнецов, Адэлия Халимова, Гулия Балафендиева, политический советник по вопросам миграции Представительства Европейского союза в Российской Федерации Адриан Георгиев, заместитель начальника Управления Министерства юстиции РФ по Республике Татарстан Рамзия Хасанова, секретарь Представительства Министерства иностранных дел России в г. Казани Радик Вахитов, прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о защите интересов государства Прокуратуры Республики Татарстан Рамиль Ахметзянов, член Совета Адвокатской палаты Республики Татарстан Гумар Ахметов, заместитель председателя Совета Ассамблеи народов Татарстана Николай Владимиров, главный редактор газеты «Трудовой мигрант» Закир Сариев.

В адрес круглого стола поступили приветствия от главы Департамента Европейской социальной хартии Совета Европы Режи Брийа, директора Департамента трудовой миграции и социальной защиты Евразийской экономической комиссии Паизы Суюмбаевой.

На повестке дня круглого стола стояли три вопроса: миграционная политика ЕС и опыты адаптации мигрантов в Европейском союзе; российская миграционная политика и опыты адаптации мигрантов в России; глобальный договор о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции как путь к разработке правозащитной системы управления международной мобильностью. Также обсуждались вопросы о положении беженцев и лиц, ищущих убежище в РФ, проблемы адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в российском обществе.

В ходе работы первой сессии Адриан Георгиев осветил общие направления политики ЕС в области миграции. В режиме видеосвязи выступил координатор интернет-ресурса «European Migration Law» профессор Ив Паскуо из Университета Нанта (Франция) с докладом «Адаптация ЕС к миграционному кризису».

Сообщение «Правовые рамки оформления миграции в странах ЕС (на примере Германии, Швейцарии, Франции)» представила директор Института миграционной политики Берлина Ольга Гулина. В режиме видеосвязи в работе круглого стола принял участие профессор Фелипе Гомез из Университета Деусто (Испания), рассказавший о социальных аспектах интеграции мигрантов как в Европе в целом, так и в Испании в частности. Ольга Потемкина представила доклад на тему «От „миски с салатом“ к „томатному супу“ – какая модель интеграции мигрантов подходит России?». С докладом «Правовое регулирование политики ЕС по интеграции иммигрантов» выступил доцент кафедры международного и европейского права юридического института Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта Вадим Войников. Лилия Иликова посвятила выступление миграционному кризису

в Италии. В режиме видеосвязи Александра Яцык рассказала о проблемах адаптации русскоязычных граждан в Эстонии.

В рамках второй сессии Артем Кузнецов привел статистику миграции в Республике Татарстан, охарактеризовал деятельность УВМ МВД по Республике и указал основные проблемы, стоящие перед государственными органами и представителями гражданского общества в области адаптации и интеграции мигрантов в России.

На положении беженцев и лиц, ищущих убежище в РФ, заострила внимание советник по правовым вопросам Представительства Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации Маина Чеджемова. Проблемам адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства в российском обществе было посвящено выступление независимого эксперта в области миграции, ранее руководителя управления Федеральной миграционной службы РФ Юлии Пауковой.

Дарья Черняева представила доклад «Правовые аспекты адаптации мигрантов: Россия в контексте мирового опыта». Екатерина Киселева выступила с сообщением на тему «Интеграция мигрантов в контексте международных правозащитных обязательств государств». Комплексный подход к социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов в рамках некоммерческой организации обсудила координатор по обеспечению работы сервисов для мигрантов АНО «Новый век» Гульнара Карпухина.

Представители Института психологии и образования КФУ поделились своими мыслями и наработками в области адаптации детей мигрантов: об образовательных технологиях в работе с детьми мигрантов рассказала доцент кафедры дошкольного и начального образования Резеда Хайрутдинова, а доцент той же кафедры Чулпан Громова представила презентацию об учете культурного разнообразия в подготовке и деятельности российских учителей.

В заключение второй сессии с докладом «Практика взаимодействия и адаптации мигрантов в российском обществе: проблемное поле и перспективы развития» выступила магистрант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета Анастасия Яколенко.

Третья сессия круглого стола была посвящена аспектам адаптации и интеграции мигрантов в международном праве. В режиме видеосвязи выступил ответственный за совместную программу УВКПЧ ООН и Российской Федерации Рашид Алуаш. Его доклад был посвящен глобальному договору о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции как пути к разработке правозащитной системы управления международной мобильностью. О международно-правовых аспектах адаптации мигрантов в принимающем государстве рассказала Алла Ястребова. Правовые коллизии адаптации и интеграции мигрантов из стран ЕАЭС стали предметом сообщения Рустама Давлетгильдеева.

В рамках проекта важное место заняла деятельность, направленная на работу с молодыми исследователями, формирование их исследовательских компетенций и популяризацию науки. Центром VOICES+ в 2016 и 2017 гг. были организованы междисциплинарные летние школы, в рамках которых состоялись мастер-классы, лекции ведущих ученых, известных практикующих юристов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, представителей дипломатических учреждений государств-членов ЕС, международных организаций, а также были проведены модели Европейской комиссии, участники которых подготовили коммюнике Комиссии в адрес институтов ЕС по вопросам, представляющим интерес для Европейского союза.

Первая международная междисциплинарная летняя школа – **европейский молодежный форум «Будущее европейской интеграции: современные вызовы»** – проходила с 27 июня по 2 июля 2016 г. в КФУ. Она собрала более 50 студентов, аспирантов, молодых ученых и приглашенных экспертов. Среди участников летней школы были представители Иркутского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Уральского государственного юридического университета, Саратовской государственной юридической академии, Нижегородского государственного университета, Московского государственного юридического университета, Московского государственного института международных отношений, Казахского государственного юридического университета.

С приветственным словом на церемонии открытия выступили Линар Латыпов, Лилия Бакулина, председатель Конституционного суда Республики Татарстан Фархат Хуснутдинов, первый заместитель Министра юстиции Республики Татарстан Рустем Загидуллин, Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Великом герцогстве Люксембург в 2012–2015 гг., вице-президент Российской ассоциации международного права, эксперт Валдайского клуба Марк Энтин, а также Рустем Давлетгильдеев.

В числе приглашенных лекторов летней школы были директор Института Европы РАН Алексей Громыко с лекцией «Международные отношения в транзите: роль Европы»; Марк Энтин с лекцией о будущем отношений Европейского союза и России; директор центра международного права Университета Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция) профессор Жан-Марк Тувенэн с лекцией «Международное право и право ЕС: единое целое или отдельные правовые порядки? Взгляд в будущее»; профессор права ЕС Петер Ван Елсувехе из Университета Гента (Бельгия) с лекцией по упрощению и либерализации визового режима между ЕС и его соседями; профессор школы права Университета КИМЭП (Алматы, Казахстан) Женис Кембаев с лекцией «Перспективы внешней политики ЕС»; ведущий специалист в области европейского права Нижегородского государственного университета, координатор модуля Жана Монне Андрей Леонов с лекцией о перспективах участия ЕС в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Лекции также были прочитаны членами профессорско-преподавательского состава юридического факультета КФУ: Адель Абдуллин рассказал о прошлом, настоящем и будущем европейской интеграции; Рустем Давлетгильдеев осветил вопросы социальной политики ЕС; Гульнара Шайхутдинова охарактеризовала перспективы продвинутого сотрудничества ЕС; доцент кафедры международного и европейского права Мария Кешнер коснулась будущего Экономического и валютного союза ЕС. Магистранты Университета Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс Катарина Вуйчич и Агата Дюширон сделали презентации, посвященные новым тенденциям применения силы в современном международном праве и праве ЕС.

С 19 по 24 июня 2017 г. на базе юридического факультета КФУ прошла вторая международная летняя школа – **европейский молодежный форум по европейской интеграции «К 60-летию Римских договоров: история и современные вызовы»**.

В работе школы приняли участие заведующий кафедрой европейского права Университета МГИМО Марк Энтин с лекциями «Институциональные предпосылки кризиса в отношениях между Россией и ЕС и пути его преодоления», «Правовое сопровождение Всеобъемлющего большого Евразийского партнерства»; профессор, заместитель директора Института Европы РАН, вице-президент Ассоциации европейских

исследований Ольга Буторина с лекцией «Единая валюта: служанка или госпожа Европейского союза?»; профессор кафедры международного публичного и частного права Высшей школы экономики, заведующий сектором правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН Юрий Юмашев с лекцией «От политики взаимопонимания 1920-х годов до Евросоюза наших дней»; заведующий отделом восточноазиатских исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Нелли Бевеликова с лекцией «„Один пояс – один путь“: участие Евросоюза и государств-членов»; заведующий кафедрой европейского права и сравнительного правоведения Одесской юридической академии Хашматулла Бехруз с лекцией «Будущее европейской политики в области ассоциации с третьими странами»; Жолт Шпиндлер с лекцией «Урегулирование международных конфликтов в Европейском союзе»; Мадина Чеджемова с лекцией «Введение в международное право беженцев и мандат УВКБ ООН. Миграционные вызовы XXI века. Европейский миграционный кризис?»; руководитель центра международных проектов и программ управления международных связей Воронежского государственного университета Алла Акульшина с лекцией «Европейский путь для России: за и против»; доцент кафедры международного права, координатор модуля Жана Монне Воронежского государственного университета Дмитрий Галушко с лекцией «Влияние Европейского союза на правовые системы Российской Федерации и третьих стран»; Адель Абдуллин с лекцией «Европейская интеграция: прошлое, настоящее, будущее»; Рустем Давлетгильдеев с лекцией «Трудовая миграция ЕС и ЕАЭС: взгляд в будущее»; Гульнара Шайхутдинова с лекцией «Механизм продвинутого сотрудничества Европейского союза в действии»; Виктор Сидоров с лекцией «Великобритания в процессах европейской интеграции: от ЕЭС к Брекзиту»; доцент центра развития компетенций «UNIVERSUM+» ИМОИВ КФУ, руководитель направления «Лаборатория публичной социологии» Лилия Иликова с лекцией «Европейские правые: популизм или новый национализм?».

В адрес участников летних школ в КФУ поступили приветствия с пожеланиями успешной работы от председателя Европейской комиссии Жан-Клода Юнкера и комиссара ЕС по вопросам образования, культуры, молодежи и спорту Тибора Наврачича.

По истечении трех лет реализации проекта были достигнуты поставленные цели и задачи, проведена плодотворная работа по исследованию вопросов обеспечения европейской интеграции и взаимоотношений между ЕС, Россией и странами Евразийского региона. Команда Центра превосходства Жана Монне VOICES+ будет развивать обозначенные направления исследования и после завершения срока действия проекта.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *Н. С. Орлов*

Подписано к использованию 17.12.18.
Уч.-изд. л. 10,87. Объем 2,01 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит